

К 60-ЛЕТИЮ ПРИСВОЕНИЯ КОМСОМОЛУ
ИМЕНИ ЛЕНИНА.

Там, где БАМ
встречается с Чарой.

МИХАИЛ УЛЬЯНОВ
О ТЕАТРЕ
И О СЕБЕ.

№ 13 (1371) июль 1984

СМЕНА

ISSN 0131-8000

ШЕСТЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ С ИМЕНЕМ ЛЕНИНА — ЭТО САМООТВЕРЖЕННЫЙ ТРУД ВО БЛАГО РОДИНЫ, ВЕРНОСТЬ КОММУНИСТИЧЕСКИМ ИДЕАЛАМ МНОГИХ ПОКОЛЕНИЙ КОМСОМОЛЬЦЕВ.

«Вам, вероятно, приходилось слышать рассуждения о том, что только в юности человеку свойственно быть романтиком, мечтателем. И будто с возрастом это непременно проходит. Обступают, мол, со всех сторон житейские заботы, и для мечты, для стремления к высоким идеалам не остается места. Что ж, с некоторыми людьми так оно и случается. Но это вовсе не закон природы. Во всяком случае, в нашей стране он обязательного действия не имеет и не должен иметь.

Мы живем по другому принципу, по принципу революционеров. По тому, что завещал нам Ленин, призывавший борцов за создание нового общества: «Надо мечтать!». Как никто другой, сам Владимир Ильич и в молодости, и в зрелые годы, всегда, вплоть до последних дней жизни, умел

мечтать вдохновенно и заразительно. Его главная мечта — о коммунистическом будущем нашей Родины — живет в умах, сердцах и делах советского народа. С нею мы никогда не расставались, никогда не расстанемся. И сейчас, когда у нас за спиной десятилетия социалистического строительства, когда мы стали мудрее, реалистичнее в оценках своих перспектив, мы научились и вернее, надежнее прокладывать путь к осуществлению нашей высшей цели — коммунизму».

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС,
Председателя Президиума Верховного Совета СССР
К. У. ЧЕРНЕНКО
на Всесоюзном совещании
секретарей комсомольских организаций

**Валентин
ЧИКИН,**
лауреат премии
Ленинского
комсомола

НЕ ДЛЯ КРАСНОГО

На редкость близким родством породнен комсомол с Лениным — родством молодости. Штурманы Октября, близко стоявшие к Ильичу, знали, видели, свидетельствуют: он был молод и в свои пятьдесят три года, он остался бы молодым всегда, сколько бы ни прожил на свете, потому что молода революционная отвага Ильича, молод ленинизм — от него веет мировой молодостью, колоссальным будущим... И сам Владимир Ильич еще в зоревые годы первой русской революции произносит вслед за Энгельсом манифестальные слова о вечной молодости коммунистического движения:

— Мы партия будущего, а будущее принадлежит молодежи. Мы партия новаторов, а за новаторами всегда охотнее идет молодежь. Мы партия самоотверженной борьбы с старым гнильем, а на самоотверженную борьбу всегда первой пойдет молодежь... Мы всегда будем партией молодежи передового класса!

От истоков большевизма и алых всполохов на Пресне, от Октябрьского штурма и буденновских лав, от закладки социалистической государственности и первого советского букваря восходят думы Ильича о продолжателях революционного дела, о молодой смене, о коммунистических наследниках. Этими думами наполнена «бездонно глубокая», как определяли современники, ленинская речь на Третьем комсомольском съезде — из тех глубин и черпаем мы лучистую силу коммунистической энергии. Но кроме исторической речи — сколько же Ильичем было передумано о судьбах юношества, сколько переговорено, что называется, без конспектов и стенограмм. Вглядимся в редкие ленинские снимки и кадры кинохроники, вчитаемся в лаконичные строки записок и писем, вслушаемся в доверитель-

ный тон воспоминаний: Ленин постоянно в плотном кольце посветлевших юных лиц вчерашних фабзайчат, красногвардейцев, культурмейцев... Он ежедневно общается с ними, живет их заботами и мечтами. Не по томам классического наследия, а по наглядным будничным урокам революции называет Владимира Ильича своим первым учителем самая ранняя комсомолка. И не только учителем — добрым отцом, всепонимающим другом, справедливейшим из товарищей!

Сколь же тяжким был для них удар невосполнимой утраты — смерть Ильича. И сколь страстным, по-сыновьи выстрадаанным, сознание долга: про должить, довершить отцовское дело. И прежде, чем юношество Страны Советов услышит крылатые слова Шестого съезда РКСМ: «Не для красного словца...» — оно скажет свое сокровенное слово.

...Где-то в рабочих кварталах на Красной Пресне в молодежный клуб стекаются сотни питомцев пятого года, Гаврошей Октября, с самодельными плакатами из кумачовых лоскутов и красных скатертей. Еще Ильич в пути, в последнем, надрывающем людскую грудь пути из Горок в Колонный зал, а молодые, движимые первым горячим дыханием боли, собираются вместе. Кажется, даже воздух до предела уплотнен над неподвижными головами скорбного собрания — весь из молчаливого плача и непреклонной воли. «Наш клуб, товарищи, — звучит голос организатора, — центральный, в самом рабочем районе Москвы... Есть предложение назвать его клубом «Молодых ленинцев». Думаю, что окажемся достойными великого звания учеников любимого учителя... Нет возражений? Единой грудью выдыхает зал: «Нет!» Звучат слова как присяга: мы теперь не просто комсомольцы, не просто рабочие ребята, мы сейчас — молодые ленинцы. Ильич нас

учил — живите так, чтобы быть примером. Значит, все лучшее — в комсомольский коллектив; все худшее — пьянка, вранье, нетоварищество — как сорную траву с поля вон. Все в клубе — в каждом кружке, в каждом деле, в каждом человеке должно говорить о том, что мы — молодые ленинцы.

...Где-то в приграничном Берездове вот уже несколько недель пластом слез «неистовый комиссар», без малого как год прибывший из Шенетовки. Коварная рана, низвергнувшая его в кавалерийской атаке, безжалостно скрутила сорок месяцев спустя. Он, девятнадцатилетний «ветеран» гражданской, секретарь райячейки Николай Островский, только-только — в пятую годовщину РКСМ — переведенный кандидатом в члены партии, чувствует себя обреченным. Но в черный январский понедельник 1924 года какая-то неистовая сила подняла его и поставила на ноги. Он запахнул в свою длиннополую шинель, взял в руки посох и двинулся в райком. Траурный портрет над знакомым порогом страшнее сабельного удара в бою... Темный туман насаждает на плечи, горло сжимают спазмы. Он не мог вымолвить ни слова, мог только слушать и чувствовать, как ложится в глубь души каждое слово партийного призыва и прорастает живой ленинской силой. Годы спустя его спросят о самом волнующем дне, и он назовет тот день, когда к его постели придут сестра и брат Ленина — Мария Ильинична и Дмитрий Ильич, когда он услышит их сердечное признание: гордимся и радуемся высокому качеству выплавленной стали.

...Где-то в приволжском Буинске, близ родных мест Владимира Ильича, его безвестный тезка — комсомолец Владимир Тукальский доверяет листку бумаги самую сокровенную клятву, которая теснит грудь, может быть, сотен тысяч таких, как он:

— Я, член Российского Коммунистического Союза Молодежи, сегодня над свежей могилой вождя и учителя Владимира Ильича Ленина клянусь все свои силы, все стремления, всю свою жизнь посвятить выполнению заветов Ильича, борьбе за дело победы рабочих и крестьян всего мира... Клянусь, что знамя революционного марксизма, поднятое Ильичем, будет вечно моим знаменем... Клянусь в тернистых, извилистых, опасных и трудных путях к победе никогда не поддаваться усталости, колебаниям и унынию. Клянусь выковать из себя твердого, закаленного, непобедимого ленинца!

...Еще Ильич — в Колонном зале, еще пролетарская коммунистическая Москва — в почетном карауле, еще до Шестого съезда — целых полгода, а Цекамоу не сдержат учащенного сердцебиения сотен тысяч присягающих на верность Ильичу. В пятницу 25 января на экстренном заседании Пленума ЦК РКСМ вносится предложение о переименовании комсомола, рассмотреть которое предстоит съезду РКСМ. Эти двадцать четыре предсъездовских недели до середины лета станут временем поистине всеюношеского референдума страны. Смысл всех высказываний от начала до конца сконцентрирован в одном устремлении: скорее провести в жизнь постановление о переименовании, «чтобы имя Ильича всегда напоминало нам о великих наших обязанностях, которые мы поклялись выполнить...».

Почти тысяча делегатов от семисоттысячного союза молодежи, собравшиеся в Большом театре, представляют собой мощное ядро не только второе выросшей после Пятого съезда, но и качественно обновленной организации — теперь только число молодых рабочих в полтора раза превышает весь состав РКСМ 1922 года. Приветствуя в свое время Пятый съезд, Вла-

дмир Ильич высказал уверенность, что «...молодежь сумеет развиваться так успешно, чтобы ко времени назревания следующего момента мировой революции оказаться вполне на высоте задачи».

Пятнадцать месяцев между съездами составили целую историческую полосу труднейших испытаний: партийные битвы за ленинизм, прощание с вождем, ленинский призыв... И Шестой съезд может с честью подтвердить: молодежь оказалась вполне на высоте задачи, политическая зрелость приходит теперь не с годами — с каждым часом, из «союза подростков» комсомол становится «вождем рабочей молодежи».

На первом же торжественном заседании, после траурных почестей, съезд с величайшим энтузиазмом принимает предложение январского Пленума переименовать РКСМ в «Российский Ленинский Коммунистический Союз Молодежи». Председательствующий — лобастый белокурый богатырь-смолянин Николай Чаплин, считанные недели как избран секретарем ЦК, — предлагает обратиться с Манифестом ко всем комсомольцам, ко всей рабочей и крестьянской молодежи,

говорил: «Что же, это уже икона», — и в его сочинениях есть цитаты, в которых он говорит, что икона — это нечто такое, чему надо помолиться, поклониться, перед чем надо прекреститься, но что никак не влияет на действия людей. Ленина не надо превращать в икону. Надо, чтобы его идеи служили руководством к действию. Эта мысль, мне кажется, должна быть руководящей идеей у тех комсомольцев, которые хотят стать ленинцами.

ИЗ МАНИФЕСТА VI СЪЕЗДА РЛКСМ: Не для красного словца, не из желания носить лучшее из всех имен, не только для того, чтобы почтить уважением память великого усопшего, приняли мы это решение. Нет, мы приняли его для того, чтобы вся трудящаяся молодежь всех народов, населяющих СССР, вместе со своим передовым отрядом — Коммунистическим Союзом Молодежи — прониклась единой волей и твердой решимостью научиться по-ленински жить, работать и бороться, осуществлять заветы, оставленные нам Лениным.

Сколько раз Владимиру Ильичу, так же как Марксу и Энгельсу, приходилось сталкиваться с людьми, целыми

группами и сословиями, которые сотрясали свой мир сильными эмоциями и великими намерениями. В иных случаях это выглядело картинно и безобидно, а иногда очень мешало рабочему движению. Молодежь, в частности студенческую, желающую «революционизироваться», он предупреждал: *только революционное чувство не может создать идейного объединения; чтобы достигнуть этой цели — необходим социалистический идеал.* Всем группам, кружкам, организациям, стремящимся к этому, следует поставить на первый план *выработку... цельного и последовательного мирозерцания, серьезное ознакомление с марксизмом.*

Кажется, до Ленина никто из бессмертных учителей человечества не умел высшую цель, благороднейший идеал так решительно и точно «заземлять» на повседневную практику, целую историческую мечту-формацию раскладывать на мириады конкретных дел, возлагая на каждого ношу по плечу. И у каждого, добивается он, перед мысленным взором должна стоять целостная перспектива общественного развития.

Кто-то из предводителей меньшевизма, признавая свое бессилие перед ленинской идейной убежденностью, оправдывался: подите-ка, мол, справьтесь с ним, нет больше такого человека, который все двадцать четыре часа в сутки был бы занят революцией. Можно, конечно, улыбнуться по поводу гиперболы растерявшегося меньшевика, но нельзя не восхититься по-ученически могучей силой убеждения нашего вождя. Сила эта не притекает откуда-то сама собой, а добывается нескончаемым познанием, честнейшим исследованием, самоотверженным трудом. Прекрасно свидетельствует об этом друг и соратник Ильича, годами наблюдавший его вблизи в самой различной обстановке — в питерском предместье, в тюремном заключении, в сибирской глуши, на берегах Женевского озера, в залах кремлевских палат — Глеб Максимилианович Кржижановский:

— Когда, бывало, в далекой сибирской ссылке, в скромной деревенской избе села Шушенского я наблюдал обычный распорядок рабочего дня Владимира Ильича, то невольно бросалась в глаза высокая приподнятость этого человека над тем, что можно считать незаурядной талантливостью и большой работоспособностью. И приходилось только удивляться, как этот живой и отзывчивый товарищ, такой любитель общения с природой, вместе с тем с какой-то особой естественной непринужденностью так строит свой жизненный обиход, что каждый прожитый им день дает ему максимальный бросок для движения вперед и для тесного общения с ведущими умами человечества... О Ленине можно с предельной точностью сказать, что дума о научно обоснованном и решительном революционном преобразовании нашей Родины была всепокоряющей думой его жизни. И он не щадил сил своей пламенной души на этой великой пожизненной вахте.

ИЗ МАНИФЕСТА VI СЪЕЗДА РЛКСМ: На нас, комсомольцев, ложатся особо ответственные задачи, еще большие обязанности, когда мы написали на своем знамени имя Ленина, учителя и вождя, который во всем будет нам примером. Наши задачи заключаются не только в том, чтобы с удвоенной и утроенной энергией проводить заветы, оставленные Лениным всей молодежи. Комсомольцы, не имеющие никаких преимуществ над беспартийной молодежью, имеют, однако, гораздо больше обязанностей, чем беспартийные молодые рабочие и крестьяне.

Коммунизм не падает с неба, не рождается из головы или желания хороших людей, его надо построить собственными руками. Определяя задачи союзов молодежи, Владимир Ильич уверенно рисует мощную картину преобразующего труда, когда единый, монолитный многомиллион-

ный коллектив работает «...по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку». В этом великом общественном преобразовании союзу коммунистической молодежи Ленин отводит место ударной группы, «которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, своей почин». Перспективу хозяйственного строительства Владимир Ильич видит не иначе как возрождение промышленности и земледелия на современной технической основе, которая похочется на современной науке... Такой основой он, в частности, считал электричество.

Какой бы грандиознейшей и несбыточной ни казалась программа ГОЭЛРО, каким бы загадочным туманом ни обволакивались научные открытия и технические шедевры, все это так или иначе достижимо. Куда трудней произвести переворот в психологии человека, добиться, чтобы труд стал поистине всеобщим, добровольным, коллективным, производительным — словом, социалистическим. *Сразу общего труда не создашь*, — предупреждает комсомольцев Владимир Ильич, — *это надо выстрадать. Это создается в ходе борьбы.*

Прекрасно, что в центр нашей вселенной мы ставим человека с его способностями, запросами, потребностями — таков наш коммунистический взгляд на личность. Но он предполагает и полную самоотдачу личности. Прежде чем придет это сознание к человеку, отрегулирует по каналам кисти все его связи с трудом и потреблением, сколько наслоится случайных оценок, сомнений, эгоизма... Помочь человеку очиститься от всего этого, найти свое лучшее, истинное лицо — здесь, здесь работа коммунистических воспитателей, необходимо именно их обостренное политическое чутье, постоянная включенность в жизнь коммунистической справедливости и сознательности, чтобы по-островски окликнуть тех, кто созерцает, как растет «дворец человеческого счастья»: «Пусть ваши руки будут по локоть измазаны цементом и глиной, иначе в доме, построенном не вашими руками, будет вам и холодно и стыдно».

ИЗ МАНИФЕСТА VI СЪЕЗДА РЛКСМ: Задача молодого поколения, которое хочет выполнить заветы Ленина, выйти из нужды и разрухи, сделать нашу страну, а с ней и все человечество счастливым, свободным, живущим в труде, но и в достатке, заключается в том, чтобы объединить свои усилия, соединить все свои разрозненные силы на борьбу с темнотой, некультурностью, отсталостью в хозяйстве, бедностью, предрассудками, вековой косностью и ленью, неумением работать, разгильдяйством, неверием в силы науки и техники — и артельным трудом всем сообщать и по общему уговору, начиная с маленького, незаметного..., подвигаться вперед к мощному развитию нашей промышленности, нашего хозяйства, к кооперированию всего населения, к электрификации.

Те, кто слушал Владимира Ильича на комсомольском съезде, в один голос говорят, каким поразительным открытием для всех шестисот вожаков юношества, собравшихся в театральном зале на Малой Дмитровке, было ленинское кредо политического развития молодежи, сформулированное на тот день и навсегда: «Задача состоит в том, чтобы учиться». Владимиру

СЛОВЦА...

чтобы пояснить смысл решения, чтобы каждого вооружить пониманием того, что значит научиться по-ленински жить, работать и бороться. Надежда Константиновна Крупская, вышедшая затем на трибуну, встреченная с сыновней признательностью, дает мудрое напутствие комсомолу. Если комсомол теперь Ленинский, он должен заниматься подготовкой ленинцев. А это значит — надо прежде всего изучать Ленина, узнавать Ленина, усваивать то, что им продумано и сделано для взращивания молодого коммунистического поколения.

В партере и на ярусах перед Надеждой Константиновной сидят парни, которые слышали выступление Ильича в октябре 20-го, помнят, как язвительно говорил он о коммунистических начатках и хвастунах, любителях прикрываться красивыми лозунгами; помнят и объяснение с Ильичем по поводу названия молодежного союза; и все же Надежда Константиновна намерена предостеречь молодежь от гипноза величественных слов и наречений, от всякой показной революционности. Когда, мол, Владимир Ильич был таким же молодым, как вы, — чуть, может, постарше, — он цитировал в своей первой книге строки стихотворения Лессинга: мы хотим, чтобы нас меньше почитали, но зато прилежнее читали!..

— Вот эта цитата, в которой говорится, что мы бы хотели, чтобы нас не столько прославляли, сколько читали, я думаю, может быть отнесена и к Владимиру Ильичу. Часто в разговоре он с сожалением употреблял презрительное слово «икона», когда речь заходила о каком-нибудь старом революционере, который не имел уже никакого влияния, слова которого не влияли никак на действия массы, но которого окружали почетом и всячески превозносили. Владимир Ильич

группами и сословиями, которые сотрясали свой мир сильными эмоциями и великими намерениями. В иных случаях это выглядело картинно и безобидно, а иногда очень мешало рабочему движению. Молодежь, в частности студенческую, желающую «революционизироваться», он предупреждал: *только революционное чувство не может создать идейного объединения; чтобы достигнуть этой цели — необходим социалистический идеал.* Всем группам, кружкам, организациям, стремящимся к этому, следует поставить на первый план *выработку... цельного и последовательного мирозерцания, серьезное ознакомление с марксизмом.*

Быть ленинцем — значит быть революционером! — прозвучало на Шестом съезде. Не громко ли сказано? — ведь Зимний и Перекоп — уже история! Не громко, если в будничной жизни под революционностью понимать всякую преобразующую деятельность от разработки принципиально новых научных схем и моделей до наведения элементарного порядка на своей улице — признаться, чтобы выйти с метлой к подъезду, тоже надо кое-что побороть внутри себя. Ленин часто указывал своим единомышленникам на будничную работу.

Как судить о политической зрелости молодого коммунистического бойца? Наверное, прежде всего по тому, насколько полно захвачен он своим идеалом, насколько слитна его личная жизнь с общественной. Стоит вспомнить еще раз, как Владимиру Ильичу переводил и трактовал делегатам комсомольского съезда латинское слово «коммуник». Только тогда коммунистический союз молодежи оправдывает свое название, убеждает он, когда каждый шаг своего учения, воспитания, образования будет связывать с участием в общей борьбе всех трудя-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 13 (1371) ИЮЛЬ 1984

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
компрессорщица
Удоканской
геолого-разведочной
экспедиции
Анна ФИЛИПОВА.

Фото
Альберта
ЛЕХМУСА.

1 Валентин ЧИКИН,
лауреат премии Ленинского комсомола.
«НЕ ДЛЯ КРАСНОГО СЛОВЦА...».

4 ВЛКСМ: 60 ЛЕТ С ИМЕНЕМ ЛЕНИНА.
«...В ЭТОМ СОСТОИТ
КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ».
О высокой нравственности, сознательности,
ответственности молодых.

8 Рассказ Николая САМВЕЛЯНА
«ВСТРЕТИТЬСЯ И НЕ РАССТАВАТЬСЯ».

12 Юрий РАГОЗИН.
«УРОКИ ДОВЕРИЯ».

15 Владимир ФИЛИПОВ. «ВСЕГДА ГОТОВ!».

16 «ЧАРЫ МЕДНОЙ ГОРЫ».
Фотоочерк Ады ДИХТЯРЬ
и Альберта ЛЕХМУСА.

18 Стихи Максима ГЕТТУЕВА и
Новеллы МАТВЕЕВОЙ.

22 Леонид МЛЕЧИН.
«ПОСЛЕДНИЙ ДОВОД».
Политический детектив.

24 СПОРТ В НАШЕЙ ЖИЗНИ.
Олег ТАРАСОВ.
«МОТОЦИКЛ В ОБЛАКАХ».

26 ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.

28 МИХАИЛ УЛЬЯНОВ:
«ТЕАТР, ЖИЗНЬ, МЫСЛЬ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК,
А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора),
Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИ-
КИДЗЕ, Ю. М. ПОЛЯКОВ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБ-
ЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ,
И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИ-
БАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор А. В. Гусева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1984 г.

Ильичу хотелось выразить одним сло-
вом весь издавна бьющийся ток мыс-
лей, адресованных молодым, и он на-
ходит это удивительно емкое, простое,
духподъемное слово: учиться. Как
Паганини, извлекающий из одной
скрипичной струны целые каскады
страстей, Владимир Ильич в своем
стремительно восходящем монологе
зримо выстраивает из материала одно-
го только понятия объемную, диалек-
тически связанную систему целевых
установок коммунистически развива-
ющейся молодежи.

Учиться, чтобы постигать мир. Со-
циализму нужны не прислужники, не
чиновники, не механические исполни-
тели, умеющие читать и писать, а
люди, владеющие общечеловеческой
культурой. Надо взять всю сумму че-
ловеческих знаний. *«Не загромож-
дать своего ума тем хламом, кото-
рый не нужен, а обогатить его знани-
ем всех фактов, без которых не мо-
жет быть современного образованно-
го человека».*

Учиться, чтобы преобразовать мир.
Даже хозяйственное возрождение
страны, превращенной империалисти-
ческой и гражданской войнами в на-
громождение развалин, даже восста-
новление, реконструкция земледелия
и промышленности на новой техниче-
ской основе требуют серьезной подго-
товки. А участвовать в социалистиче-
ском строительстве можно, только
овладев всем современным знанием.
Комсомолу же Владимир Ильич отво-
дит первопроходческую роль: *вы
должны быть первыми строителями
коммунистического общества среди
миллионов строителей.*

Учиться, чтобы управлять. Произ-
водством, государством. А чтобы уп-
равлять, надо быть компетентным... С
первых же послеоктябрьских дней,
когда передовые слои рабочих взялись
за государственное строительство,
Владимир Ильич постоянно обращает
свои взоры к вызревающему подросту
рабочего класса. Он зовет большеви-
ков спускаться ниже, глубже, смелее
привлекать молодых. *Они еще не обу-
чены, они неизбежно будут делать
ошибки, но мы этого не боимся. Мы
знаем, что это создаст нам молодые
кадры работников, вознаградит нас
сторицей тем, что даст нам десятки
молодых, более свежих сил... Мы
должны идти только вперед, брать
середь дня молодых рабочих, ста-
вить представителей пролетариата
на все более и более ответственные
посты.*

Учиться коммунизму. Это самая
сложная из наук. Ее нельзя постичь,
не овладев основами марксизма, ди-
алектическим методом. Не забудем
при этом: механическое усвоение
учебников и лозунгов — дело бесполез-
ное, если не вредное, как вредны сами
по себе коммунистические начетчики
и хвастуны. Овладевая марксистскими
знаниями, молодому человеку важно
одновременно брать уроки у жизни
— изучать, исследовать, анализиро-
вать жизненные факты и явления.
Мало того, полученные знания и выво-
ды надо приложить к практическому
делу, только тогда можно *«...превра-
тить коммунизм из готовых заучен-
ных формул, советов, рецептов,
предписаний, программ в то живое,
что объединяет вашу непосред-
ственную работу, превратить
коммунизм в руководство для вашей
практической работы».*

**ИЗ МАНИФЕСТА VI СЪЕЗДА
РЛКСМ: ...Задача, которая стоит перед
молодым поколением рабочих и кре-**

**стьян, заключается в том, чтобы
учиться, получать и накапливать зна-
ния. Причем учиться не по-книжному,
а учиться из жизни, из опыта борьбы
и работы и уметь проверять на прак-
тике все знания, полученные из
книг.**

Все дело воспитания, образования и
учения молодежи Владимир Ильич
подводит к воспитанию в ней комму-
нистической морали. Его молодым
современникам надо еще разъяснить:
а существует ли вообще какая-то осо-
бая коммунистическая мораль? в чем
она?

«Если я беру себе известный кусок
земли, рассуждает Владимир Ильич,
возделываю на нем вдвое больше хле-
ба, чем нужно мне, и излишком хлеба
спекулирую?.. Разве я тогда поступаю,
как коммунист? Нет, как эксплуататор,
как собственник... Если я имею
свое местечко, как врач, как инженер,
учитель, служащий, и, потворствуя,
угождая власть имущим, сохраняю
свое местечко, да еще смогу и пробить-
ся, выйти в буржуа? Разве это нрав-
ственно? Нет. Новое, коммунистиче-
ское воспитание, размышляет Влади-
мир Ильич, должно состоять не в
обольщении молодежи усладительны-
ми речами и правилами о нравствен-
ности, а в борьбе против эксплуататоров,
против эгоистов и мелких собствен-
ников, *«против той психологии
и тех привычек, которые говорят: я
добываю своей прибылью, а до ос-
тального мне нет никакого дела».*
Владимир Ильич резюмирует: *для нас
нравственность, взятая вне чело-
веческого общества, не существует:
это обман. Для нас нравственность
подчинена интересам классовой бор-
ьбы пролетариата.*

Да, отношение к собственности мо-
ментально выявляет нравственные
установки человека. А взгляд на ста-
канчик вина? А межличностные отно-
шения? А такие вечные понятия, как
любовь, взаимоотношения мужчины и
женщины? Где тут грани революцион-
ного? Не рядится ли здесь порой фана-
тичный аскетизм и старомодное ме-
щанство в одежды коммунистической
зыскательности?

Октябрьскими вечерами той осени,
когда состоялось выступление на ком-
сомольском съезде, Владимир Ильич с
предельной откровенностью и взвол-
нованностью (*«Будущее нашей моло-
дежи меня глубоко волнует»*) обсу-
ждал с Кларой Цеткин именно этот
аспект нравственности.

— Революция требует от масс,
от личности сосредоточения, напря-
жения сил... Пролетариат — восходя-
щий класс. Он не нуждается в опьяне-
нии, которое оглушало бы его или
возбуждало. Ему не нужно ни опьяне-
ния половой несдержанностью, ни
опьянения алкоголем. Он не смеет и
не хочет забыть о гнусности, грязи и
варварстве капитализма. Он черпает
сильнейшие побуждения к борьбе в
положении своего класса, в коммуни-
стическом идеале. Ему нужны яс-
ность, ясность и еще раз ясность...
Не должно быть никакой слабости,
никакого расточения и уничтожения
сил. Самообладание, самодисципли-
на — не рабство; они необходимы и в
любви.

Разговор о нравственном здоровье и
добрых деяниях союзов молодежи
Владимир Ильич в своей съездовской
речи не случайно подводит к мотивам
обеспечения чистоты, наведения по-
рядка. Чистоплотность, цивилизован-
ный быт — тоже сторона нравственно-
сти. Первый управдел ленинского Сов-

наркома вспоминает, как весной 1920 года три десятка комсомольцев приехали в Кремль с Восточного фронта, опрокинувшего Колчака. Взвешенные атаками, опаленные наступательным духом, они горели жаждой от самого Ленина получить направление новых атак. А услышали?... Спасибо за ваши жертвы, за ваши подвиги в великом походе, Родина, партия никогда не забудет этого. А теперь идите в рабочие кварталы. Нам нужно проводить в быт культуру, социализм. Люди живут в грязи, в болезнях, в плену мещанства и поповщины, безграмотности и пьянства.

— Когда отдохнете от фронта, соединяйтесь в двойки, в тройки, свяжитесь с районными организациями, с санитарными ячейками, ячейками охраны труда и отправляйтесь в новый поход. Вы окупаетесь в самую гущу жизни и сейчас же встретите комнаты, наполненные тараканами, клопами, вшами. Они заедают детей, распространяют болезни, показывают всю ужасающую нашу отсталость. Надо пойти по рабочим районам и начать борьбу за чистоту, за опрятность, за грамотность!.. Надо организовать в рабочих кварталах такие добровольные организации, борющиеся за культуру, которые неустанно проводили бы в жизнь все требования культуры.

Комсомольцы буквально ошарашены этим ленинским поручением. Если бы им предложили произвести революцию на Луне, с улыбкой замечает управляющий Совнаркома, для них это было бы понятней... А Ильич терпеливо и настойчиво раскрывает перед самоотверженными юными бойцами поистине революционный характер нового похода за социалистический быт.

ИЗ МАНИФЕСТА VI СЪЕЗДА РЛКСМ: ...Бороться за то, чтобы вырвать из-под гнета вековых предрассудков каждую девушку — работницу и крестьянку, каждого юношу. А вырвав их из цепких лап прошлого — приобщать к строительству нового.

Какой бы доверительный разговор ни складывался у Владимира Ильича с молодыми коммунистами, каких бы ответственных задач ни ставил перед комсомолом, он никогда не отделяет, не обособляет передовой отряд от всего юношества. Наоборот. Быть коммунистом, — скажет он, — это значит организовывать и объединять все подрастающее поколение. Сколько помнит себя Владимир Ильич в переплете ключевых событий, обостряющихся ситуаций, постоянно приходилось ему подталкивать даже серьезных революционеров, жалующихся на недостаток помощников: идите к молодежи! В канун первой русской революции он прямо-таки бомбит из Женевы питерских организаторов письмами, начиненными взрывной энергией.

— Нужны молодые силы... В России людей тьма, надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь, не боясь ее...

Всякому организатору-практику Владимиру Ильичу стремился внушить ту истину, что готовеньких молодых бойцов, политически всесторонне зрелых, никакой боженка ему не пошлет. Самому надо их организовать, завербовать из той среды, которая непосредственно вовлечена в решающие социальные процессы. И в революционизировании стихийной силы, в формировании политически «сырой»

еще юной личности надо прежде всего опираться на университеты жизни, обучать самым наглядным образом на конкретных уроках происходящих событий. Мало того. Необходимо вовлекать молодежь в непосредственную революционную работу и воспитывать уже на практическом деле.

...Как-то зимним вечером в начале второго октября года в райкоме партии на Красной Пресне раздается поздний звонок из Совнаркома. Владимиру Ильичу необходимо поговорить с кем-нибудь из руководителей. Е. Логинова, дежурившая в ту ночь, восемнадцатилетняя секретарь райкома комсомола, готова сбегать, разбудить кого надо. Но Ленин дает поручение именно ей:

— Возьмитесь-ка вот за какое дело: через два дня у вас должна быть беспартийная конференция... так вот — вам персонально поручается, чтобы члены Союза молодежи, кто постарше и посерьезнее, обошли все заводы, фабрики, мастерские, солдатские казармы и выявили бы с помощью партийных товарищей всех, кто чем-нибудь недоволен, ворчит на трудности. Каждому такому рабочему или красноармейцу вручить приглашительный билет. Об исполнении сообщите дежурному в Совнарком.

И вскоре Владимир Ильич появляется в Народном доме на Красной Пресне, выступает с докладом, после долго и обстоятельно отвечает на множество вопросов — говорит до тех пор, пока не просветлело в зале от воодушевленных лиц... Соприкоснувшись с одним лишь штрихом из широчайшей ленинской практики, молодой комсомольский вожак получает предметный урок конкретной работы с людьми, отчетливо понимает, как умело и настойчиво надо опрокидывать всяческие преграды, чтобы чувствовать себя своим человеком в народной гуще, знать все, влиять на всех.

ИЗ МАНИФЕСТА VI СЪЕЗДА РЛКСМ: Первая наша обязанность состоит в том, чтобы не замыкаться в самих себя, не чваниться тем, что мы комсомольцы, не обособляться от молодых рабочих и крестьян, а вести свою работу так, чтобы все видели пользу от нашей работы и чтобы все молодое поколение трудящихся шло за нашими знаменами...

Известна истина: всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться. Еще до октябрьской грозы, еще до того, как народится социалистическое государство, Владимир Ильич в думах своих видит тех пламенных юных бойцов, которым предстоит исполнить священный долг защиты социалистического Отечества: он представляет себе сознательных работниц, которые скажут своим сыновьям: «Ты вырастешь скоро большой. Тебе дадут ружье. Бери его и учись хорошенько военному делу. Эта наука необходима для пролетариев — не для того, чтобы стрелять против твоих братьев, рабочих других стран, как это делается в теперешней войне... — а для того... чтобы положить конец эксплуатации, нищете и войнам не путем добреньких пожеланий, а путем победы над буржуазией и обезоружения ее».

Сколько надо было положить сил Коммунистической партии, Ленину, чтобы убедить народ учиться военному делу. И мудрый этот посев дает поистине богатейшие всходы социалистического патриотизма с первых дней гражданской войны. Перечиты-

вая, прикасаясь сердцем к сотням и сотням ленинских писем, записок, телеграмм, чувствуешь: они пылают пламенем боя, они как зов поднявшегося рядом комиссара: «Не падать духом, продержаться... бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека! победа будет за нами!» Тысячи и тысячи бойцов лично провожает на фронт Владимир Ильич своим напутственным словом; никогда не упускает возможность, столкнувшись с комсомольцами, расспросить: учатся ли они стрелять? переписываются ли с товарищами, ушедшими на фронт? участвую ли к семьям красноармейцев? помогают ли чекистам?..

Первая наша заповедь, неустанно повторяет Ильич, быть начеку. И хотя мы добыли революции победу в гражданской войне, она досталась очень дорогой ценой; и хотя мы отучили ряд держав от войн с нами — не оставляет тревога: надолго ли? Ни один крупный мировой вопрос, ни одна революция, учит Ленин, не решается иначе, как в ряде войн. Надо быть готовым к тому, что при малейшем изменении ситуации империалистические хищники снова нападут на нас. Надо быть готовым к этому. Отсюда ленинский наказ молодым: учиться военному делу настоящим образом!

ИЗ МАНИФЕСТА VI СЪЕЗДА РЛКСМ: Задача молодых рабочих и крестьян, которые хотят выполнить заветы Ленина, заключается... в том, чтобы быть всегда готовыми отстаивать рабочее государство, созданное Лениным, чтобы укреплять нашу Красную Армию и Красный Флот и в нужный момент прийти на помощь борющимся рабочим...

Принимая как великую святыню отцовское имя вождя, комсомол теснейшими, родными узами навечно соединяет себя с партией Ленина; присягает ей на сыновнюю верность, идею слитность, преемственность, самое прилежное ученичество. Молодая гвардия, объединенная союзом молодежи, устремлена твердо идти дорогой Ленина, след в след за старой гвардией большевиков; преисполнена жажды и решимости брать постоянные уроки борьбы, перенимать ценнейший опыт, растить подлинных ленинцев, передавая их в партийные ряды, обольшеивать все отряды и слои молодых строителей новой жизни.

ИЗ МАНИФЕСТА VI СЪЕЗДА РЛКСМ: По тысячам фабрик и заводов, по рудникам и шахтам, по лицу всей земли советской, в селах и деревнях разнесет комсомол знамя и идеи ленинизма. Он поднимет и воспитает под руководством славнейшей, испытанной РКП новые сотни тысяч ленинских бойцов.

Кому, как не партии коммунистов, не героическому советскому народу, судить, сколь достойна великого имени, сколь верна своей клятве большевистская, ленинская смена.

В высшей степени достойна! — говорят ее дела и награды, всемирное признание и авторитет, ее историческая слава и не менее славное будущее.

В канун шестидесятилетия присвоения Союзу молодежи имени Ленина, выступая перед армейскими комсомольскими вожаками, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ К. У. Черненко отмечает: первейшим условием всех успехов ленинской молодежи, важнейшим гарантом

революционной преемственности поколений является руководство партии молодежным движением. Неуклонно проводя этот принцип в жизнь, партия руководствуется не какими-то соображениями собственного престижа или демонстрации влияния, а исключительно заботясь о достойной смене продолжателей великого дела.

Очертив широкую панораму современного участия трудового юношества в коммунистическом строительстве, назвав новые яркие страницы комсомольской славы, Константин Устинович Черненко выразил уверенность, что вклад Ленинского комсомола в развитие общества, в преобразование Родины будет расти, умножаться. Планы партии и на ближайшую пятилетку и на перспективу вплоть до начала нового века создаются с твердым расчетом на мощь, интеллект, духовную силу молодого поколения, на его мастерство и творческое дерзание, на его трудовую совесть и сознание долга.

Нынешняя смена молодых ленинцев — первое поколение, вступающее в самостоятельную жизнь в условиях развитого социализма, располагает невиданными ранее возможностями, от его творческих усилий, духовной озаренности многое зависит. Не следует, однако, обольщаться легкими успехами. Не наслаждаться лишь плодами прежних дней и трудов призывает партия молодых. А засучив рукава в полную силу подключаться к той нелегкой многоплановой работе, которая определяется как совершенствование развитого социализма. Именно эта формула заложена в основу новой редакции Программы КПСС, которую предстоит принять XXVII партийному съезду.

Мы можем и должны сделать наше общество таким, — отмечает Константин Устинович Черненко, — чтобы оно во всем отвечало самым высоким, самым требовательным представлениям о социализме. Тем представлениям, которые научно обосновали Маркс, Энгельс, Ленин. Тем представлениям, которые вдохновляют на борьбу за социализм людей труда, народные массы во всем мире. Тем представлениям, которые никогда не позволяли нам успокаиваться на достигнутом, мириться с недостатками и недолелками.

Ленинскую мечту о новом обществе, которая живет в умах и сердцах советских людей, надо поставить на мощные двигатели нынешней молодой силы, мудрого реализма, четкой организованности. Вот почему так остро ставится вопрос о выработке более жизненных действенных форм и методов комсомольского воспитания, прочно основанных на незыблемых идеальных принципах, животворных ленинских заветах.

Решительно изменились условия, в которых комсомол растит нынешних Корчагиных, формирует у каждого молодого человека высокую мировоззренческую и нравственно-политическую культуру, стойкий иммунитет против влияния буржуазной идеологии, любых форм мещанской потребительской психологии. Да, Корчагиных закаляют ныне в иной жизненной атмосфере, но сталь должна быть той же крепости и более высокого качества. Закалить ее можно только в горниле борьбы за коммунизм, помогая партии в большом и малом, учась у нее, неотступно следуя ленинским наказам и заветам, оставаясь неизменно верным великой клятве наших героических отцов.

...В ЭТОМ СОСТОИТ КОММУНИСТИЧЕСКО

Н а днях пришлось мне быть свидетелем одного разговора. Молодого — ему еще и тридцати нет, — но уже опытного, очень многое умеющего инструментальщика уговаривали взять под свою опеку паренька, пришедшего в цех из ПТУ. Уговаривали стать наставником... Так и не уговорили. То на одно кивал, то на другое. И задания у него срочные, и способностей педагогических нет... А потом, устав выискивать причины, коротко, как отрубив, бросил: «Платили бы за наставничество, тогда бы я с ним повожился. А так!» — Мастер ему: «А ты вспомни, каким сам в цех пришел. Как с тобой нам пришлось повозиться, пока ты на ноги встал...» «А я же вас об этом не просил. Сами меня к наставнику приставили».

вовне обычны, но как ясно и недвусмысленно читается за ними отношение человека к своему делу, к труду других людей. Отношение, не затененное корыстными расчетами, желанием поискать пути полетче, не перетрудиться, поберечь силы и нервы для каких-то собственных, личных дел.

Как привыкает человек трудиться всегда на совесть? Как он приучается работать обязательно за что-то, искать всюду и видеть только свою персональную выгоду? Ничего не предпринимать, пока не замаячит перед глазами какая-то плата?

Однажды на моих глазах произошел вот такой случай. Было это на большой стройке. Комсомол решил построить для всей молодежи клуб, построить собственными силами, на субботниках и воскресниках. Все уже

ствовал бы себя не в своей тарелке. Не в холоде и расчетливости надо закалять сердца молодых, а приучать отдавать их людям, делать добро. Раз за разом, чтобы поняли они: жить так, бескорыстно, делая добро, — не значит не уметь жить. Наоборот, только такая жизнь действительно достойна человека, человека сильного, щедрого сердцем. Именно такими людьми всегда была сильна наша страна, ими всегда гордился наш народ.

И еще на одном моменте стоит задержаться. Подумайте: требуя, чтобы им закрыли наряд, члены бригады уже понимали, что поступают «не по-человечески», знали парни, что нарушают своим поступком принятые у нас нормы морали. Знали — а как себя вели? — скажут мне. Было бы хуже, если бы не знали. А раз знают, чув-

УЧИТЬСЯ КТО ШЕД

Анна КУЗНЕЦОВА,
первый секретарь
Рязанского райкома ВЛКСМ,
член ЦК ВЛКСМ

Этого парня комбайнеры приняли сначала за студента, приехавшего подроботать на уборке. Определили его штурвальным к бригадире Алексею Ермакову.

Жатва — это работа в поле до седьмого пота, по семнадцать часов в сутки. Люди выдерживают такое напряжение, а вот техника не всегда. Случилась авария у комбайнера Виктора Шабулина. Собрались комбайнеры, обсуждают, как быть, чем помочь. И тут новичок предлагает Ермакову: у нас, мол, с тобой комбайн в полном порядке, может, поработаешь пока один, а мы с Виктором тут разберемся?

Вместе они разобрали бункер, ведрами перегрузили зерно в машину. Не отступились, пока не отремонтировали машину.

Потом было ЧП и у Ермакова. Тоже поддня не разгребали спины... Вот тогда и приметили механизаторы, что руки у новичка вовсе не «студенческие», со слесарным инструментом обращается профессионально. Начали расспрашивать — кто да откуда? Пришлось новичку признаваться...

Я тогда работала секретарем комитета комсомола производственного объединения «Искра», которое специализируется на производстве свинины. Для нас, конечно, не было секретом, что новичок, Анатолий Гулик, — боец Всесоюзного ударного комсомольского отряда, работает плотником-бетонщиком на строительстве газокompрессорных станций в Тюменской области. А к нам в объединение приехал поработать во время отпуска, побыв лишь пару дней на родине, в Черкассах. Приехал не на заработки. Все до копейки заработанные на жатве деньги Анатолий перевел Рыбновской (это в нашей области) школе-интернату.

Почему прошлым летом Гулик приехал именно в нашу область? Был у нас с ним об этом разговор. Еще в Черкассах, работая на заводе, он был и вожаком производственным в школе. Толя рассказывал своим подшефным семиклассникам о подвиге рязанского комсомольца Анатолия Мерзлова, спасшего хлебное поле ценою жизни, много читал о нем. И теперь решил почтить память своего тезки и ровесника не словами — делом. А память должна быть бескорыстна. Так естественно возникло решение отдать заработок детям. Об интернате, конечно, заботится государ-

СИЛА ДОБРОТЫ

«Но он-то мог с тобой нянчиться!» — «Он мог, а я не могу».

К сожалению, сцена такая не исключение. А бывает и так, что опытный рабочий согласится на слова шефствовать над молодым, а на деле... Вот до дела-то и не доходит. Есть у парнишки на бумаге наставник, но постигать ему приходится все самому. Спросишь такого: «А наставник твой что же?» Он в ответ: «Так ему же за это не платят». Усвоил, выходит, урок. Обидно.

Особенно обидно потому, что есть рядом люди, которые ни сил, ни времени для других, для дела не жалеют. И никаких наград взамен не требуют. Есть они! И совсем не так мало их, как кому-то покажется. Только вот не слишком ли редко мы говорим о них? Почему, случается, оказываются они в тени? Не потому ли, что зачастую в добром поступке мы не находим ничего особенного? Ну, поступил человек по совести, взвалил на себя то, что ему никто не навязывал, о чем никто не просил... Что тут долго рассуждать? О чем? Вот в машинах проходимца какого-то покопаться — увлекательно. Так порой этим увлекаемся, что до людей настоящих мысли и не добираются.

Недавно случайно узнал о человеке, который сорок лет проработал за одним станком. Подумайте, как нужно было к станку относиться, как с ним обращаться, чтобы он столько лет работал безотказно! Знаю водителей, которые на своих машинах многие годы без капитального ремонта ездят. Видел дома для колхозников, построенные из бракованных, поломанных плит, которые раньше домостроительным комбинатом попросту уничтожались. Не пожалели люди сил, сами привели плиты в порядок — и прекрасные дома получились...

Что особенного, выдающегося в этих поступках? — спросят меня. Да, они

работали, когда на площадку в полном составе явилась самая сильная бригада плотников-монтажников. Явилась и... стоит в стороне.

— А вы что же? — окликнули их.

— А мы профессионалы, — ответил за всех бригадир. — Задаром не работаем. Выписывайте нам наряд, как положено, тогда уж поможем.

Ему ничего не ответили, молча принялись за дело.

— Не хотите, — усмехнулся он, — ну и возитесь здесь, пока не надоест.

Силу бригады все знали, понимали, как двинула бы стройку ее помощь... Постояла бригада и ушла, не дождавсь ответа. А через час два парня из этой бригады пришли на площадку и молча взялись за работу. Потом подтянулись другие. Последним явился бригадир. Делая вид, что ничего не случилось, взялся за топор. Об оплате речи уже не заходило.

Вечером я спросил у одного парня из бригады, что их заставило вернуться на стройку. Ответил он так:

— А я вдруг представил себе, как рано или поздно построят ребята клуб, будут все в него ходить, а нам совесть не позволит пойти — строили-то без нас... И станем мы какими-то отверженными, отделенными ото всех... И еще подумал: неужели у меня силенкой такой хилый запас, что я просто так, от души, вместе с людьми для общего дела поработать не могу? Что, для меня на деньгах свет клином?! Что я, хапуга беспросветный?! И потом, если уж начистоту, мы же с самого начала знали про себя, что не правы... Знали, что не по-людски это...

Мне кажется, парень этот заметил очень важную вещь: человека нужно втягивать в дела, в которых личная выгода где-то на десятом месте, а то и вовсе не присутствует. Чтобы он понял: душа человека предрасположена к этому. И еще нам нужна атмосфера, в которой каждый бы, кто задавил в себе такую предрасположенность, чув-

ствуют, значит, сильно и прочно живут в нашем обществе представления о бескорыстных делах как о делах, в которых наиболее полно проявляются черты советского человека, щедрого душой, скорого на помощь тем, кто рядом, работающего не шадя сил. И почаще бы нам эти представления в людях тревожить, взывать к ним, опираться на них, обращаться в дела. А опора эта прочная — не подведет.

Разговаривал я как-то обо всем этом с друзьями, и один из них мне заметил:

— Ты о людях, не жалеющих себя, выгоды не ищущих, так говоришь, будто призываешь им за это ордена и медали вручать.

— Будь моя воля — я и вручал бы, — ответил я.

А он в ответ:

— Какое же тогда бескорыстие будет, если за него награды получать? Тут в том и дело, чтобы взваливать на себя, о наградах и тени мысли не допуская.

— Эти люди как раз о наградах и не думают, — сказал я, — а вот тем, кто с ними рядом, о наградах для них подумат не грех.

Потом я еще не раз возвращался в мыслях к этому разговору. Не каждое доброе дело, разумеется, должно в официальный наградной лист попадать. Но что не должно оно проходить бесследно для окружающих — это точно. Больше мы должны говорить и думать о людях, верных своему слову и долгу, спешащих бескорыстно подставить свое плечо под общую ношу. Чтобы их мировоззрение, их жизненная позиция были главным законом всей нашей жизни. По ним нужно нам всем сверять свои поступки, мерить свои намерения. И награды лучшей для этих людей, уверен, быть и не может.

Вот о чем нам следует помнить.

Владимир ТОЛСТОВ,
техник, Мурманск

VIII ПЛЕНУМ ЦК ВЛКСМ, ОБСУДИВШИЙ ИТОГИ АПРЕЛЬСКОГО (1984 г.) ПЛЕНУМА ЦК КПСС И ЗАДАЧИ КОМСОМОЛА, ВЫТЕКАЮЩИЕ ИЗ РЕШЕНИЙ ПЛЕНУМА, ОСОБО ПОДЧЕРКНУЛ ВАЖНОСТЬ УСИЛЕНИЯ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК, ВОСПИТАНИЯ ИХ ЛЮДЬМИ ВЫСОКИХ ГРАЖДАНСКИХ КАЧЕСТВ, ТРУДОЛЮБИВЫМИ, НЕПРИМИРИМИМИ К ЧУЖДОЙ НАШЕМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ МОРАЛИ.

ИТ Е ВОСПИТАНИЕ

У ТЕХ Р ДУШОЙ

ство, но и лишняя игрушка, книга тоже принесут маленькую радость.

...Отдавая должное Толе Гулику за искренний душевный порыв, задумаемся — так ли уж исключителен, необычен его поступок? Не по форме, а по самой своей сути?

Осеню на отчетно-выборном собрании комсомольской организации областного объединенного авиаотряда встал молодой инженер Виктор Городнов и сказал примерно так:

— Во время войны люди на личные сбережения покупали и дарили войнам танки, самолеты. Сейчас, правда, не война, но время сложное, напряженное... Что мы можем? Прежде всего — укреплять экономику. Наши летчики помогают колхозам и совхозам обрабатывать поля с воздуха. Но это, как говорится, по долгу службы. А что, если мы заработаем на субботниках деньги, купим на них комбайн, назовем его «Авиатор» и передадим лучшему молодому комбайнеру?

Обком комсомола решил поддержать эту инициативу, установить связь с комитетом ВЛКСМ «Ростсельмаша» и договориться о выпуске комсомольской «Нивы». А фонд рязанских авиаотрядов тем временем растет, скоро на субботниках будет заработана нужная сумма. Кроме того, комсомольцы собрали металлолом, необходимый для изготовления корпуса комбайна.

Я не знаю, кто придумал поговорки типа «своя рубашка ближе к телу». Зато знаю, как немедленно и активно проявляется человеческая отзывчивость, когда требуются помощь, участие. Когда обком комсомола объявил месячник по сбору книг для детских домов, тысячи людей откликнулись на этот призыв. Присылали, приносили книги во все райкомы комсомола. А комсомольцы нефтеперерабатывающего завода подумали и о том, что в детдомах живут и совсем маленькие — собрали для них целую машину игрушек.

Молодежь завода торфяного машиностроения, треста «Железобетон», СУ-11 треста «Рязаньстрой», магазина № 1 собирает средства на строительство памятника Победы в Москве. Комсомольцы одного из цехов радиозавода включили в свой состав Юрия Гагарина и погибшего с ним летчика Серегина... И таких примеров можно было бы привести еще много. Примеров душевного богатства и щедрости людей.

Словом, поступок Анатолия Гулика по сути своей никакое не исключение. А это как раз и хорошо. Значит, отзывчивых, щедрых сердцем людей у нас много повсюду — в каждом городе, поселке, селе.

Сергей ЛЕГАЧЕВ,
бригадир
комсомольско-молодежной
бригады фрезеровщиков
Новосибирского
авиационного завода
имени В. П. Чкалова

Уже лет десять прошло с того случая, а вот не выходит из головы... Воскресенье, июль, жара. Я торопился на вокзал: договорились с друзьями поехать отдохнуть на Обское море. Я опаздывал, нервничал, вдруг сзади: «Сынок!» Оборачиваюсь — старушка с рюкзаком, рядом старик с сумками. «Помоги, сынок». Вот, думаю, как некстати. Взял сумки, иду. Вижу, отстают мои старики, не успевают за мной. «Мы», — говорит старушка, — из Искитимского района, два часа — на электричке. Пенсию получили, надо кой-чего купить, вот и приехали. Ты нас только до вокзала доведи, а там мы сами». Довел я их до электрички, посадил. «Спасибо, спасибо, сынок... Ты уж извини нас, что время потратил, только нам помочь-то некому. Сынок у нас такой же был... как ты, и усатый тоже... С войны не вернулся...» Не по себе мне стало. И море показалось холодным каким-то...

НЕ ЗАРПЛАТОЙ ЕДИНОЙ

Как много у нас долгов — перед родителями, учителями, перед людьми, поставившими нас на ноги!.. Всегда ли мы помним о них?..

Теперь о том, что считаю главным. О работе.

В бригаде нас пятеро. Когда объединялись, решили: работать на совесть. Были и такие, кому оказали с нами не по пути. Не держали. Месяц назад стали работать на единый наряд.

Меня недавно спросили: вот вы теперь в общий котел работаете, так зачем же вам тогда в бригаде новичок Володя Гуцанский? Какой от него навар, вы же в зарплате из-за него теряете? Вот ведь как вопрос ставится! Что Мы от этого выиграем? Ну, пусть на первых порах действительно несколько потеряем в деньгах — что, разоримся? Вопрос-то и по-другому можно поставить: что НОВИЧОК выиграет? А тут только пальцы загибаю! Дело постигнет намного быстрее, качество работы повысится — брака не будет. И еще: полноценным рабочим человеком он себя быстрее почувствует. Твердо усвоит, что помогать другим — долг человека. Ему-то всегда помогут. Ребята в бригаде проверенные, активные: Саша Пытиков — профгруппорг, Витя Шнянин — член райкома КПСС, народный заседатель, председатель совета молодых рабочих. Значит, и общественную жилку в новичке разбудят. Сложные жизненные вопросы растолкуют. Ну, а кроме всего, годы комсомольские уходят, надо себе и смену готовить.

Володя еще в армии был, мы ему

письма начали писать; как, мол, дела, солдат? Давай настраивайся после службы опять к нам в бригаду, ты же наш, чкаловский. И вот после демобилизации пришел. Повзрослел, возмужал. Взяли его в бригаду, теперь все пять пальцев у руки.

Володя старательный, трудолюбивый на редкость. От станка не оторвешь. Тут, конечно, сказывается «школа» наших ребят — главное-то условие работы прежним у нас осталось. Витя Шнянин все подшучивал над Володей: ты, говорит, курить должен бросить непременно, тогда тебе от станка вообще отходить не потребуется. И что же? Дошутился — бросил Гуцанский курить. Теперь, кажется, не позови его домой — останется в цехе. Во какая смена растет! А то спрашивают, понимаешь, «что вы от этого выиграете?».

Самый главный педагог у нас Володя Дегтярев. Что касается терпения в объяснении — тут ему равных не сыщешь. Я, бываю, не сдержусь, а Дегтярев — свои дела в сторону, все объясняет, где надо — на станке покажет. Со стороны наблюдаю, себя поругиваю — вот как надо.

А то ведь что скрывать, наставники попадают разные. Есть и такие: давай, парень, сам смекай, а у меня — план, времени нет, и вообще время — деньги. У нас же ни Дегтярева, ни

попробовать ли из нее две скроить? Работа, правда, предстоит тонкая, почти ювелирная, малость ошибся — пиши пропало. Со стороны кто-то подошел, видит, как мы возмемся, мозгуем, спрашивает: делать вам нечего, что ли? Нечего, отвечаем. Разрезали мы ее аккуратно, пополам, обработали — получилось! И пошло! Сберегли и металл и время. И вижу — ребята ходят довольные: доброе дело сделали. Кто-нибудь скажет: чему радоваться-то, не себе ж сделали.

Я, например, не верю в то, что любой человек — рабочий не может стать ударником производства. Другой вопрос: хочет ли? Не хочет — тут хоть расшибись, создай ему идеальные условия — он как работал, так и будет. И деньги большие ему не нужны, хватает того, что имеет. Скажем откровенно, средний рабочий зарабатывает сейчас совсем неплохо.

Какое все это имеет отношение к разговору? Ведь большинство передовых рабочих не из-за денег хорошо работает, или точнее, не только из-за денег. Я по себе сужу и по ребятам своим. Нравится хорошо работать, нравится соревноваться, опережать других. Тут как-то несколько месяцев назад второе место заняли в соревновании — так уже и неприятно, червячок гложет: не дотянули.

других ребят никто наставниками не назначал. Сами, без указки, взвалили на себя эту обязанность. Но тут и обратная связь срабатывает, третий закон Ньютона — действие равно противодействию — Гуцанский старается изо всех сил, оправдывает доверие на все сто, а то и на двести. А видеть, как твой ученик в настоящего мастера превращается, хозяином на заводе становится — самая настоящая радость. Причем такая, какую за деньги не купишь.

Насчет хозяина я не ради красного словца сказал. Володя Гуцанский сейчас член «КП». Витя Шнянин тоже. Рейды — это по их части. Раньше, я замечал, в цехе бывало: фреза сломалась — ее в сторону. Валяется. А ведь это металл, и дорогой. Смотрю, ребята атаку за экономии повели. Их сначала не все понимали: чего кипятитесь, личная, что ли, фреза? Личная, говорят, наша с вами. Потиху стали шумные. Фрезами меньше разбрасываются.

К сожалению, не скажешь, что все вокруг только и занимаются экономией. Поступают детали с большим литником. Вот уж где металла расходуется в стружку!.. «Ну, как же так можно!» — возмущался Саша Пытиков. Сходили мы к технологу, обсудили. Оказалось, еще в литейке можно освободиться от лишнего металла, просто до этого никому дела не было. Это я к тому, что часто мы призываем друг друга вместе бороться, а надо еще и каждому, лично.

Тут как-то приходит к нам на обработку большущая заготовка, металла в стружку уйма уйдет. Прикинули мы: а не

На днях вызывает руководство: вот заготовки, надо завтра иметь готовые детали. Времени в обрез. Срочный заказ. Не сверхурочный — с планом у нас порядок, — а срочный. Глянул я — детали в «дровах», совсем неподготовленные. С ними и за две смены не справишься. Но из-за них в производственной цепочке где-то звено лопнуть может. Короче, надо. Трудно, но в то же время даже приятно: именно ведь к нам обращаются в тяжелую минуту, ценят, значит, доверяют. Собрал я ребят. Время, говорю, работает против нас, домой сегодня не пойдем. Никто не спросил: а что мы будем иметь за это?

Хорошо, у меня дома телефон, а у ребят — нет. Я побежал звонить, они мне только крикнули: «Скажи своим, пусть наших предупредят».

На следующий день детали были готовы.

— Что, — говорю Пытикову, — устал немного, Саша?

А он у нас самый крупный, сильный и, наверное, самый добрый, книголюб, библиотека дома, мы все ею пользуемся.

— Да нет, — отвечает, — я и не заметил, как время пролетело за работой. Счастливые часы не наблюдают. Вот только дома, поди, волнуются.

— Придем, успокоим, — говорит Володя Дегтярев.

Тогда я и подумал: видимо, бескорыстие по силам только действительно сильным людям. Разумеется, не только о физических возможностях речь. О силе и крепости духовной и нравственной.

И Я С ВАМИ

Федор КРОТОВ,
секретарь правления
Советского фонда мира

Пишут, присылают деньги. Многие. Очень многие. Три рубля—и тысячу. Первый раз в жизни—и ежемесячно. Отдельные люди—и целые коллективы.

«Я, ученик 4-го класса, голосую за мир и высылаю свой вклад—5 рублей. Людям нужен мир, детям—счастливое детство».

МИХАЙЛОВ Юра,
Крымская обл., Белогорский район,
с. Литвиненко

«Посылаю свою пенсию за июнь. У меня двое сыновей и дочь. Я вдова. Тяжело пришлось в жизни, война виновата. Очень точу мира на земле для людей».

КРЕКОВА Ольга Васильевна,
Саратовская обл., совхоз «Новый»

«Нас двадцать пять человек—студентов Казахского педагогического института имени Абая. Прошлым летом мы объединились в отряд пионерских вожатых «Пламя» и три сезона проработали в лагере «Спутник». Нашу зарплату—около 4500 рублей—перевели в Фонд мира. Если нам удастся поехать в пионерский лагерь еще раз, то и тогда мы внесем деньги в Фонд. Мы считаем, что на примерах Всесоюзных студенческих отрядов можно было бы создать Педагогический студотряд Мира в масштабах страны, участники которого отчисляли бы заработок в Фонд мира».

К. ИВАНОВ,
комиссар отряда «Пламя», Алма-Ата

Ежегодная сумма взносов в Советский фонд мира исчисляется миллионами рублей. Из десятков городов Союза поступают денежные переводы.

Каждый взнос одинаково и высоко ценен, ибо это—сознательный шаг в борьбу за мир, подъем на более высокую нравственную ступеньку, проявление бескорыстия.

«Примите очередной взнос за 1983 год—30 рублей. Резолюций и манифестаций мало, на борьбу за мир нужны еще немалые деньги».

АНДРЕЕВА Валентина Петровна,
Москва

«Нет ничего дороже мира для каждого советского человека. Передаю в Фонд мира 7300 рублей».

Михаил КРИНОЧКИН,
г. Горький

«Пусть всегда будет мир! Посылаю 1350 рублей».

Олег ШИШКОВ, Москва

«Мое детство прошло в военные годы. Я знаю, как это тяжело, поэтому прошу мои деньги—30 рублей—послать детям Никарагуа».

ПУРГАН Светлана Сергеевна,
Москов. обл., Серпухов

«Как хорошо, когда нет войны. Что бы сделать, чтобы ее никогда не было? Надо, наверное, чтобы этого хотел каждый. Ведь, как писал Маркс, идея становится материальной силой, когда она овладевает массами. Мой взнос—150 рублей».

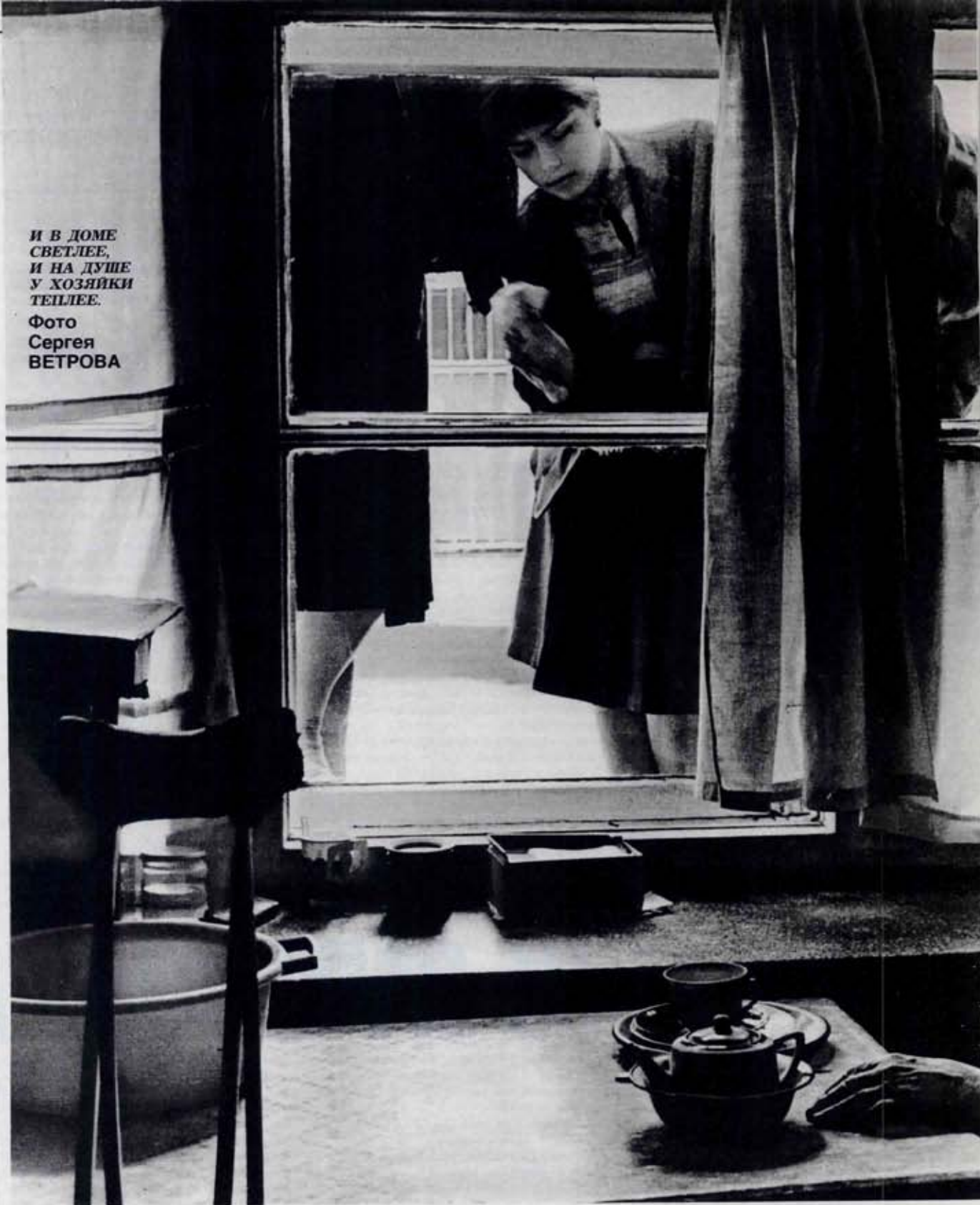
БРОНСКАЯ Кира Михайловна,
Новосибирск

Пока существует опасность войны, существует и Фонд мира.

Ядерная угроза—это реальность, но еще более весомая реальность—силы мира и добра. Силы эти должны побеждать. В этом надежда всего разумного человечества.

**И В ДОМЕ
СВЕТЛЕЕ,
И НА ДУШЕ
У ХОЗЯЙКИ
ТЕПЛЕЕ.**

**Фото
Сергея
ВЕТРОВА**

**Аркадий
ПАЛЬМ**

ОСТАТЬСЯ В ПАМЯТИ

ГОЛУБОЕ СОЛНЦЕ

В небе над Араратом летит крунк—журавль и держит в клюве голубое солнце. Так выглядит мир на детском рисунке Рафика Модояна из города Камо. Мальчик объяснил, что хотел рассказать о цивилизации, которая добилась всеобщего разоружения, отвела угрозу атомной войны, а теперь если в чем и соперничает с другими, так в умении быть добрее друг к другу, обязательнее, бескорыстнее. Маленькое голубое чудо сопровождает меня в Армении все дни. Я как бы прикладываю его ко всему увиденному, невольно сравнивая представление мальчика о счастье с реальностями бытия.

Ваган Газумян родился в городе Иджеване в 1922 году. Отец и мать—крестьяне. Чуть свет они уходили в поле.

Мальчик шагал рядом. Рос, как все армянские мальчики, изначально усвоив простую истину: что сумеешь сделать сам, то и твое. Однажды на рассвете он услышал таинственный звон. Выбежал во двор, увидел: раскрылись почки на тутовом дереве. Так он почувствовал: у него есть сердце. Ведь каждый догадывается об этом в свой час. Этот миг есть часть ответа на вопрос: «Кто ты?»

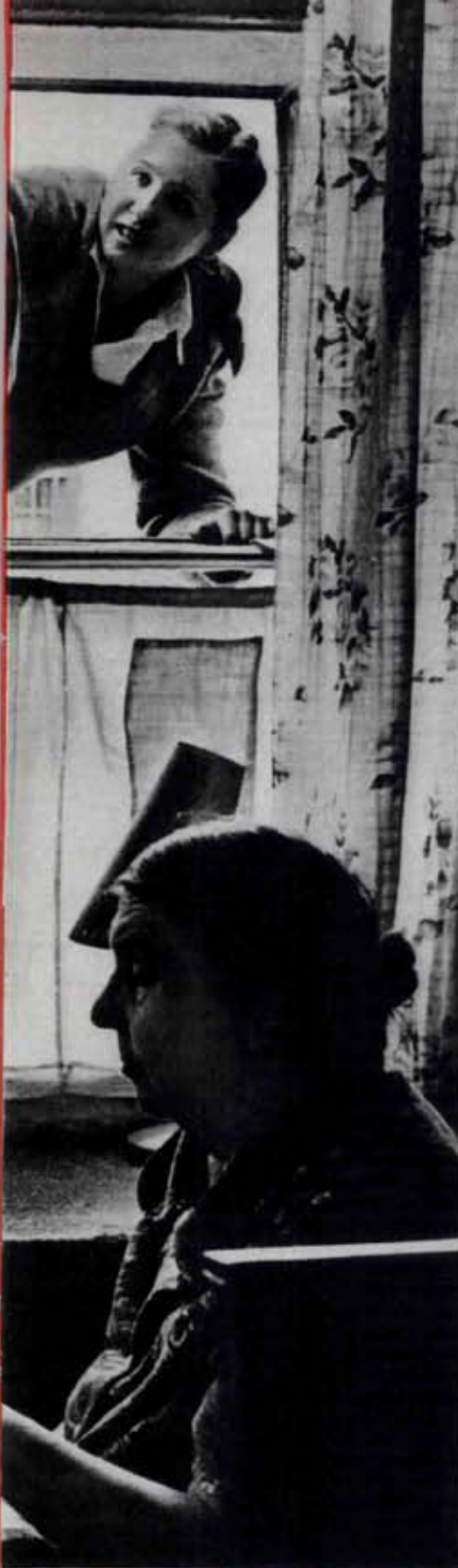
—Я сын Страны Советов,—сказал в райвоенкомате Ваган 22 июня 1941 года.

Так он попал в саперный батальон. Защищал город Грозный. Город моего детства. Случайность? Конечно. Но и закономерность, отвечающая на вопрос: «Откуда ты?» И тогда обнаруживается такая высокая степень родства, что уже я могу ответить: «Рядовой Газумян из моего детства, а я—из его юности». Он

строил военно-инженерные сооружения: доты, траншеи, окопы. И, может быть, открытый его саперной лопаткой окоп оказался главным, о который споткнулись танки Клейста.

Спасибо тебе, голубое солнце, за то, что привело меня в Разданское ущелье.

Ваган—слесарь. Награжден орденом «Знак Почета». Лет десять назад дирекция комбината попросила его поработать на насосной станции. Согласился. Спустился в ущелье—и обмер. Площадка, на которой стояли насосы, была завалена горами мусора. Но разве может человек работать в грязи? Нет. Полгода на самодельной тачке отвозил мусор. Никто не давал ему задания. Никто не оплачивал эту работу. Один. После трудового дня. Жена бранилась. Соседи ухмылялись, советовали: «Сходи в райсовет, обязан помочь».

Одно дело — обтесать скалу, совсем иное — одухотворить камень. Разбуженная и усиленная трудом потребность творчества требовала гармонии. Вначале понадобилась общая идея. Он нашел ее в стихах поэта Паруйра Севака: «Оплакивая мертвых, взываю к живым. Отражаю молнии». Под строчкой этой изобразил на скале символ мира — голубь, символ вечности — круг, а между ними — барельеф своего любимого поэта Ованеса Туманяна.

Я обращаю внимание на деревянную стремянку. В дни отпусков она была рабочим местом Вагана. На скале появлялись все новые и новые изображения, навеянные народным эпосом «Давид Сасунский». Зубило — старое. Кувалда — старая. Но руки Вагана высекают из старого базальта новую красоту и сокровенность.

Пришло время, и камень ожил. Что же Ваган, утомился? Отнюдь. Теперь настал черед щебню. «Из него может получиться домик, похожий на тот, в котором я родился».

«Ты сумасшедший», — отрезала жена. Интонация ее голоса не предвещала ничего доброго. Он отшутился, но понял, что юмор не достиг цели. Нахлынуло одиночество. Оно, случалось, и раньше заглядывало к нему, но то была сладкая тоска по неведомому. А эта жалила и сушила сердце. Он давал себе зарок бросить, снять влажную от пота рубашку, надеть мягкие тапочки и греться возле детей. Самвелу пошел пятнадцатый год. Не заметил, как вырос сын. Но незавершенный труд звал к себе. В ярости Ваган бил щебень лопатой и плакал. В одну из таких минут отчаяния к нему пришел Самвел. Прижался к плечу...

Дом они построили. Да не один — семь. Как положено, с очагом, торным — печью, где пекут лаваш, со стенами, украшенными рисунками, отображающими историю Армении.

Домики мастера Вагана... Плоские крыши, невысокие стены, крыша одного — дворик для другого. Каменные лестницы взбегают вверх, замирают возле рукотворного ручья, ведут к винограднику, розам. Землю к скале привез издалека, сорок самосвалов. Заплатил своими кровными из зарплаты слесаря. Подчеркивая принадлежность Газумяна к определенной профессии, я имею в виду лишь возможную сумму его заработка, но не разделяю работу на две части: одна — насосная станция, другая — скала. Для Вагана труд один, не делящийся на «мое» и «твое», и отношение к нему однозначно — с чистой совестью.

«Скала Вагана» стоит в центре Еревана. Сюда приходят взрослые и дети, местные жители и приезжие. Это место любимо всеми.

... Мы прощались с мастером поздно ночью. Он сказал, что получил из родного Иджевана радостную весть: журавли возвратились.

Оказалось вот что. Минувшим летом стая журавлей, пролетавшая над Иджеваном, попала в бурю. Израненные птицы упали на землю. Жители подобрали их, принесли в дома, выходили. Оправившись, кружки свили гнезда. Они улетели осенью, но доброту не забыли — вернулись нынешней весной. Так что мечта Рафика из Камо о голубом солнце совсем не фантастика. Журавли готовы поднять его над миром.

КАК ЧЕЛОВЕК ОСТАНОВИЛ ГОРУ

Объявление, которое мне довелось увидеть среди бумаг Афанасия Трофимовича Бутенко, было настолько необычным, что я приведу его полностью: «Всем гражданам Царичанского района, а также детям!!! Требуется камень-валун весом в полторы-две тонны. Можно и больше. О местонахождении такого просят сообщить по адресу: село Китайгород, А.Т. Бутенко».

Комментарий давал сам автор: «Привезем и возле Калитвы поставим. Будет памятник. А надпись такую...»

Афанасий Трофимович достал другую бумагу и протянул мне: «Калитва шла на людей. Ее остановили: Квас Одарка, Квас Галина, Середа Лидия, Яценко Евдокия, Костенко Христя, Кривич Егор...» В списке сорок две фамилии. Потом я читал стихи Бутенко. Все они посвящены Калитве. Тут были и горькие и восторженные строки влюбленного человека. Меня не смутила наивность образов, поразила сила страсти: и ненавижу и люблю.

Калитва — гора. Не ищите ее на обычных картах — не обозначена. Но на старинных заповоржских планах встретите обязательно. Калитва дружила с человеком. Пока он не совершил непоправимое. Произошло это в семидесятых годах прошлого столетия, когда разделили Калитву на пахотные участки. Прошло немного времени, и склоны ее покрылись узкими, идущими снизу вверх полосами. Друг от друга они отгораживались камнями — межами. Пахали вдоль склона. И это обстоятельство оказалось губительным.

Я смотрел старинные фотографии. Выжженное солнцем плато, испещренное множеством оврагов, волнистой линией песчаных дюн, — вот что представляла собой Калитва в 30-х годах, когда Афанасий Бутенко вернулся домой из Харькова со строительства турбогенераторного завода. Шел ему двадцать восьмой год. Кажется, немалую жизнь прожил, а по-настоящему начиналась она только теперь.

Биография Афанасия Бутенко — это сорокалетний поединок с горой, изглоданной эрозией. «И чего ты с ней связался, дурень?» — крикнет в сердцах жена. Он отшутится: «Шапку шукаю, что сгон утащил».

«Сгон» — местное название селевого потока. В детстве пас Афанасий на Калитве коз. Однажды застала гроза. Бросился бегом домой. Но догнал по дороге пенистый поток, швырнул в сторону, не до шапки было тогда. Спасся чудом. Хватило сил вскарабкаться по скользкому склону и ухватиться за корни одинокого куста шиповника. Не мальчонка, а живая капля висела на земном шаре... Тогда еще Афанасий не знал, почему течет земля. Много позже, перед самой революцией, приехал в село представитель от земства. Собрались крестьяне у подножия Калитвы. Окружили ученого человека. Показывая на гору, он говорил: мол, знаете чуму и холеру, а вот гора течет — это эрозия.

Что же случилось с Калитвой? Те, кто прокладывал по ней борозды, забыли, что имеют дело с изогнутой поверхностью. Плуг порезал корни растений, которыми верхний, наиболее плодородный слой почвы «держался за землю». Таким образом, механизм эрозии оказался приведенным в боевую готовность. Остановка была за водой. А на грозы, осенние ливни, высокие снега Приднепровье богато. И борозды превратились в русла рек, смывающих все на своем пути, а потом в овраги, достигающие 10-метровой глубины.

История о том, как была остановлена Калитва, начинается с того осеннего дня предвоенного года, когда Афанасий Трофимович, перекинув через плечо мешок, отправился по дворам, выпрашивая разрешения убрать с акаций «мусор». Мусором были спелые стручки. В них — семечки, чуть больше макового зерна. С двадцати мешков стручков набралось около пяти килограммов семян. На гектар требуется сто килограммов. Так учили на курсах лесоводов-мелиораторов, которые Бутенко только что окончил.

Над ним смеялись мальчишки. Год, два... восемь. Потом эти мальчишки воевали с фашистами, а когда вернулись на пепелище, шли, сняв шапки, к Бутенко. Теперь уже они просили дать им немного «мусора», ставшего лесом. В годы оккупации охранял тот лес от порубок отец Афанасия Трофимовича. А сам лесник сидел в фашистской тюрьме. Партизаны устроили побег, и юная рожа на Калитве стала тайным прибежищем Бутенко.

Тысяча дворов было до войны в Китайгороде. Гитлеровцы оставили девятую. И снова поднялось село на тех деревьях, что вырастил Бутенко, первый комсомольский секретарь китайгородской ячейки, первый председатель добровольного товарищества по совместной обработке земли, первый заведующий избой-читальней. Он боялся, что семена вымерзнут. И не было тогда в колхозе стекол для парниковых рам. Снял со своих окон. Он знал минуты отчаяния, когда разум не видит быстрого результата от вложенного труда. Тогда он писал стихи. В них можно было приказывать деревьям расти быстрее.

А Земля кружилась в мировом пространстве, и мало кто знал, что по склонам Калитвы день и ночь карабкаются люди с тоненькими саженцами. И все делалось вручную. Привычка к лопате выработала характерный жест. Даже ложку Бутенко берет, как заступ. Четыре миллиона деревьев шумят нынче на Калитве. Сколько же это раз надо было к ним прикоснуться?!

И все-таки был момент, когда Бутенко чуть было не сдался. Случилось это в голодном 1946 году. Первый раз за десять лет он не шел на Калитву, а по селу слух — в соседнее лесничество сманивают. Нужда заставила Бутенко дать согласие. Вечером пришел председатель Егор Кривич. Положил перед Бутенко ключ от колхозной каморы, сказал виновато:

— Хочешь, иди открывай. Только пусто там. На правлении решили — тебе два пуда картошки... А там решай сам...

Пахали в ту весну и на коровах. Но по распоряжению Кривича бригада Бутенко выделили коня. И еще двадцать лет бился Афанасий Трофимович с горой.

Китайгород. Я видел четырехметровой толщины насыпи, образованные сгнами. Гора шла на людей, уничтожая озера, сады. Она стучалась во дворы. От нее отгораживались валами. До сих пор сохранились эти своеобразные баррикады, достигающие местами высоты вровень с крышами домов. И вот гора остановилась. Люди победили... Чуть только начинало светать — торопился Бутенко на Калитву вместе со своей бригадой. Для каждого из них гора — это не только овраги, заросшие двадцатиметровыми деревьями, но и часть жизни, отданной людям. И я точно знаю, что счастье — зеленого цвета, цвета тополя и акаций, дуба и клена, и пахнет оно для них хлебом.

...Когда ушел из жизни Бутенко, то его дело продолжили комсомольцы из местной школы. А камень люди отыскали и, как хотел Афанасий Трофимович, поставили у подножия горы. И скамейку рядом соорудили: вдруг кому-нибудь захочется посидеть под деревьями, послушать их неторопливый рассказ о подвиге бескорыстия и доброты.

ПАМЯТЬ

Это о маме. Несколько раз я проезжал по застенчивым улочкам Бровахи, забранной в палисадники, где растут яблоки и мальвы, пил сладкую воду из колодца, но остановиться для долгого разговора не догадался. И зря...

Жили-были на Черкасщине Евдоха и Макар Лысенко. И наградила их жизнь одиннадцатью сыновьями и пятью дочерьями. Перед войной умер муж. Мать осталась одна и «продолжила» свой долг перед детьми: вывела их на широкий шлях, предоставив каждому волю выбирать себе судьбу.

Десять сыновей ушли воевать. Чего только с ними не приключалось: бои, раны, плен, побеги, рейхстаг... Все десять вернулись домой с поклоном до земли. И снова были у матери и радость и заботы. Невестки, зятья, внуки, внучки, и все возле мамы, как подсолнух за солнцем. На 77-м году Евдокия Даниловна умерла посреди хлопот: заворачивала в хустину свежего хлеба для внука, а донести не хватило сил. Прислонилась плечом к вшине, и небо спряталось в ее глазах... «Хорошо бы ей

ЛЮДСКОЙ

— Ай, что ты говоришь! У райсовета дела мало? — незлобно отвечал Ваган, пряча сбитые в кровь руки.

Площадка приобрела обжитой вид, но веничком не пройдешь: мешают валуны. И еще три месяца он крошил их на куски. Справился. Выпрямился, оторвал от земли очи и вдруг понял, что основной труд впереди. Над головой нависла скала высотой с двухэтажный дом. Она давила, заслоняла небо. Принялся за скалу.

Десять раз в Разданском ущелье облетали листья с деревьев, и столько же раз весна одевала их в зеленый наряд. Мастер трудился. Восемнадцать тысяч тачек отвез Ваган на берег канала. Скала стала стеной. Кажется, все. Он присел отдохнуть, распрямил затекшие плечи и вдруг понял, что сделана самая малость.

поставить в Бровахах памятник, тем более что росту она была маленького и бронзы на нее уйдет немного» — так заканчивался очерк в газете.

И надо же было такому случиться: в тот день, когда вышел свежий номер газеты, тогдашний директор Днепровского машиностроительного завода имени В. И. Ленина Леонид Никифорович Стромцов возвращался домой из Ленинграда. Бывший офицер, командир саперной части, Стромцов вместе с женой ездил проводить места своей фронтовой юности. Мы оказались в одном купе. Знакомы давно, обрадовались встрече.

Стромцов был задумчив и печален; видно, не так просто далась ему поездка на места давних боев. Разговор наш перескакивал от одной темы к другой, но неизменно касался событий минувшей войны.

— Что пишут? — спросил Стромцов, разворачивая газету.

С нее глянуло фото братьев Лысенко: прочитал он, прочитал и я. В моей душе родилось чувство нежности и благодарности к Евдокии Даниловне и протянулось к образу моей мамы. Леонид Никифорович, очевидно, испытывал похожие чувства.

— Памятник матери мы отольем у себя на заводе, — сказал он, — не в бронзе дело.

Внутренне я был готов к такому повороту событий и с благодарностью глядел на Стромцова. Благодарность за что? За то, что он четко и однозначно сформулировал мою невысказанную мысль. Между умом и сердцем проскочила магнитная искра, соединив наши долги перед всеми матерями, к которым сыновья вернулись и не вернулись, которые живы или уже умерли. Моя мать тоже умерла недавно, а может, вчера? Пока я живу, даты ее смерти нет. Есть кладбище в Новосибирске, поросшее ландышем. Мать была дочкой паровозного машиниста из Луганска, участника Горловского восстания в 1905 году. Отбывал он заключение в Екатеринбургском центральном, в пяти минутах ходьбы от дома, где я сейчас живу. Ложечка в стакане чая подрагивала таинственно и грустно, напоминая мамин смех. Вечерние сумерки ступились возле Тулы, приблизив в тесноте купе воспоминания, расчленив их на картинки из детства, где самое главное, к чему ни прикоснешься, мамино лицо, ее руки, голос, окликающий перед каждым шагом: «Сынок...»

А я ведь еще и камня не поставил на маминую могилу — как друзья на Новосибирском заводе тяжелого машиностроения похлопотали, сварив железную ограду и по-скорому сбили обелиск со звездой, так и стоит, неся на эмали фотографии ясный взгляд: живи, не забывая, чай ты.

Стромцов с вокзала уехал к себе на завод, зашел в партком, показал газету. Через некоторое время очерк был передан по заводской радиосети. Не успело отзвучать радио, как в кабинет к редактору заводской многотиражки заторопились телефонные звонки. «Начали собирать деньги на памятник», «Готовы ехать в Бровахи в счет своего отпуска и трудиться, сколько надо», «Мы прикинули, сможем». Последний звонок принадлежал рабочим — формовщикам-литейщикам Вадиму Федоровичу Килимнику и Алексею Федоровичу Посикану. Их отклик особенно пришелся по душе Стромцову. Он-то хорошо знал замечательный талант литейщиков. Они принимали участие в изготовлении памятника В. Чкалову, установленного в городском парке, барельефов М. Калинина, Г. Орджоникидзе, Г. Петровского. Но золотых рук литейщиков мало, нужен скульптор. И вот тогда был объявлен всесоюзный конкурс на лучший проект памятника матери.

Между тем в редакции газет стали поступать сотни рисунков и эскизов. Люди разного возраста безвозмездно предлагали свою помощь. Меня растрогал рисунок семилетнего мальчика из

Туркмении. Стоит в песках женщина, держа в руках солнце. Рядом с ней — ослик, барашек и верблюд, а со всех сторон идут к ним навстречу люди, одетые в халаты и пиджаки, черкески и казакины, в строгие платья и цветастые сарафаны. Белые, желтые, черные. Если бы можно было в одной скульптуре воплотить все, о чем думал мальчик, то не надо было бы и мастерства заслуженного художника УССР Константина Ивановича Чеканева, который стал победителем конкурса среди профессионалов.

Но вскоре выяснилось, что нет фотографии Евдокии Даниловны. Родня у нее немалая, считай, двести человек с фамилией Лысенко живет в селе, а фотографии ни у кого нет. Все село искало. Не нашли. Одни война спалила, другие скорее всего стерлись между ладоней, кочуя из одной хаты в другую, и стали памятью. Собрался родичи на семейный совет и решили: старшая сестра Степанида больше всех похожа на мать. Так и написали Чеканеву: «Горю нашему е выхид — Степанида. З неи и робить. На цю даемо згуду». И двести подписей Лысенко. Председатель сельского Совета, внук Иван, приложил к документу гербовую печать.

Дивно выглядел в те дни рабочий кабинет начальника литейного цеха Александра Ивановича Лубенца. Рядом с привычными чертежами деталей машин, рапортами о текущих делах производства — эскизы памятника, гипсовые слепки, формованная глина. В ближайших магазинах культтоваров исчез пластилин: весь завод лепил свой образ матери. Как-то пришли ветераны Великой Отечественной, потоптались на пороге, сказали:

— Иванович, прими. — Положили на стол большую пачку денег. — Вклад фронтовиков.

Растерялся Лубенец, глаза повлажнели, говорит:

— У меня же не отделение банка. — Знаем, все равно надежно.

Потом уже комитет комсомола взял на себя казначейскую обязанность. Так появился удивительный документ. «Заявление-доверенность. Мы, нижеподписавшиеся, трудящиеся цеха (отдела) просим произвести в мае удержания из нашей заработной платы добровольных взносов в фонд памятника Матери». Многотиражка «Знамя труда» на первой полосе печатала такие информации: «Трудящиеся завода дружно поддержали почин бригады Ю. Долганина, которая первой внесла деньги в фонд памятника... Недавно закончен сбор средств в цехе (начальник цеха В. Черный) и на участке старшего мастера Г. Безрукаво...» О том, как идет дела в литейном цехе, докладывалось на оперативках у директора и заседаниях парткома. Инициатива рабочих была поддержана Верховным Советом республики.

Пришел день, и модель памятника была готова. Оставалось отлить его в бронзе. Наступил едва ли не самый ответственный момент. Любое дело требует времени. Скульптура — неторопливое время. Но где взять его на предприятии, которое подчинено плану? Его выполнение и перевыполнение требуют ежесекундных усилий, и, кажется, в жестком графике производства машин нет места для сторонних работ. Но существует особый резерв времени и сил, прозорливо замеченный Лениным на заре Советской власти. Коммунистический субботник, свободное распоряжение своим личным временем. История создания памятника в Бровахах — гимн коммунистическому субботнику. Работали после смен. Соборные деньги ушли на расчет с государством за необходимые материалы.

Душа рабочих, обнаружив огромный нравственный потенциал, трудилась как бы на один бригадный подряд, где конечная цель — торжествующее добро. Объединяющее и сближающее людей. «Поставлен миром» — гласит надпись на памятнике.

Позднее, возвращаясь в памяти к этой истории, Панкратов никак не мог объяснить самому себе, каким образом он в конце концов оказался на улицах вздремнувшего на берегу роскошного залива городка, где никто никуда не опаздывал, а значит, и не спешил. Продавщицы мороженого, как в добрые старые времена, успевали окинуть томным взглядом каждого покупателя, одарить либо дежурной, либо чуть теплее, чем дежурной, улыбкой. Ну, а если покупатель не пришелся по душе, не забывали и это продемонстрировать, тогда томный взгляд уплывал в направлении медленно подкрадывавшейся к берегу дальней волны. Впрочем, Панкратову улыбались часто и охотно. Он вообще привык к вниманию. Да и сам, даже в повседневной суете, позволял себе быть отменно вежливым — явный знак избраннычества. Но и Панкратову это порой не помогало. Случалось ему, инстинктивно поддержав под локоть садящуюся в троллейбус даму, наталкиваясь на колючий взгляд и настороженное недоумение.

Но, в общем, в этом городе было Панкратову хорошо и уютно. А попал он сюда так. Из Симферополя к побережью бегали обычные рейсовые троллейбусы. И Панкратову вдруг захотелось попасть в такой троллейбус, усесться у окна, скользить взглядом по гребням холмов и горок, которые троллейбусу предстояло одолеть, мурлыкать, вспоминая детство, какую-нибудь песенку. Может быть, ту, которую еще мама напевала. Все, конечно, вышло не так, как предлагала мечта. Место досталось совсем не у окна, а на последнем, широком сиденье. В соседях судьба и кассир послали монументально мрачную старуху, глядевшую на пассажиров высокомерно и презрительно, как Демон на грешную землю, и мальчишку в тенниске.

Демонивидная дама шумно дышала, отирала лоб платком и всем своим видом демонстрировала, что ей известно нечто важное, неведомое прочим. Панкратов сдержал улыбку: ведь если в этом троллейбусе кто-то из пассажиров мог претендовать на роль Демона, то это, конечно, был лишь он, Панкратов, которому доводилось видеть Землю с высот, другим недоступных. И эти горы и весь полуостров казались оттуда совсем крошечными пятнами на глобусе. Было невозможно уверовать, что в учебниках истории писана абсолютная правда, как некогда вырывались через узкую горловину-перешеек, соединяющую полуостров с материком, полчища лихих конников, чтобы жечь, грабить, топтать все, что лежало севернее моря, выбравшего себе форму слегка приплюснутой груши. С высот заоблачных морей это казалось каким-то несерьезным, игрушечным. Ну, а полуостров — абрикосовой косточкой, ниткой, притянутой к берегу, которую ветер мог бросать с волны на волну, пока совсем не сорвал бы с привязи. Просьмалось желание наклониться над Землей, прикрыть ее ладошками от ветров, дуящих из загадочной бесконечности.

Панкратов не был новичком и начал привыкать к тому, к чему привыкнуть, казалось бы, невозможно: вибрации остова корабля при старте, ощущению,

Николай САМВЕЛЯН

РАССКАЗ

ВСТРЕТИТ

будто желудок подкатил к горлу, а потом внезапно охватывающему облегчению, когда все это уже позади, а новых волнений надо ждать лишь при посадке. Но посадка в первые часы полета всегда почему-то казалась бесконечно далекой, хотя самый долгий из полетов Панкратова длился всего лишь двадцать два дня, то есть меньше, чем обычный отпуск, летящий к своему финалу слишком уж стремительно. А там совсем другое: каждая неделя — почти вечность.

Но сейчас ему хотелось иного — вновь стать совсем земным, отойти от той отрешенности, того взгляда несколько сверху, который возникает у каждого, кто наверху побывал.

Как-то раз, на трехсотом или пятисотом витке, они решили послушать концерт. Новые лауреаты международных конкурсов один за другим выходили на сцену какого-то большого зала. Слышны были и аплодисменты и крики «браво». Среди прочих, кого встречали очень тепло, был молодой солист из Ленинграда, решивший напомнить о трагедии Яго из вердиевского «Отелло». С грустью пел он о том, что не склонен к иллюзиям и отлично знает: из земли вышел и в землю вновь уйдет.

— Раньше было так. А вскоре будет по-другому.

— О чем ты?

— Да о том, что этот Яго — прапрадедушкино мышление. А вдруг вышел кто-то из земли, а уйдет к звездам? По нынешним временам вполне возможный вариант.

— Странновато ты воспринимаешь оперу!

— Пришло на ум — сказал. Кстати, и рождаться со временем кое-кто станет вовсе не на Земле, а в пути, как когда-то варяги в своих лодках.

Ленинградскому Яго хлопали истоиво, даже вызвали на «бис». И баритон запел совершенно иное — серенаду Дон-Жуана, задиристую, полную угроз по адресу возможных соперников, способных возмечтать о любви прекрасной Нисеты.

— А все же на Земле всегда творилось бог знает что — винегрет какой-то. Яго, Дон-Жуан, нежный Ленский, египетские пирамиды, глубинные шахты, телескопы и микроскопы... Неугомонная Земля. Вот у нас здесь — тишь да гладь. Хотя начинай заново...

— Что?

— Да все.

Затем на сцену вышла певица. Было слышно, как стучат ее каблучки. Она запела: «День ли царит, тишина ли ночная...» Вскоре час отдыха закончился. Они выключили приемник и продолжили выполнение программы.

Обо всем этом вспоминал сейчас Панкратов и раздражался, что вспоминает. К тому же соседка непрерывно и истоиво ругала троллейбусы, хотя троллейбус был вполне хорош, дороги — тогда как именно эта дорога могла считаться эталонной. На Земле действительно было чуть-чуть шумновато. А главное — горы. Они и вблизи были неубедительны. В них виделась какая-то рукотворность, чрезмерная ухоженность — вроде насыпных холмов.

И в городе у моря Панкратову поначалу не повезло. Мест в гостинице не оказалось, и лишь к вечеру удалось через квартирное бюро отыскать комнату с видом не на море, а на автовокзал. Но Панкратов не роптал. Он все равно был рад, что не отправился в один из престижных и удобных санаториев, где ему полагалось отдыхать.

А здесь на положении совсем частного лица он чувствовал себя вполне удобно. В новых паспортах не было граф, указывающих, кто ты — служащий, рабочий

Рисунок
Марины ПИНКИСЕВИЧ

БСЯ И НЕ РАССТАВАТЬСЯ

или колхозник. Ну, а людей по фамилии Панкратов в мире достаточно. И на вопрос о месте работы Панкратов ответил уклончиво. Назвал институт и сказал, что он инженер, и это было правдой. Добавил: «Изучаю мироздание». К счастью, в квартирном бюро его не стали допрашивать, что означает сия загадочная фраза.

Квартирная хозяйка была особой уже далеко не средних лет, но еще и не преклонных, ценившая собственный покой, а потому умевшая дарить его другим. Комнаты она сдавала из любви к искусству, а может быть, для того, чтобы уйти от пенсионного одиночества. Увидев, что Панкратов вечером при свете настольной лампы вырезает из деталей пробкового спасательного пояса какие-то фигурки, вздохнула и сказала:

— Мой муж тоже был инженером.
— А почему вы решили, что я инженер?
— По рукам вижу и по тому, как вы разглядываете пробку, прежде чем сделать на ней надрез.

— Ну, а ежели я скульптор?
— Вряд ли. Скульптор на отдыхе позабыл бы думать о своей скульптуре. Читал бы книги или пропадал на пляже. Да и вообще скульптор не сюда бы поехал, а в какой-нибудь Дом творчества. В Гурзуфе вон какой вымахали.

В старом книжном шкафу стояли собрания сочинений Чехова и Стивенсона. Поначалу такое сочетание показалось Панкратову странным, но, вдумавшись, он пришел к выводу, что ничего странного нет. Книги точно отвечали вкусу покойного мужа хозяйки квартиры — не инженера, а судового механика, погибшего во время одного из рейсов в далекую южную страну, много лет воевавшей с крупной и якобы могущественной державой. Впрочем, могущества этой державы никак не хватало на то, чтобы одержать победу над совсем небольшой страной. Но бомбы рвались. И одна из них — как раз над судном, которое везло в маленькую гордую страну зерно. Так погиб механик и оставил на родине, в тихом приморском городке, жену и сына. Сын уже вырос и теперь сам плавал, а жена, ставшая вдовой, после выхода на пенсию упростила управление земтреста разрешить ей бесплатно ухаживать за розарием, устроенным на небольшой площади у речки, с шумом катившейся по камням к морю, и сдавала комнаты курортникам.

— Вы такой спокойный и молчаливый, хоть и молодой, — говорила она Панкратову. — Люблю таких.

— Да какая уж тут молодость — за тридцать.
— Но до старости далеко.
— Верно. Она пока еще где-то там, за дальним поворотом.
— А отчего не женаты?
— Профессия такая — не сию на месте.
— Людей кочующих всегда было немало. Однако же где-то на берегу у них были и семья и дом.

— Еще не вечер, — улыбнулся Панкратов. — Так я себя иногда утешаю. Беседы с хозяйкой, неспешные, размеренные, не были ему в тягость. Напротив, он охотно поддерживал разговор. Ему хотелось внутренне включиться в эту провинциальную неторопливость, глубоко вдохнуть ее, как вдыхает ныряльщик или певец, израсходовавший весь запас воздуха.

Панкратов подолгу бродил по узким улочкам, карабкавшимся на холмы, вслушивался в журчание ручейков, которых здесь было превеликое множество.

Он изучил городок со старанием начинающего топографа. Так случилось, что уже через несколько дней он, считая себя старожилом, многих на улице узнавал и здоровался. Узнавали и его. А киоскерши и продавщицы мороженого одаривали Панкратова совсем не случайными взглядами. Но все это было как бы в порядке вещей и отчего-то вызывало легкую цемещую тоску. Панкратов и сам не мог бы сказать, отчего это. Не было в его жизни неприкальности, минут, когда нужно было думать о том, чтобы занять себя самого. Напротив, все летело, несло, подхлестывало.

— Вот и видно, что вы не женаты, — сказала как-то хозяйка. — Не бегаете звонить на телеграф, не пишете писем...

Я вот о чем думаю, — продолжила она разговор. — До чего ж трудно сегодня мужчинам! Женщин освободили, а то и переосвободили. И все они стали считать себя красивыми, умными, замечательными. А красивых-то на тысячу пусть две там или три. Откуда же больше? Хоть бы мужчины догадались объявить себя поголовно умными и смелыми. Все полегче бы стало.

— Вы так говорите, будто давным-давно вступили в заговор против женщин.
— У меня сын. Само собой, я на его стороне. Ну, а моя собственная сторона, как видите, совсем уже пенсионерская.

Разговор этот показался Панкратову скользким, случайным — как зайчик на стене от зеркальной фары проехавшей мимо дома машины. Но почему-то он все время вспоминал его, меряя шагами уложенные аккуратными цементными плитками тротуары — роскошь, которую могут позволить себе теперь лишь очень маленькие да к тому же курортные города. Остальные давно уже смирились и на проезжей части и на пешей с асфальтом, трескающимся от холода зимой, тающим, пузырящимся в жару.

Панкратову все было интересно — и домики, и ограды, и выложенный плиткой тротуар. Он заставлял себя воспринимать этот милый патриархальный мир, как единственную данность, которую ни он сам, ни кто бы то ни было другой не мог видеть с той высоты, которую уже не назовешь земной. — той высоты, которая опасна совсем не так, как любая другая. Действительно, совершенно все равно, упадешь ли ты вниз, если уж такое случится, с высоты в три километра или триста тридцать три. Результат будет одинаково грустный. Но как рассказывали Панкратову многие его товарищи (да он и сам это когда-то испытывал), если что по-настоящему и может испугать, так вовсе не то, что оторвавшийся от Земли неудачно вернется к ней, а совсем иное — что не вернется никогда, умчит, унесется в ту самую бесконечность, смысл которой ни философам, ни психологам неясен. Что значит в бесконечность? Где у этой бесконечности край?

И казалось Панкратову, что оттуда, с той самой не всем понятной высоты, он уже видел и этот городок, и себя самого, меряющего неспешными шагами гулкие тротуары в панцире из хорошо отформованной цементной плитки, и море, жадно лижущее берег, гальку пляжа, бетонные волнорезы. И все это оттуда, как все, что было внизу, представлялось задуманным и сооруженным каким-то старательным декоратором. Ощущение не нравилось Панкратову. Ему хотелось уйти от него — резко, надолго, если не навсегда, раствориться в городке, почувствовать себя только его жителем, его частицей. Ведь были, наверное, такие, кто откуда никогда и никуда не выезжал. Впрочем, вряд ли... Время другое...

И опять все решил случай. Как-то раз Панкратов оказался у билетных касс пароходства и увидел, что у окошка лишь четверо — молодая женщина в зеленом плаще и совсем немолодая в вязаном платье да двое мужчин в костюмах,

галстуках и одинаковых фетровых шляпах. Панкратов почему-то решил, что они друзья, работают бухгалтерами в соседних совхозах на Кубани. Почему именно на Кубани, Панкратов ответить не мог бы.

Так он, спешно попрощавшись с недоумевающей хозяйкой, испытывая некоторый стыд оттого, что собственное поведение выглядело слегка вздорным, оказался с чемоданом в руке у трапа, ведущего на белоснежный теплоход, следовавший рейсом из Одессы в Батуми.

Капитан, еще совсем молодой и необычайно задумчивый, перед отплытием долго глядел на пирс, а затем сказал, не то обращаясь к себе самому, не то вообще ни к кому не обращаясь, что теплоход полупустой.

— Теплоходов скоро и вовсе не будет,— продолжал он.— Слишком медленны и тучны. Да и кому охота плавать, если проще лететь?

Произнеся этот монолог, адресованный в пространство, капитан, сверкая пуговицами и нашивками, поднялся в свою рубку. Теплоход обиженно загудел и отвалил от пирса.

Панкратову очень нравился теплоход, выдраенный до лабораторной чистоты, сверкающий металлом и стеклами, тяжело давящий волны, как подлинный хозяин их. Может, в этом и было нечто старомодное, но зато, безусловно, красивое и гордое. Теплоход плыл так, будто был чуть ли не самым значительным звеном той самой бесконечности, познать которую не дано никому. Теплоход был важен, дороден и впечатляющ.

Мимо, небрежно касаясь рукою сверкающих поручней, пронесся молодой латуннопуговичный капитан с видом не просто озабоченным, а несколько чумным.

Капитан нырнул в какую-то дверь, а Панкратов стал напевать песенку, которую по выходным дням, радуясь ощущению свободы, любил петь его отец: «Капитан, капитан, улынитесь! Ведь улыбка—это флаг корабля!» И вдруг увидел, что за ним наблюдают. Два светло-серых, почти голубых глаза, зеленый плащ и резко контрастирующие с плащом золотые, прямо-таки литые волосы.

— Я вас где-то видел,— сказал он смущенно.— Зеленый плащ.

— Вот все, что вы заметили,— ответила ему девушка.— Учту, что плащ полностью затмевает меня. Смену на другой.

— Да я не об этом. И напрасно вы так. Действительно видел вас где-то.

— У паровозных касс.

— Может быть,— кивнул Панкратов.— Наверное.

— Не наверное, а точно. Тем более, что я вас сразу, еще тогда узнала. На газетных фотографиях вы выглядите постарше.

— Постарше или посolidнее?— поинтересовался Панкратов, пытаясь если и не перехватить инициативу в разговор, то хотя бы вести его в дальнейшем на равных.— Да к тому же я не верю, что запомнили меня по фотографии. Нас обычно снимают в шлямах и скафандрах.

— Перед полетом в шляхах, а после полетов, как правило, на фоне бережок,— сказала и улыбнулась.— Вы—Панкратов. Фамилию я запомнила. И знаю почему. А вот имя забылось.

— Да оно у меня обычное—Николай.

— Значит, служитель богини Ники. Это в переводе с греческого. Можно и иначе—человек Ники. Красивая богиня, стремительная. Все в ней—полет. Только куда?

— Не пойму, о чем вы? Ведет она за собой к победе.

— Да, но чьей? Кому она несет победу сегодня, а кому завтра? Своевольная богиня. Потому и опасная. Она вроде сама по себе и никому не служит.

— Так я о Нике никогда не думал.

— Жаль, следовало бы. Кстати, стоит ли у вас на рабочем столе копия статуэтки Ники? Если оставите адрес, вышлю. Впрочем, ваш адрес узнать несложно.

— Постойте,— сказал Панкратов.— Не торопитесь. Вы меня сбили с дыхания. Неужели вы действительно меня запомнили? А если запомнили, то почему?

Теплоход качнуло на волне—наконец нашлась такая, которая решилась всерьез броситься на железное чудовище. Панкратов успел ухватиться за поручень, а девушку чуть было не ударило о жалюзи, прикрывающие окно каюты. Ее пришлось поддержать под локоть.

— Рука крепкая,— сказала она вместо благодарности.— И реакция отличная.

— Профессиональное. Но скажите мне, почему вы запомнили мою фамилию?

Ведь летают многие, фотографий в газетах сотни. Значит, что-то заставило...

— Что-то заставило. И сейчас объясню, что именно...

Но в это время репродуктор над головой грянул песню. Была она старенькой и давно забытой большинством населяющих Землю людей, а когда-то очень популярной и трогательной за душу.— Скажите, девушки, подружки вашей—Только пели ее как-то по-новому и пели хорошо, по-настоящему. Голос был свободно льющийся, гибкий, но мощный. Он шел не параллельно с музыкой, а, казалось, купался в ней.

— Франко Корелли. Пел в «Ла Скала», но теперь уже не поет. Ему, наверное, к семидесяти. А запись осталась. И если вдуматься, это удивительно—она уже живет как бы сама по себе. Наверное, так удивлялись когда-то люди, когда изобрели письменность, а потом книги... Человек ушел, а чувства остаются в наследство другим... Тут еще сложней—голос, эмоция... Мы всего этого еще не понимаем. Остались записи Шляпина, Карузо, Рахманинова и Иозефа Гофмана... Как нынешним певцам и пианистам соревноваться с великими предшественниками?

— А как поэта вступать в споры с Гомером или Пушкиным? Просто пишут на другие темы.

— Но певцу и пианисту невозможно петь или играть только новое. Они должны исполнять и то, что уже исполнили до них. В этом сложность.

— Вы очень много знаете, а главное, легко ориентируетесь в этих знаниях.

— Профессиональное!— Ответ был не без иронии, это она ему отплатила за небрежно брошенное слово по поводу хорошей реакции.— Я педагог. Сейчас правда, уже нет. Аспирантка.

— Музыки?

— Нет, истории культуры. Следовательно, скорее философии. Только не начинайте длинно и правильно говорить, насколько это важно и какую прекрасную специальность я избрала.

— Хорошо, что предупредили. Я уж было собрался...

— А сейчас вы выиграли подачу: ответьте спокойно, честно, без иронии, разве что с едва заметной самоиронией. Впрочем, самоирония тоже очень часто идет не от добра: бояться, что обидят, а потому предпочитают сами выставить себя чуть-чуть в смешном свете и так разоружить собеседника.

Вот тут-то теплоход качнуло всерьез, но Панкратов краем глаза заметил гребень надвигающейся волны, и успел принять все меры предосторожности заранее, и по глазам девушки понял, что это замечено и оценено.

— Так и быть, не буду больше испытывать ваше терпение. В благодарность за такт скажу, что запомнила я вас вот почему... Это вы, когда составляли концерт

по заявкам, попросили оттуда, чтобы передали «Средь шумного бала» в исполнении Бориса Гмыри?

— Правильно. Попросил и потом пожалел.

— А почему пожалели?

— Да вряд ли смог бы объяснить... И тогда и теперь...

— Хотите объяснить я? Так вот—выдали себя. Попросить именно этот романс—еще ничего. Он популярный. Его многие любят. А то, что вы попросили,

чтобы его передали в исполнении не тающего в эфире тенора, а легкого и очень музыкального баса—это меня потрясло. Захотели всего сразу—и плоти и взволнованной чистоты. Тогда и запомнила фамилию, и потом, когда вы вернулись на Землю, и фотографию в газете. Вы ведь действительно тот самый Панкратов?

Он хотел полезть в карман за удостоверением, но вовремя понял, что это было бы не только смешно, но и отталкивающее нелепо.

— Да,—сказал,—именно тот самый Панкратов. И отныне так о себе и буду думать: «Я тот самый Панкратов, которого запомнила...»

— Евгения.

— Честное слово, не собирался ловким трюком выведывать имя. Вы смотрите на часы. Спешите?

— Если честно, то спешу,—сказала она почти без колебания, но оттенок некоторой смешанности в голосе Панкратов уловил.—Сейчас в кинотеатре начнется сеанс. Там один странный фильм идет. Мне интересно.

— А разве на теплоходах бывают кинотеатры? Я думал, здесь только бассейны и рестораны.

— Впервые на море?

— Нет, на море не впервые. А на таком теплоходе—действительно не доводилось как-то. Так где же этот кинотеатр?

— Хотите пойти?

— Пошел бы...

— Тогда идемте.

Они поднялись на верхнюю палубу, где гуляли непонятные ветры, которые, казалось, дули со всех сторон одновременно. Здесь действительно был вход в кинотеатр, правда, в кинотеатр весьма своеобразный—величиною с малогабаритную однокомнатную квартиру. Экран был хоть и маленький, но растянутый шири, значит, здесь показывали широкоэкранные фильмы. И билетером, и контролером, и заведующим залом, а может, и кинемехаником одновременно был молоденький хитроглазый матрос, который, как можно было судить, достаточно лихо управлялся со всем сразу.

Зато сам зал представлял собой зрелище достаточно комичное. В нем сидели трое—два пассажира в фетровых шляпах, которых давеча Панкратов определил как бухгалтеров с Кубани. Оба старательно глядели на пустой еще экран, а шляпы чинно возлежали на коленях владельцев. Кроме того, сюда же забрался почему-то капитан. Его шляпа золотом фуражка находилась на пустом кресле рядом с ним. Капитан держал в руке погасшую трубку. Может быть, он с нею не расставался никогда, а на ночь клал под подушку.

Панкратов сдержал улыбку и жестом предложил Евгении выбрать место по вкусу. Она повела себя тоже неожиданно серьезно для момента: секунду думала, а затем направилась к последнему ряду.

Хитроглазый задернул штору, что-то щелкнуло, свет стал меркнуть, но сразу же вспыхнул экран. Оказалось, что здесь так же, как в настоящих кинотеатрах, поначалу показывали документальный журнал. И не такой уж древний—всего лишь полугодовой давности.

Начался фильм, который как-то внезапно, сразу оказался во вражде со всем, что испытывал Панкратов в последнюю неделю. Во-первых, это был беспокойный, нервический и какой-то bestолоквый фильм. Великолепные костюмы, в которые были выражены столь же великолепные актеры, серовато-сиреневые римские и помпейские развалины, нарочитая замедленность темпа съемки—во всем этом чувствовалось назойливое присутствие в каждом кадре образованного и весьма уважающего себя режиссера, в котором не было той врожденной, стихийной талантливости, которая позволила бы раствориться, уйти на второй, третий, а то и на четвертый планы, не менторствовать и нравочить. А во-вторых, по причинам, которые поначалу показались Панкратову просто дикими, весь фильм был построен на какой-то зоологической ненависти к поэту и лорду Джорджу Гордону Ноэлю Байрону, которому, как было известно из всех учебников, человечество должно быть благодарным за то, что он выступил в палате пэров с речью в защиту рабочих, возвысив голос против филистеров, ханжей, любителей порассуждать о свободе народов, ничего не сделав для этой свободы. Помнил Панкратов, хотя не знал, где именно вычитал, что до того, как погибнуть в борьбе за правое дело греков, Байрон полюбил какую-то графиню в Италии, очень красивую, но почему-то белокурую, тогда как итальянцам полагалось быть сплошь брюнетками. А еще—он ловил выпрыгнувшее из костра сердце своего друга и тоже поэт Шелли, который умер не от чумы, не от холеры. Таких мертвецов в те времена полагалось не хоронить, а сжигать.

Байрон в фильме был необычайно худым, высоким, вечно дерущимся на кулаках садистом, которого, казалось, лакомствами не корми, а позволю унижить женщину. И он унижал бедную леди Лэм, которую в быту звали просто Каролиной, почему зря, с истовостью завидной. Заставлял бегать полуголой рядом со своей каретой с факелом в руке. Продельвал и другие штуки, которые могли вызвать и содрогание и испуг. Капитан, положивший фуражку рядом с собой, хохотал и стучал ладошками по коленям. Шляпоносцы с Кубани смотрели на все это действо недвижно и смиренно, не зная, видимо, как отнестись к тому, что им предложили посмотреть, взяв предварительно с каждого по полтиннику.

— За что они его сейчас так?

Панкратов не сразу понял, что именно спрашивает Евгения, но ощущал, что экран ей сейчас ненавистен, где продолжала рыдать и страдать леди Каролина—тонкая, нежная и удивительная, но при этом неожиданно никчемная.

— Сейчас зачем им?

И Панкратов догадался, наконец, что смысл вопроса Евгении кроется в сейчас—. Вправду, лорд Байрон давным-давно ушел в легенду, разбежался по хрестоматиям его стихи и поэмы, на разных континентах установлены памятники. С какой же стати понадобился такой запоздалый пафос, каким образом поэт и лорд так сильно, так лично обидел автора сценария и режиссера? Панкратов и сам для себя еще не нашел ответа на вопрос, когда внезапно произнес:

— Мстят через века.

— Ему? Кто?

— Да разные. Чувствуют, что видел их всех, а если не их, то их бабушек и дедушек как бы оттуда, сверху.

— Вы о Байроне?

— О нем.

— Кто же мстит?

— Разные сегодняшние. Понимают, что не могли бы, как он, сердятся, локти

пытаются кусать, каждому хочется хоть раз посмотреть на себя самого, да и на других оттуда, с самого верха. Если не получается, тогда остаются такие фильмы снимать, а кому-то еще и смотреть их.

— Дождемся конца?

Евгения покачала головой. Они вышли на палубу и вновь почувствовали вкус соленого ветра.

День осунулся, вода потемнела, а горизонт спрятался в дымке.

— Скоро будут звезды и огни на берегу. Если перейти на другой борт, виден полуостров.

— Не надо,— сказала она.— Давайте посмотрим немного на море, а затем поужинаем... Вы правы: они по сей день мстят мятежному лорду. Однажды мне в руки попала очень старая книга, в которой почему-то был помещен некролог по поводу смерти Байрона. Запомнилась одна дикая фраза: блистательные музы понесли чувствительную утрату в лице лорда Байрона, бывшего последней ветвью фамилии Гордонов, происходивших от шотландского короля Якова Второго. Что-то в этом роде. Вы часто вспоминаете о Якове Втором Шотландском? Ну, например, в те дни, когда кружили вокруг Земли?

— Как я мог вспоминать, если вообще о нем ничего не знаю?

— Честно говоря, я тоже. Бедный Байрон—последняя ветвь... Правда, временное правительство Греции обратилось по этому поводу с воззванием к народу. Начиналось оно словами: «Светлый праздник обратился во дни плача». Но, думаю, никто особенно не плакал. Да и мало кто в Греции понимал, что за англичанин умер в городе Миссолонги... В обращении ни слова о том, что Байрон был поэтом. Удивительно, что и в Англии в ту пору не многие о нем скорбели.

— Вы любите Байрона?—спросил Панкратов.

— Его любил Пушкин... Да, я люблю Байрона... Люблю все смелое... Песню, которую пел Корелли. Вы не почувствовали—он смело ее пел.

— Одну минуту. Подождите меня.

Панкратов снова поднялся наверх, затем, подумав, спустился вниз и действительно почти наугад отыскал радиорубку. На диване из коричневой искусственной кожи сидел парень в форменных брюках, но без кителя и в расстегнутой рубашке.

— Друг, поставь-ка еще раз пластинку с Корелли.

— Какую пластинку? У нас их вообще нет. На кассетах работаем. А что такое Корелли?

— Да певец такой... «Скажите, девушки» он поет.

— А-а,— сказал парень.— Теперь знаю. Ставить не стану. Ни за трешку, ни за пять рублей. Здесь не ресторан. По заказам не играем.

Можно было показать удостоверение, и тогда начались бы извинения, восторги, просьбы встретиться после ужина с командой. Но Панкратов поступил иначе. Отыскав глазами кассетницу, он шагнул к ней.

— Хорошо, тогда я поставлю сам.

— Но-но, дядя!—вскочил с дивана парень.— Хочешь схлопотать?

— Нет, хочу пожать тебе руку. Давай-ка правую... Так, жми крепче... Довольно?

— Чемпион?—спросил парень, дунув на руку.— Тиски какие-то. Чемпион, спрашиваю?

— В некотором роде. Где кассета?

— Сейчас найду. Только разбой это.

— Разбой,— согласился Панкратов.— Приношу извинения. Вот моя визитная карточка. Только никому пока не говори, что я среди пассажиров. Даже капитану.

Парень схватил карточку, прочитал и уставился на Панкратова, не веря глазам своим.

— Ого-го-го! Как вас сюда занесло?

— Полетал, полетал, а затем спустился на Землю, увидел теплоход и решил ко всем прочим прелестям еще немного поплавать. Так как же с песней?

— Отыщу.

Когда он спустился на вторую палубу к Евгении, голос Корелли уже звучал из репродукторов. Она смотрела на Панкратова как-то спокойно и неожиданно открыто. И во взгляде этом было что-то детское и очень хорошее.

— Итак, ужинать?

В ресторане их сразу заметили, усадили за свободный столик у окна. Движение бровей—и официант положил раскрытое меню именно туда, куда следовало, перед Евгенией. Выслушав Евгению, он продиктовал заказ официанту, попросил, если можно, принести не пепси-колу, а грузинский напиток «Бахмаро» и черный кофе.

— Любите кофе?

— Люблю.

— И не боитесь пить его на ночь?

— Нисколько.

— Тогда я вас угощу после ужина настоящим «Арабика». Сейчас принесут плохой из бака. Не расстраивайтесь.

— Знаю, готов ко всему.

Корелли допел. Зазвучала какая-то другая песня—рваная, с нечистой мелодией. В общем, совсем ширпотребная. Но, может быть, она была даже уместней в этом стандартном ресторане, где над столиками на случай шторма были укреплены держатели для бутылок и посуды.

— Скажите, а просьба исполнить именно «Средь шумного бала» была не случайной?—спросила она.

— Нет,— ответил Панкратов.— Не случайной.

— Значит, очень любили?

— Да, любил.

— Что же произошло?

— Ничего не произошло. Она ведь не знала, что я ее любил.

— Так не бывает. Женщины всегда чувствуют.

— Не всегда.

— Но я-то лучше знаю женщин.

— Да?—спросил Панкратов.— А мне казалось, что я.

Тут-то она расхохоталась и даже положила на скатерть вилку и нож, чтобы не выронить их.

— Молодец! Время от времени меня надо ставить на место. Расскажите о ней.

— Не стану. Зачем? Это было моим, моим и останется.

— Уже говорила: вы мне нравитесь, мятежный лорд.

— А он-то при чем?

— Да при чем-то. Захотелось вдруг назвать вас так. Вроде бы и нет сходства, а может, и есть... Он ведь тоже умел видеть все сверху. Сами сказали.

— Сам сказал, а теперь отзывают свои слова. Всегда все сверху видеть нельзя, а иной раз и просто невозможно. Сейчас бы я...

Но в это время в ресторан вошли те двое с Кубани и громко, взволнованно заговорили, что теплоход проплывает мимо Карадага. Лучше всего видно горы и

бухты именно из ресторана, но для этого надо притушить свет. Одновременно кубанские бухгалтеры требовали пива, внимания и вообще создали массу проблем. Свет все же погасили. Остались гореть два маленьких аварийных светильника.

Карадаг было видно плохо, хотя луна уже взошла.

— Я здесь отдыхала в позапрошлом году.

— А я когда-то лазил по скалам. Интересный пейзаж—лунный.

— Разве вы были на Луне?

— Нет еще.

— Значит, надеетесь?

— Надеюсь.

— Сколько вам сейчас?

— Лет? Перевалило за тридцать.

— И все один?

— В последние годы.

— А почему расстались? И дети есть?

— Сын.

— Остался с нею?

— Да.

— Он будет гордиться вами. Вот увидите.

— Поживем—увидим. Спросили: почему расстались? Когда-то я сам себя об этом спрашивал. Носит меня вечно где-то. И по Земле и над Землей. Думаю, она сейчас счастлива.

— Извините,— сказала она, и голос ее прозвучал неожиданно жалобно.

— За что?

— Ну разве я не понимаю—втянула вас в разговор, в который втягивать не следовало. И одно лишь может меня извинить—ведь вы тот Панкратов, которого я когда-то заметила и отметила. В общем-то вы мой Панкратов. И хватит о тонких материях. Пошли пить кофе.

— Если вы не против, я все же заплачу по счету.

В своей маленькой каюте она ловко распаковала чемодан, вынула мельхиоровую спиртовку, такую же джезvu и чашечку с блюдечком.

— Здорово,— сказал Панкратов.

— Хотите, подарю? Возьмете с собой в полет. Скажите честно: там страшно бывает?

— Случается.

— Что же вы тогда делаете?

— Не подаю вида. Стараюсь, во всяком случае.

Зеленый плащ брошен на диван. Почему-то она его не сняла в ресторане. Впрочем, он был совсем легкий—пылевик. А сейчас она осталась в коричневом вельветовом платье. Легко, ловко разожгла спиртовку. Запахло прекрасным кофе.

— В чем дело?—спросил Панкратов.— Теплоход швартуется?

— Да, это Феодосия. Он стоит здесь два часа. И я сейчас сойду на берег. Путевка в санаторий. Пейте спокойно кофе. Затем вымойте чашку и джезvu, уложите в футляр. Это мой подарок. Не возражайте: я так хочу! Хочу, чтобы эти вещи, которые я люблю, были у вас. Прощайте, мятежный лорд! И спасибо, что вы сами взяли и отыскались. Так я вас запомню—пьющим кофе из моей чашки.

— Пойдите, так не пойдет!—заявил Панкратов.— Я хочу с вами говорить и буду говорить. И вообще я не хочу, чтобы вы уходили.

Она улыбнулась, взяла плащ и маленький чемодан.

— Летайте осторожнее. Помните, буду волноваться.

И вышла из каюты.

Далее Панкратов проделал следующее. Он допил кофе, вымыл спиртовку и джезvu и уложил их в футляр. Затем застегнул на футляре замок. Минут десять сидел молча.

Вышел на палубу. Посмотрел на темное небо. Попытался вспомнить, пролетал ли он над этими местами ночью. Да, конечно. Как же иначе. Были огоньки. А теперь было много огней на пирсе и слева, у деревянного концертного зала.

Откуда ни возьмись возник капитан, приложил руку к фуражке.

— Товарищ Панкратов, радист мне доложил... Нашли фамилию по книге регистрации пассажиров. Сопоставили, догадались. У вас железная рука. Да это и понятно... Иначе туда не пустили бы... Здорово. Хочу представиться...

— Очень рад.

— Мы тоже рады, что вы у нас на борту. Значит, до Батуми?

— До Батуми. Скажите, сколько санаториев в этом городе?

— Санаториев? Понятия не имею, товарищ Панкратов. Несколько штук, а может быть, более... Хотите, пошло узнать?

— Нет, не надо,— сказал Панкратов.

Подумал, что если не найдет, можно прямо оттуда во время очередного полета передать требование: девушка по имени Евгения, которая плыла на теплоходе до Феодосии, немедленно отыщите сами. Почему-то он вдруг увидел Евгению в цыганском платье, затем в темном бальном, сидящей в кресле. И залюбовался удивительно красивым, поющим подъемом ее ноги.

— Товарищ Панкратов, вас не укачало?—спросил заботливый, сверкающий пуговицами капитан.

— Укачало. Но вы не тревожьтесь.

— Может, ко мне в каюту? Есть армянский, есть даже французский.

— Французский не пью,— сказал Панкратов.— Жестковат на вкус. Но сейчас никакой не нужен. Спасибо.

Документы были в карманах. В каюте, но это метров сорок—пятьдесят отсюда, оставался чемодан, а в чемодане тенниска, свежая рубашка, путеводитель по полуострову и бритвенный прибор—случайный, купленный в киоске на автовокзале. В эту поездку из дому он ничего с собой не брал. Подумав немного, Панкратов решил, что возвращаться за чемоданом не следует. Да и не ходить же с ним по городу. И, прижав к боку футляр с кофейными принадлежностями, Панкратов направился к трапу.

— Товарищ Панкратов, куда вы? Погулять?

— Нет, по делам.

К капитану подбежал радист, вопросительно поднял брови, а капитан пожал плечами: летать так высоко, наверное, не надо, это, может быть, даже вредно—очень утомляет.

Он нашел ее в первом же санатории, рядом с набережной, у окошка регистрации прибывших.

— Ой!—всплеснула она руками.— Горюшко ты мое!

— Нет,— ответил он.— Я не горюшко. Я мятежный лорд. С лордами обращаться надо бережно. Кроме того, я иной раз высоко летаю и оттого немного гордый. Идем назад, на теплоход. Там капитан застыл у трапа, как соляной столб. Ждет нас.

Он поднял с пола ее чемоданчик.

УРОКИ ДО

АЛЕКСАНДР ГОРОДНИЧЕВ

СЕРГЕЙ ГРОМОВ

ИГОРЬ ФЕДОСЕЕНКО

АНДРЕЙ ХАРАХНИН

Юрий РАГОЗИН

Есть города, одно только упоминание о которых вызывает совершенно определенные ассоциации. Иваново... Исконно ткацкий край. Чуть ли не каждый четвертый метр ситца в стране ивановский. Сразу вспоминаются знаменитые ивановские ткачихи старшего поколения — Виноградовы, Пухова, Вечерова, нынешние, и среди них — дважды Герой Социалистического Труда Валентина Голубева, чья работа стала образцом для молодого поколения ивановских мастериц...

А между тем вот уже более тридцати стран мира покупают у нас станки типа «обрабатывающий центр», изготовленные на Ивановском станкостроительном производственном объединении (ИСПО) имени 50-летия СССР. Уже и сейчас ИСПО занимает ведущее место в своей отрасли.

Генеральный директор ИСПО, лауреат Государственной премии СССР Владимир Павлович Кабаидзе основную роль в успехах коллектива объединения отводит молодежи. Так и говорит:

— Комсомол у нас — один из лучших работников.

...На* двери комитета комсомола ИСПО, около ручки — пятна от промасленных рук. «Не успеваем вытирать, — как бы извиняясь, объяснил секретарь. — Ребята из цехов постоянно забегают по делам, посоветоваться, что-то предложить. Ну, а руки у них, сами понимаете... ведь не в белых перчатках работают». Комитет действует, это рабочий штаб, а не зал для чинных заседаний.

За создание и внедрение в промышленность уникального многоцелевого станка с числовым программным управлением восемь молодых работников предприятия удостоены звания лауреатов премии Ленинского комсомола в области науки и техники. Евгений Чудненко, Сергей Красильников, Игорь Федосеенко — конструкторы, Анатолий Скрябин — модельщик, Владимир Федосеев — формовщик, Андрей Харахнин — слесарь-электромонтажник, Сергей Громов — инженер-технолог, Александр Городничев, секретарь комитета

ВЛКСМ объединения (ныне — инженер-технолог).

Когда побываешь на заводе, ловишь себя на мысли, что здесь подобрался не просто энтузиасты, единомышленники, но и все, абсолютно все талантливые. «Да нет, — спокойно растолкуют в комитете ВЛКСМ, — обыкновенные ребята. Работают они, правда, в «особых условиях»: от них ждут не просто работы, а творчества. Отсюда и успехи».

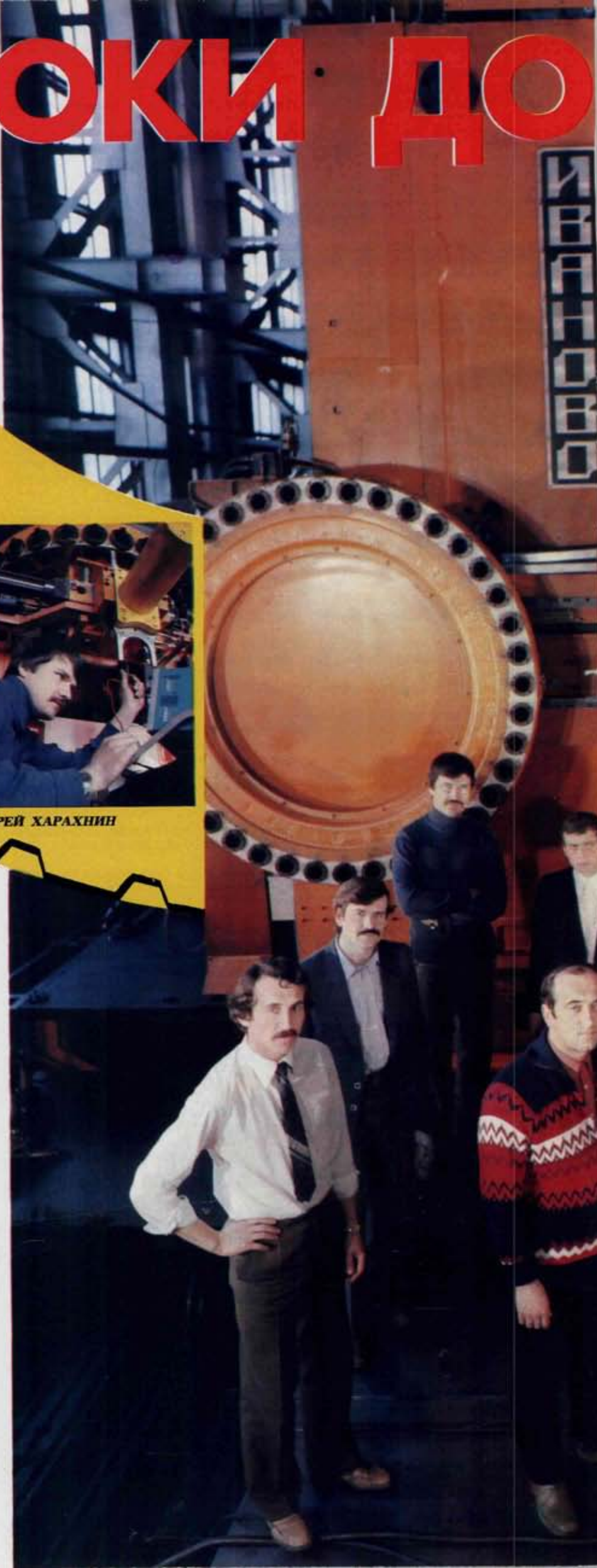
Рассказывают, что не так давно, выступая перед преподавателями институтов, поставляющих кадры в ИСПО, Кабаидзе сказал: «Ваши середняки у меня становятся ведущими конструкторами. Видимо, вы не смогли их увлечь настоящим».

Что же за перемены происходят здесь со вчерашними школьниками, выпускниками ПТУ и институтов? Почему вдруг в них просыпается яростный рабочий азарт, а в умах закипают неожиданные идеи?

Доверие

Говорят, люди старшего поколения на ИСПО даже немного обиделись, когда лет девять назад Кабаидзе сказал: «Будем делать главную ставку на молодежь». Ему ответили: «Молодость — это, конечно, хорошо. Но вот отсутствие практического опыта... Рискованно!» «Отсутствие опыта? — усмехнулся директор. — Почему плохо? Это тоже хорошо».

Парадокс? Давайте разберемся. Тогда на заводе задумывали новое дело. И не просто новое, а принципиально новое: вместо привычных универсальных станков решили производить станки типа «обрабатывающий центр», которым под силу выполнение множе-

ВЕРИЯ

УМЕНИЕ ОТДАТЬ СВОИ СИЛЫ
И ТАЛАНТ ОБЩЕМУ ДЕЛУ,
СМЕЛОЕ ДЕРЗАНИЕ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ—
ЧЕРТЫ ТЕХ, КТО УДОСТАИВАЕТСЯ ПРЕМИЙ
ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА.

ства операций—сверлильных, фрезерных, расточных (каждый ОЦ в пять-шесть раз снижает трудоемкость изготовления деталей и во столько же—число станочников). Вот для этого нового дела и нужны были молодые умы, не отягощенные бременем опыта вчерашнего дня. Нужны были свежие, яркие идеи и могучее желание воплотить их в реальность.

Кабаидзе знал: доверие—это сильнейший стимул для творческой работы.

И. ФЕДОСЕЕНКО. Попал я на ИСПО случайно. Как и многие ребята из СКБ, окончил Ивановский энергоститут, хотел заниматься вычислительной техникой, а тут—совсем другое. Ну, ничего, думаю, перекантуюсь здесь с годик, а там подыщу себе место по душе. Работаю и вдруг ловлю себя на мысли, что мне тут начинает... нравиться! Почему? Дали самостоятельное дело—разработать схему электрооборудования для обрабатывающего центра, то есть обеспечить его электронным «мозгом».

Часто на других заводах слышишь от молодых конструкторов: «Неинтересно, ничего серьезного не поручают, сидим, время тянем. Зато опекают так, что и карандаш самому взять не дадут, а сделаешь проект, его так подкорректируют под стандарт—и не узнаешь! Это еще и вниманием к молодым называют. А какой прок от внимания без доверия?»

А у нас—сразу дали сложное задание. И пошло!.. На часы уже и не смотришь—некогда. Раз поручили, надо оправдывать.

Е. ЧУДНЕНКО. Мне, например, доверили разработку узла электропривода. Но, конечно, смешно думать, что все сразу выходило великолепно. Нет, не все было гладко. Порой не

получается—и точка! Неделя, вторая, настроения никакого... Потом, глядишь, сдвинется с мертвой точки, и пошло!

Бывало и так: принесешь проект руководителю, а он говорит: «У вас здесь принципиальная ошибка». Ты возражаешь: «Нет, это не ошибка, а принципиально новая идея». «Докажи!» И доказываешь! Собирается тогда техническое совещание, и если ты окажешься прав, то хвала тебе, и... берись за еще более сложное дело. Но чаще все же бывало так: сидишь целыми днями, колдуешь, разрабатываешь свой узелок. Сделаешь, а тебе: «Хорошо, но можно лучше». Идешь дорабатывать. Раз, другой... По три-четыре раза доводишь и понимаешь: действительно можно лучше.

С. КРАСИЛЬНИКОВ. Нам не давали привыкнуть работать вполсилы. Когда мы еще только пришли сюда на дипломную практику, нас сразу оформили чертежниками и включили в работу. А диплом? Как говорит наш главный инженер СКБ Станислав Евгеньевич Гурычев: «Диплом—пожалуйста, но не в служебное время, это ваше личное дело, а на заводе личных дел нет». Вот так. Зато было интересно, нас не побоялись окунуть в настоящую работу, и наши дипломные проекты были не абстрактными, а реальными, и их отправили не в макулатуру... И начали работать мы сразу в хорошем темпе.

Разговариваешь с ребятами и чувствуешь: они ивановские. Они выросли в крае, где славные революционные и трудовые традиции определяют и формируют отношение к жизни, к делу, товарищам по работе. И потому никто не удивляется, услышав на прославленном камвольном комбинате, что по отраслевой норме—шесть станков на одну ткачиху—здесь никто не работает. Даже молодые перешагивают ее очень скоро. И объяснение дают простое: «Работать по средним нормам ивановцам не к лицу. У нас нормы свои».

Молодые станкостроители принялись за новое дело по-ивановски. У них не было опыта работать вполсилы. Накопить им такой опыт не дали. «Перекантоваться» на ИСПО Игорю Федосеенко не удалось—настоящее дело настолько втянуло и захватило его, что теперь,

СЕРГЕЙ КРАСИЛЬНИКОВ

ВЛАДИМИР ФЕДОКСЕЕВ

АНАТОЛИЙ СКРЯБИН

ЕВГЕНИЙ ЧУДНЕНКО

НА ИВАНОВСКОМ
СТАНКОСТРОИТЕЛЬНОМ
ОБЪЕДИНЕНИИ
ПРИНЯТО
ДОВЕРЯТЬ МОЛОДЫМ,
И МОЛОДЕЖЬ
ОПРАВДЫВАЕТ ДОВЕРИЕ.
ВОСЕМЬ ПРЕМИЙ
ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА—
ТОМУ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ.

Фото
Сергея ПЕТРУХИНА

вспоминаю и подытоживая восемь лет работы, он говорит: «Я попал туда, куда мне и следовало попасть».

Ответственность

В Ивановском обкоме комсомола о делах и заботах молодых станкостроителей говорят как о близком, хорошо знакомом, тонко разбираясь в нюансах, деталях. Тут уже мало сказать, что обком «в курсе», нет, в достижениях станкостроителей ясно просматривается деловая, конкретная, повседневная помощь комсомола.

Юрий Ланин, заведующий сектором обкома, особо подчеркнул, что когда завод рискнул доверить важнейшие дела молодым, в ребятах этот риск вызвал обостренное чувство ответственности.

Е. ЧУДНЕНКО. У нас срок от начала проектирования до сдачи станка в серию — один год. На других предприятиях отрасли этот цикл занимает от трех до пяти лет. У ребят из СКБ нет права на ошибку. Если раньше станки начинали изготавливать лишь после того, как закончатся работы конструкторов и технологов, то у нас все иначе. Пока конструктор еще только задумывает и набрасывает эскизы узлов, технолог уже высказывает свои замечания, а рабочие уже начинают готовить детали...

А. ГОРОДНИЧЕВ. Например, Николаю Бондаревскому, одному из молодых конструкторов, лауреату областной премии имени академика Мальцева, доверили разработку токарного обрабатывающего центра. Этому центру будет подвластно множество операций, любую деталь обрабатывает. Такой в мире-то раз-два, и обчелся. Так вот, Коля со своей группой еще только вычерчивать узлы заканчивал, а на заводской-изготовительской уже детали делали по этим чертежам. Вот и попробуй ошибись!.. Все на твоей совести. У нас не принято говорить: попробуем сделать. Пробовать — это слишком дорого может обойтись. Ведь у обрабатывающих центров очень высокая стоимость. А когда монтаж идет прямо с листа, то любая ошибка в проекте чревата большими неприятностями.

А. СКРЯБИН. Поэтому мы и стараемся исключить вероятность ошибки. Вот я модельщик. Со стороны может показаться: подумаешь, модели для отливок деталей станков из дерева делает, ничего особенного!.. А ведь формы обрабатывающих центров имеют повышенную сложность, посмотрите, какие плавные линии, сколько тонкостей, какие переходы! И точность большая нужна! Или вот, к примеру, Андрей Харанин. Прежде чем стать наладчиком (а наладка — не просто последний этап в изготовлении станка, но и один из самых сложных и ответственных), Андрей вначале поработал монтажником, пока все операции на сборке до мельчайших подробностей не изучил. И только тогда перешел к наладке. И работает в постоянном контакте с конструкторами.

И. ФЕДОСЕЕНКО. Это точно. За день раз двадцать, а то и больше приходится в цех бегать. Посмотреть, как там сборка, наладка. Для конструктора или технолога это очень важно. Попробуйте, допустим, застать на месте Сергея Громова! Инженер-технолог, а постоянно в цехе!..

У нас доверяют молодым, но и спрашивают той же мерой. Кто, к примеру, ездил на выставку в Париж? Наши ребята. А в Милан, Ганновер, Токио? Тоже наши. Доверие? Да. Поощрение? Да. Но попробуй приехать с выставки без свежих идей — большие никуда не поедешь!..

С. КРАСИЛЬНИКОВ. Да, на выставку надо не только себя показать, но и других посмотреть. Нужно успеть увидеть слабые и сильные стороны конструкций у зарубежных

фирм и продумать, как у себя дома сделать лучше. Иногда и замечания по своим станкам с выставки привезешь. Дома не заметишь, а там чувствуешь ответственности как бы обостряется. Все-таки ты лицо завода. Завод делал, а тебе доверили показывать. И потом — несешь ведь ответственность за честь города. В мире должны знать: ивановцы все делают на высоком уровне, это традиция.

Мы привыкли к извинительной фразе: машина, и та ошибается. Она-то как раз и может ошибаться, какой с нее спрос — машина!.. Ведь чувство ответственности присуще только человеку. Оно воспитывается доверием, работой, помогает порой решить даже неразрешимую на первый взгляд задачу, не дает права на ошибку. Молодые станкостроители ошибаться себе не позволяют. Они уже привыкли — не ошибаться. И от этого в них постоянно укрепляется уверенность в своих силах.

Уверенность

Только третий год коллектив объединения получает премии. Примерно столько же раз выполняется план. Опять парадокс? Создание новейшей техники — и невыполнение плана?.. Да, почти десять лет понадобилось, чтобы доказать нецелесообразность выпуска морально устаревших станков (обрабатывающие центры в зачет не шли). Только около двух лет производство устаревших станков снято с плана ИСПО. Объем производства возрос на 42,5 процента, только в прошлом году вдвое перекрыто плановое задание по поставкам оборудования на экспорт.

Все эти десять лет борьбы ивановские станкостроители верили, что рано или поздно они докажут, что правы. Работали долго без премий, числились в отстающих, но таковыми себя не считали и верили. Верили в свою правоту.

А. ГОРОДНИЧЕВ. В январе прошлого года обсуждался такой вопрос: в план нам поставили десять станков ИР-320. Мы прикинули, подсчитали, что, если освободить дополнительные площади на участке сборки, можно выдать... семь годовых планов по этим станкам! Откуда такая уверенность? Ну, во-первых, рассчитали, а во-вторых, страна остро нуждается в этих станках. План — это одно, потребность — совсем другое. Короче, надо было. На заводской партийной конференции выступили с предложением: вместо десяти — семьдесят. Что, все проголосовали «за»? Нет, были и сомневающиеся: «Куда заманулись? Не осилим!»

Представляете: не хотят верить в свои силы! Спокойно-то жить легче. Зачем рисковать — а вдруг не получится?.. Но мы-то знали, что этого «вдруг» по нашей вине не будет.

А. ХАРАХНИН. Взяться-то мы здорово, за два месяца больше годового плана сделали. И «съели» все комплектующие детали. Урасток встал. Делать было нечего. Ребята выложили пол метрическими плитками, теперь и светлей стало, и чище, и уютнее. Но от этого уюта тогда было тоскливо. Почти три месяца ждали комплектующих. Наконец их прислали. Работу продолжили, но с ритма уже сбилось, время ушло. Обидно было. Четыре-то годовых плана мы сделали, даже, может, и больше, уже не помню... Но ведь могли больше!

С. КРАСИЛЬНИКОВ. Сейчас от выпуска отдельных обрабатывающих центров мы переходим к производству станочных комплексов. Недалек тот день, когда выпускной комплекс «Иваново — ЗИЛ», который будет использоваться для изготовления дизельных двигателей автомобилей «ЗИЛ». С его помощью зилотцы планируют начать опережающий выпуск машин. А потом, без реконструкции, сменив лишь программу, смогут на нем же делать более

совершенные машины. Тут и трудоемкость снизится намного и производительность труда возрастет.

А. ХАРАХНИН. Как можно поднять производительность труда, скажем, работая на обрабатывающем центре, если уже задана программа? Здесь все зависит от мастерства рабочего: насколько он творчески подходит к программе. Ее ведь можно менять. Вот пример. Деталь обрабатывается разным инструментом. И вот в очередной раз происходит его смена. По программе магазин с инструментом — для отыскания нужного — поворачивается по часовой стрелке, а если повернуть против, то нужный инструмент быстрее попадет в захват. Программист учел последовательность операций, но не учел, в каком положении будет находиться в данный момент магазин с инструментом. А ты работаешь, ты видишь. Значит, меняй программу. Выигрывают секунды, но в сумме они дают немало. Да и самому интересно — не быть формальным исполнителем.

В. ФЕДОКСЕЕВ. Вот, кстати, о производительности труда. В обязательствах ИСПО записано: «Дополнительно к плану нынешнего года повысить производительность труда на 2 процента и снизить себестоимость продукции на 0,6 процента. Вот данные по первому кварталу. Производительность труда: планировали — 2,4 процента, фактически — 7,9 процента. Снижение себестоимости на первый квартал не планировали, фактически — 0,1 процента. Во многом помогает бригадный метод, внедрение новой техники, нашей же, заводской. Растет сознательность в коллективе, укрепляется дисциплина. Раньше мы на каждом узлу вывешивали: «Требуется, требуется...» Теперь к нам сами идут, и мы уже отбираем кандидатуры. И еще. В этом году мы приняли встречный план: изготовить сверх задания продукции на сумму не менее двух миллионов рублей — за счет экономии и бережливости, улучшения организации труда, укрепления трудовой дисциплины. Уверен, и с этим справимся.

Уверенность не подарок с небес. Она всегда стоит на жесткой платформе реальных дел, успехов. Она приходит только к тем, кого не смущают временные неудачи, кого не пугает вероятность начать все с нуля. И она, как мускулы атлета, делается все крепче и крепче и становится силой, ведущей к новым достижениям. Но уверенность невозможна без постоянной товарищеской поддержки. «Рекорды в нашей стране прославленные одиночки не ставят», — говорит Валентина Голубева, — они обязательно результат коллективного труда».

После того досадного случая с комплектующими деталями уверенность у ребят не ослабла, просто они лишней раз убедились, что больше надо рассчитывать на себя, партнер может и подвести, ты сам — не имейшь права. Этим ребятам и не такие дела по плечу. Да и как иначе? Традиции их дедов, красных ткачей, трудовые традиции отцов и матерей обязывают.

Традиции

Как возникают традиции? С поступков, добрых дел. С невозможности без этого обходиться. Иваново богато традициями. Но не только многолетними. Традиции рождаются, складываются, помогают людям и сегодня. Валентина Голубева сказала как-то: «Иваново не было бы Ивановом, если бы жило только своей былой славой». И достижения молодых станкостроителей тому подтверждение.

Одна из главных традиций ИСПО ныне — во всем избегать формализма. Ведь можно было, к примеру, спокойно выпускать морально устаревшее оборудование, но это было бы формальным

подходом к делу, нетворческим. И так здесь — во всем.

Комсомолу в его делах постоянно помогает партийный комитет, поддерживает. Успехи молодых были подготовлены кропотливой работой людей старшего поколения, чей труд также получил заслуженное признание: группа работников ИСПО была удостоена Государственной премии в области науки и техники по итогам 1983 года. Для лучшей адаптации молодых специалистов вовлекают в общественную работу. Сергей Красильников был председателем совета молодых специалистов СКБ, Сергей Громов — членом бюро ВЛКСМ отдела главного технолога, Евгений Чудненко, Игорь Федосеенко заняты в профкоме, Анатолий Скрябин был комсоргом модельного цеха, Андрей Харанин — замкомсорга сборочного. Владимир Федосеев — группкомсоргом формовочного. Одно слово — активисты. Во всем. Потому и удается многое.

С. ГРОМОВ. Николай Бондаревский рассказывал мне, как недавно, будучи в Москве, в своем родном станкостроительном институте, агитировал ребят приехать на ИСПО, посмотреть. Не успел он вернуться в Иваново, как сюда уже прикатил один из студентов. Ему понравилось. Напросился сюда на дипломную практику, привез рулон чертежей — своих разработок. Коля говорит: парень толковый. Его уже устроили на работу, дали «узелок». Коля опекает. Это и есть неформальное отношение.

А. ХАРАХНИН. Теперь о комсомольских традициях. Несколько лет назад комсомольцы нашего объединения выступили с инициативой — к 110-й годовщине В. И. Ленина собрать во вне рабочее время сверхплановый станок — подарок Родине. А в дальнейшем эта инициатива переросла в традицию — отмечать знаменательные даты в жизни советского народа такими вот подарками.

С. ГРОМОВ. Я сразу уточню, что собрать обрабатывающий центр — это не хлебницу собрать. Обычно в бригады уходит на это около трех недель кропотливого труда. Ну, а учитывая, что сборка внеплановая и проводится в нерабочее время, получается месяц три.

А. ГОРОДНИЧЕВ. Конструкторы тоже принимают участие в сборке. Я хорошо помню тот первый станок, как мы все радовались... Потом были станки к XXVI съезду партии, к XIX съезду ВЛКСМ, к 80-летию II съезда РСДРП.

А. СКРЯБИН. А в этом году, юбилейном для комсомола, мы решили нарушить традицию собирать по одному сверхплановому станку в год... Решили собрать... целых три. Первый — к 114-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Второй — к 12 июля, дню присвоения комсомолу имени В. И. Ленина. Третий — к 29 октября, дню рождения комсомола.

Когда несколько лет назад успехи ИСПО стали привлекать широкое внимание, то говорили об этом часто с удивлением: в исконно текстильном краю — и вдруг вырос лучший в стране станкостроительный завод!..

А вдруг ли?

Новое, передовое не возникает на пустом месте. Нужна почва, плодородная, щедрая. И эта почва у ивановцев была — революционные, живые традиции красных ткачей, уверенно выводящие людей к зрелости человеческой, гражданской, профессиональной. На этой почве выросли поколения дедов и отцов нынешних станкостроителей. И когда построили здесь станкостроительный завод, он просто и не мыслил себя середняком. Он взялся за дело по-ивановски и стал лучшим. И нет случайности в успехе молодых станкостроителей. Ведь они не без роду и племени, они ивановские.

Крепка, прочна и непрерывна связь поколений красных ткачей и их наследников. Как родство ленинского имени с комсомолом.

Важно охватить всех учащихся разнообразными массовыми и индивидуальными формами воспитательной работы во внеучебное время. Развивать их самостоятельность, тимуровское движение, создавать клубы по интересам, кружки технического и художественного творчества, спортивные секции.

Из основных направлений реформы
общеобразовательной и профессиональной школы

ВСЕГДА ГОТОВ!

Владимир ФИЛИППОВ

Подростком Ефим Штейнберг, было и такое, состоял на учете в отделении милиции. Факт в биографии педагога — руководителя районного пионерского штаба — далеко не привлекательный. Но смело берусь обнародовать его не потому, что он позабыт за давностью лет, и не потому, что с тех пор Штейнберг зарекомендовал себя только с положительной стороны. Мне кажется, что и этот небольшой факт — тоже штрих к портрету человека. Ведь на учет в милицию в 50-е годы, как, впрочем, и сейчас, тихонь не ставили. А Ефим, как и многие мальчишки той, послевоенной поры, рос без отца, был непререкаемым участником всех «операций», затеваемых дворовой командой.

— Тихим я стал, ближе узнав детей, — улыбается Ефим Борисович. — Ребята, как я заметил, вообще не слишком-то жалуют шумных, громкоголосых воспитателей. А главное, понял: надо больше слушать самих детей. Ведь по тому, о чем и как они говорят, можно почти безошибочно узнать их склонности, настроения и даже, простите за высокий стиль, душевные устремления.

Зачем взрослые люди идут к детям? Одни мечтают вырастить человека будущего, другие — на практике реализовать свои педагогические идеи, третьи стремятся через маленьких утвердить себя в большом, заметном деле. Четвертые, пятые, десятые...

Штейнберг, по его собственным словам, такой вопрос никогда перед собой не ставил. Все получилось как бы само собой. Сначала был пионером, стал вожаком. Поступил заочно в педагогический. Пригласили работать в Дом пионеров методистом. Сейчас он заведующий пионерским сектором. Вроде бы все ordinarily, обычно, как по нотам. Но, смею утверждать, на педагогическую стезю Ефима Борисовича привело не стечение случайных обстоятельств, а истинное призвание.

«Дом, в котором мы живем» — так называют свой Дом пионеров члены пионерского штаба Куйбышевского района Москвы. Здесь они не сторонние наблюдатели, а настоящие хозяева.

Восемьдесят штабистов, восемьдесят полпредов своих пионерских дружин. Через них штаб держит связь со всеми школьниками района. Но это еще и восемьдесят сомнений, вопросов. Каждый хочет, чтобы ему уделили внимание (дети все-таки), выслушали, одобрили. Сколько споров, шума бывает, когда все вместе обсуждают план действий! Однажды Штейнберга даже упрекнули за то, что ребята у него не слишком дисциплинированы, чересчур оживленно реагируют на все, о чем говорится на заседаниях штаба. А еще, дескать, актив.

— В том-то и дело, что мы воспитываем активистов, — отвечает на это Ефим Борисович. — Мы категорически против отретивированных сценариев, где ребятам отводится роль рядовых исполнителей. Дети хотят быть авторами и солистами в собственных произведениях.

Девиз юных куйбышевцев: «Нести радость людям!». Какой смысл вкладывают они в эти слова?

Вот несколько ответов штабистов.
— Стараясь удачно провести сбор или вечер в своей школе. Радуюсь, когда получается.

— Бывает, прямо летишь к ребятам в детский дом. Почему? Потому что там тебе всегда рады.

— Весной наделаем скворечников, зимой — кормушек. Развесим вблизи детских площадок и посмотрим из-за кустов, довольна ли детвора. И самим приятно и радостно от ребячьих улыбок.

— Закончишь свою норму на прополке, идешь помогать соседу. Не ради похвалы, конечно, но если отменят — приятно. Сам к себе начинаешь лучше относиться.

— Однажды мы приводили в порядок братские могилы на кладбище. Подошла пожилая женщина. Постояла, посмотрела, а потом рассказала нам о

войне, о погибших родственниках, о своей судьбе. Всплакнула, девчонки наши тоже. Какое-то чувство, что не лишние мы здесь, появилось...

— Видите, ребята сами за то, чтобы мы, взрослые, не приучали их смотреть на мир через розовые очки, — ознакомились с этими ответами, говорит Ефим Борисович. — Не надо подменять воспитание надоедливой, мелочной опекой. Ведь наших детей уже в подростковом возрасте отличает определенная гражданская зрелость. Взрослым остается только умело развивать стремление ребят к активному действию, к благородному поступку.

Уже несколько лет подряд с концертами в отдаленные сельские районы выезжает агитбригада, в состав которой входят члены пионерского штаба, молодые рабочие, студенты. «Москвичи приехали!» — разносится тогда по деревне, куда в эти весенние дни и машина не проедет. Москвичи добираются пешком. Перед выступлением в клубе юные артисты работают на поле или на ферме. А вечером, попив парного молока, выходят на сцену. В зале собирается и стар и млад, того и гляди стены рухнут от аплодисментов.

Любимое детище Штейнберга и штабистов — лагерь пионерского актива «Надежда». Во время летних и зимних каникул в нем живет более 150 человек — четверо-пятеро взрослых, остальные — школьники. Штабисты составляют лишь пятую часть общего коллектива, в основном же это ребята, направленные школами, немало и таких, кто получил «рекомендацию» в инспекции по делам несовершеннолетних.

Все здесь, на первый взгляд, почти так же, как и в обычном лагере: линейки, сборы, а вот суть...

В отрядах дети разного возраста, от одиннадцати до семнадцати лет. За смену каждый в порядке очереди побывает и звеньевым, и поваром, и санитаром, и дежурным по лагерю. Оперативные вопросы решает совет командиров, а общелагерные проблемы — высший орган самоуправления, общий сбор. Голосуют на равных и дети и взрослые. Решение большинства — закон, отменить или нарушить который никто не вправе.

Спрашиваю у Ефима Борисовича: случается ли так, что ребята принимают решения, мягко говоря, не совпадающие с точкой зрения взрослых?

— А что в этом странного? — отвечает. — Почему наши мнения должны быть одинаковыми? Не лучше ли побольше доверять ребячьей инициативе?

В случаях несогласия с постановлением ребячьего кворума Штейнберг прибегает не к данной ему власти, а к доводам, которые могут переубедить. Не получилось сразу — пытается еще раз. Но если понял, что сам был не прав, признается во всеуслышание.

— Не надо бояться показаться смешным перед детьми, — продолжает Ефим Борисович. — Не надо трястись над режимом сна и кормления. И зачем выдумывать развлечения и мероприятия? Ребята на дух не принимают формализм. Выигрывает тот, кто шагает в ногу с детьми, а не ведет их за ручку.

В «Надежде» не бывает и двух похожих дней. Сегодня репетиция и выступление в сельском клубе, завтра тимуровский десант. С первого дня ведется разведка пионерских дел. Вскоре ребята знают все дома в окрестных деревнях где живут солдатские вдовы, ветераны войны и труда — словом, те, кому нужна помощь.

Общий сбор намечает, что и как необходимо сделать. Часть намеченного реализуется днем, а другая выполняется по «гайдаровскому» методу — тайно, ночью, мальчишками и девчонками из заранее организованной команды.

Есть в лагере дни пионера-героя, праздник труда, праздники игр. Перечислять все не имеет смысла. Названия этих дней, а значит, и содержание дел постоянно меняются. Но уж если лагерь решил стать на сутки стоянкой индейского племени, то, будьте уверены, и ритуалы, и одежда, и жилище, и даже лица будут точь-в-точь, как у апачей.

«Надежда» не имеет постоянной прописки. За время своего существования она побывала в нескольких районах Московской области. Ребята живут то в палатках, то в пустующем летом здании школы, то в общежитии техникума. В лесу, на околице деревни.

Но не особняком. Напротив, в орбиту своих дел куйбышевцы вовлекают местную молодежь, стараются быть в гуще трудовой, общественной и культурной жизни села. Вместе с сельскими ребятами они проводят праздники, спортивные состязания, вместе работают. Недаром один паренек, член пионерского штаба, сказал мне: «Побывав в деревне с «Надеждой», я понял, сколько стоит трехкопеечная булка».

Слово заинтересованному лицу — папе Алеше Васильченко:

— Наш Алексей — выпускник штаба, прошел полный курс его «наук». Все эти годы мы, родители, знали, у сына есть собственное серьезное занятие. Не просто забава, а часть настоящей жизни с ее победами и поражениями. Наш сын, я считаю, приобрел такой жизненный опыт, какой даже самые прекрасные семейные отношения заменить просто не в состоянии.

По традиции в конце мая Куйбышевский районный пионерский штаб принимает новое пополнение. Накануне новичок получает пригласительный билет, в котором написано: «Штаб ждет тебя в указанное время в районном Доме пионеров. Не забудь! В рабочей форме, с лопатой, с ложкой семян газонной травы или цветов и обязательно с хорошим настроением. Это твоё первое поручение».

После торжественной линейки руководители, старожилы и те, кто впервые встал в строй штабистов, выходят во двор. Вскальпывают землю, сажают цветы, окучивают кустарники. Ничто так быстро не сближает людей, как общий труд.

Работа во дворе введена в ритуал приема не только ради знакомства с новыми штабистами. Все поручения, которые получают тут ребята, связаны с приобретением тех или иных трудовых навыков.

— Да, мы хотим, чтобы слова «труд» и «трудно» стали неразрывны в сознании молодого поколения, — говорит Штейнберг. — Ребята должны научиться преодолевать трудности. Только тогда они будут гордиться тем, что сделали, и настоящему поймут, кто достоин уважения. Нам, педагогам, ни детям не нужны скучные экскурсии на поля и заводы, во время которых мускулистые акселераты лениво перебарывают картошкой или подкапывают бракованные детали. Нужно дело, а не имитация дела.

Восемнадцать лет руководит Ефим Борисович районным пионерским штабом. В разных концах страны появились у него друзья и единомышленники. Бывшие активисты, штабисты, ныне рабочие, инженеры, учителя, студенты входят в совет друзей штаба.

— Без них, — утверждает Штейнберг, — я вряд ли бы справился с работами и хлопотами многочисленного детского коллектива.

А ведь эти, теперь многоопытные помощники приходили сюда когда-то робкими неумехами.

Маленьким, впечатлительным мальчишкой помнит Ефим Борисович Сашу Орехова. Как-то ему поручили быть командиром похода. Пришли на место, надо палатки ставить, а ребята разбегались кто куда. Сели обедать — посуды на всех не хватает. Кто за это в ответе? Командир.

— Не умею я, — чуть не плача жаловался Саша руководителю.

— Не расстраивайся, — успокаивал его Штейнберг, — выйдет из тебя командир.

Уже тогда Ефим Борисович заметил Сашину старательность и добрую, бескорыстную душу. Ведь он сам поставил палатки и свои куртки и свитер, когда похолодало, отдал девочкам. Организаторские навыки, считает Штейнберг, немыслимы без такой нравственной основы.

В Саше он не ошибся. Через год тот стал председателем пионерского штаба, после школы поступил в педагогический. Сейчас учитель 362-й московской школы Александр Павлович Орехов — кумир своих учеников. С ребятами он и днем и вечером. Его жена Елена тоже, кстати, бывшая штабистка.

Все чаще предлагают Ефиму Борисовичу Штейнбергу поменять пионерский штаб района на более солидную, престижную работу. А он не соглашается. Почему?

...Года полтора назад, весной, ребята уезжали в агитпоход на Смоленщину. Штейнберг впервые остался в Москве: с тяжелым переломом попал в больницу. Лежал в палате, а мысленно был с ребятами. Как они там? Все ли в порядке? Вдруг входит медсестра и с каким-то упреком говорит: «Это ваши дети во дворе?»

Ему помогли подойти к окну. Что он видит!.. На улице, у клумбы, его ребята, с рюкзаками, со всем реквизитом — прямо с вокзала, дают концерт. Поют, танцуют... Этот концерт смотрела вся больница.

Вот и после очередного «сватовства» на новую должность ребята какими-то им одним известными путями узнают обо всем. Настороженно и пылливо смотрят они тогда на своего руководителя: согласился или нет? И, наверно, каждый штабист думает так же, как тот мальчишка, который сказал: «Ну, что они все его куда-то тащат и тащат? Неужели не понимают, что он здесь нам нужен?!»

Ребячья благодарность. Есть ли награда дороже?

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ, ПЕРВОСТРОИТЕЛИ,
ПЕРВОПРОХОДЦЫ — ИМИ ГОРДИТСЯ КОМСОМОЛ.
БАМ: С ПОЛНЫМ ПРАВОМ НАЗЫВАЕМЫЙ
ДОРОЖЕЙ КОМСОМОЛЬСКОГО ПОДВИГА,
ОТКРЫЛ ПУТЬ К БОГАТСТВАМ СИБИРИ.

ЭЛЕКТРОМОНТАЖНИК
НИКОЛАЙ КУКЛЕВСКИЙ
ОДИН ИЗ ТЕХ,
КТО ПРОКЛАДЫВАЛ
КОДАРСКИЙ ТОННЕЛЬ.

Отечество

ЧАРЫ МЕ

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ САХАРА
ПОКОИТСЯ
НА ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЕ.

Фото
Альберта ЛЕХМУСА

лись в небо, а могучие их подножия широко и вольно располагались на земле, уступив малое пространство для аэродромишка и приземистого поселка с манящим названием Чара...

Административно это райцентр, а географически, житейски — точка отсчета немногих дорог и многих километров, разбегающихся в пахнущие свежим деревом бамовские поселки, к временным городкам геологов, в обжитые усадьбы эвенкийских совхозов, к оленьим стойбищам в верховьях горных долин. Район именуется по реке — Каларским и располагается в самом северном углу Читинской области. Там, где она как бы спускается к Иркутской на западе, к Амурской об-

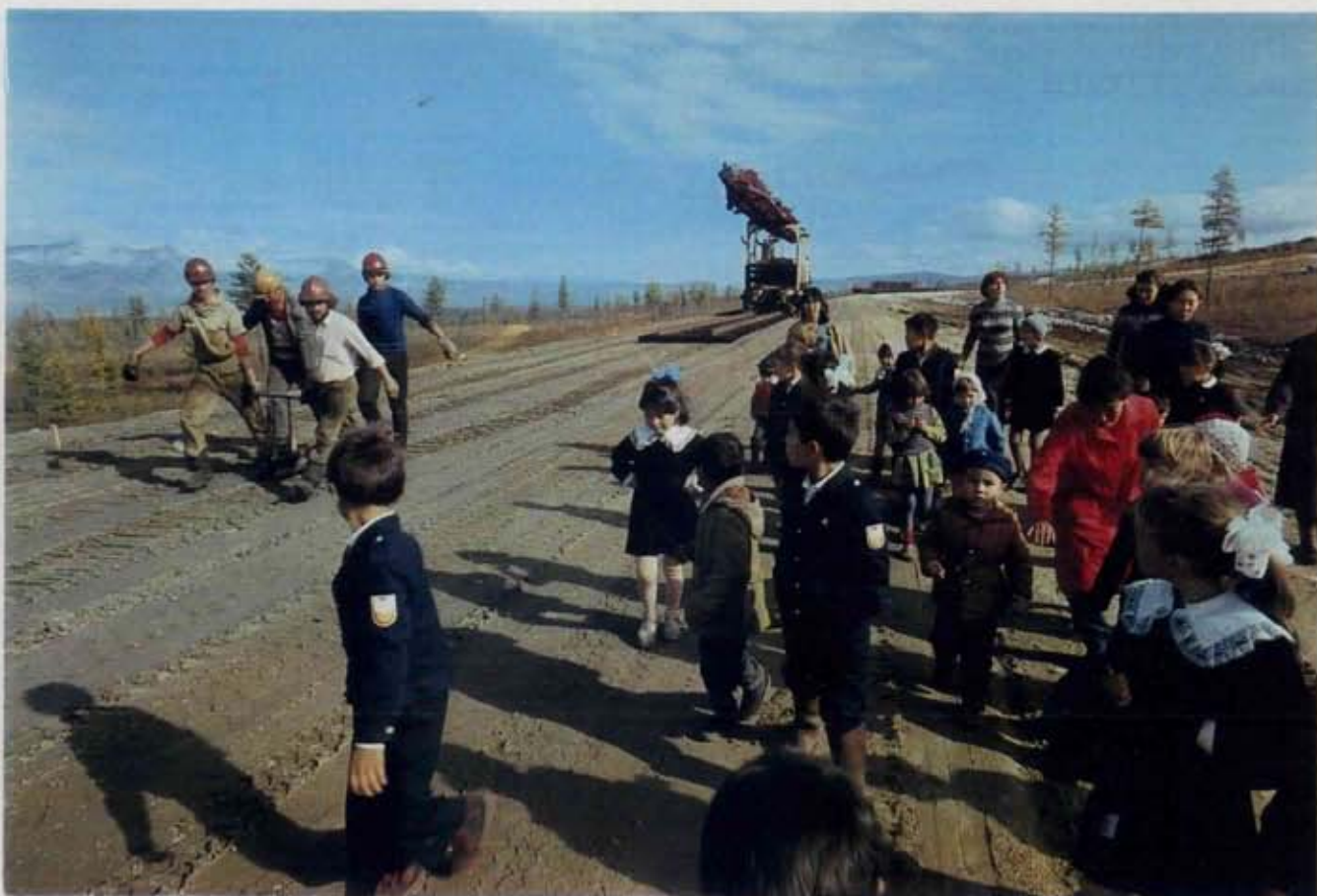
ласти на востоке, а северными границами стыкуется с Якутской АССР. Чуть ли не до сегодняшнего дня Каларский район оставался неизведанным, неосвоенным. Как и все горное Забайкалье — страна тайн и загадок, издавна манившая людей рискованных и смелых.

Одним из первых чуть больше века назад пришел в эти края, разведывая путь из района Ленских приисков к Чите, отчаянный человек — географ, геолог и топограф, сын генерала, бывший камер-паж Александра II и будущий революционер князь Петр Алексеевич Кропоткин. Тонкая профессиональная интуиция, знание сибирских ландшафтов, подсказки местных жителей — все это легло на карту очертаниями бассейна реки Чары и хребтов, оцепивших ее. Кряж, ограничивающий долину реки с северо-запада,

Ада ДИХТЯРЬ

Время близилось к полудню, но на серой, гладко окрашенной плоскости неба солнце даже не обозначилось. Царил равномерный серебристый свет. Все вокруг выделось без полутонов и бликов, графично и четко. Белее белого высились утесы. Чернее черного проступали из-под снега скалистые вершины. Клинки и пики. Утесы цели-

ДНОЙ ГОРЫ

**ДЕТИ ИЗ ЭВЕНКИЙСКОГО
ПОСЕЛКА ЧОПО-ОЛОГО
ВПЕРВЫЕ УВИДЕЛИ
ЖЕЛЕЗНУЮ ДОРОГУ.**

географ назвал эвенкийским словом «Кодар», что значит «скала», «камень». Подводя итоги экспедиции, Кропоткин высказал предположение: «Если же в этих странах будут найдены золотые россыпи, то, несомненно, через несколько десятков лет они будут прорезаны тропами по всевозможным направлениям».

Найти золотые россыпи здесь пытались не раз. Но старателям в этих краях не везло. Скрежетали скребки, растирая на грохоте — продырявленном листе железа — гравий и гальку, черпаки-ведра промывали породу, но ничтожными в сравнении с трудом были золотые крупы, оседавшие в лотках. И уходили искатели счастья, оставались лишь те, кому крутом не везло и братья больше было не за что в этих не годных для выращивания хлеба и разведения скота краях.

Время шло. Жизнь переваливала через хребты покруче кодарских — через две революции, колчаковщину, войны. И вот снова едут сюда люди поиска.

**МЕДНЫЕ ГОРЫ
УДОКАНА.**

**«ОТКРЫТИЯ ВПЕРЕДИ» —
СЧИТАЕТ ГЕОЛОГ
АЛЕКСАНДР БУЛАТОВ.**

На ком небо держится

Дух людей дерзновен,
Воля к жизни —
Победы основа,
Но победа куется
В ответ на Отечества зов.

Там, где пик Молибден,
Где отвесные скалы суровы,
Долго держится солнце,
Чтоб видеть в лицо горняков.

Небольшими шагами
Идут сквозь лучей позолоту
Люди крепкой закваски,
Былинным героям сродни.

Просто над облаками
Шагают они на работу,
Словно витязи в касках,
Как будто бы реют они.

А порой под дождями,
Коль тучи надвинутся гневно,
В неприветливой стыни
У горных орлов

на виду,
Как стальными плечами,
Подпирают свинцовое небо
И руками своими
Добывают большую руду.

Но откуда громаду
Этой силы невиданной взяли?
Сам дорогою трудной
Добрался до их высоты.

Я увидел:
Их взгляду
Открыты бережные дали,
Им виднее оттуда,
Как много нам надо руды.

Алиму Байсултанову,
земляку, герою сражений
Великой Отечественной,
геройски павшему, но
вечно живому, посвя-
щаяю.

Мы высью гор гордимся
Не напрасно,
Свет горных

родников
Извечно нов...
Но имя твоё
Выше гор Кавказа,
Но имя твоё
Чище родников.

Ты вскормлен был
Отважным и неслабым.
Сил не щадил.
И твой бессмертен курс.
Над Балтикой
Твоя взлетела слава,
И эхо славы
Подхватил Эльбрус.

Неутомимы крылья боевые,
Они тебя приносят
на Кавказ.

И на рассвете снова,
Как впервые,
Я от тебя не отрываю
глаз.

И кто сказал,
Что охватило
пламя,
Что поглощен ты
Балтикой седой?..
Ты каждый день
Взмываешь над волнами,
Ты каждый день
Роднишься с высотой.

Лети, Алим,
Сквозь зимы
И сквозь весны,
Пусть даже день
Порою непогож,
Ты снова нам
Несешь на крыльях
звезды.
Ты солнце вновь
На крыльях
нам несешь.

Перевел
с балкарского
Борис ДУБРОВИН.

С гор ветерок...

Памяти
Федерико Гарсия Лорки.

Эту мелодию
Слышу при входе я
В прибежище гор,
где коридор
волнами прорыт.

Эту мелодию
Слышу в народе я;
Слышатся в ней Севилья,
Гранада, Мадрид.

С гор ветерок
влет ночной.

Снизился зной,
Падает жар,
А под высокой стеной
Тихий такой
Голос гитар,—
Как дуновение,
Как дуновение:
Малагузья,
Малагузья!

Эту мелодию
Слышу в народе я;
Сердцу так много
эта мелодия говорит!

геологи. И не личный интерес движет их стараниями, а заботы о богатстве для всех.

Попробуем пройти за ними следом, чтобы хоть немного понять нелегкий этот труд и оценить его смысл. Оставим на время скалистые гребни Кодара, пересечем закованную льдом красавицу Чару, проедем Чарскую котловину и остановимся у отрогов мощной горной цепи. Хребет Удокан.

Наша вахтовка медленно ползет в гору по узкому дорожному коридору. Совсем рядом с заснеженными обочинами дыбятся крутые склоны в россыпях камней. Мелких, как будто высыпающихся из одной гигантской пригоршни, запорошенных снегом, и крупных, тускло поблескивающих заидеальными, неровными формами.

Мотор, напрягая все свои лошадиные силы, штурмует за подъемом подъем. Попутчики считают перевалы: Крутой, Безьямный, Клоквенный. Названия эти мне знакомы. О перевалах, о россыпях камней — курумах, — через которые ни пройти ни проехать, рассказывала мне несколько лет назад геолог, лауреат Ленинской премии Елизавета Ивановна Бурова. Рассказы запали в память как сказка, как зарок: обязательно побывать здесь, увидеть эти края...

И вот за бортом машины живой Удокан — Скользкий перевал. Слева по ходу то ли холм, то ли скол скалы. На нем березка. Где-то здесь низовье Скользкого ключа. Сейчас его не увидишь — все занесено снегом. А тогда...

...Тогда было лето. Маршруты геологов партии Буровой представить трудно: по сей день каждый шаг здесь — испытание. Осторожно ступает нога в изумрудно-зеленые, голубые мхи. Шаг-другой — и такой прочный, пружинящий ковер лопается с треском, сбрасывая тебя в сырое волокнистое крошево перегнивших шпел и корневищ. Невольно пытаешься опереться на белеющий ствол березы, но он хрупок, как солома. Инстинктивно хватаешься за темные нависающие над головой ветви лиственницы, спутанные сизыми бородами лишайников, но, увы, дерево мертво и давно утратило свою крепость.

Зверь обходит завалы и буреломы стороной. А человек, торя новый путь,

пробивается и сквозь такие препятствия...

Из глухой тайги они поднимались вверх, к распадкам Удокана. Двигались по замшелым курумным россыпям. Камни под ногами. Камни над головой. Выше, к гольцам, начиналось зеленое царство кедрового стланика. Густо переплетенные его упругие ветви цепки, как капкан, не продраться.

Таковы здесь дороги. Это сейчас вертолеты и вездеходы, нити автодорог и нанизанные на них поселки. Летом 49-го поселков здесь не было, а были стойбища эвенков, на 200—300 километров разбросанные друг от друга. Брезентовые палатки и спальные мешки участников экспедиции тянули олени. Но олени не лошади, больше двадцати килограммов на него не взыла — ломает спину. Немалую часть снаряжения геологи несли на себе.

В путь брали только главное, только необходимое. Это стало и жизненным принципом. Я убедилась в этом, познакомившись с Елизаветой Ивановной Буровой. Мы встретились у нее дома, в Иркутске, в просторной, не заставленной мебелью комнате. Аккуратно достаёт Елизавета Ивановна из-за стола книжного стеллажа и показывает мне главные приобретения жизни: темно-зеленые, сиреневые, синие камни. Бесценные свидетельства, выданные Удоканом ее геологической партии, открывшей здесь месторождения меди.

Сегодня освоение удоканского медного месторождения стало фактом экономических программ. И, помимо, интересно узнать, с чего все началось. Я расспрашивала об этом Елизавету Ивановну, записала ее воспоминания, и теперь вы из первых уст можете услышать, каким был тот день 29 июня 1949 года.

...Как обычно, мы поднялись на рассвете в 6 или 7 часов. Было туманно, сыро. Камни в русле ключа, по которому мы шли, скользкие, мокрые, какие-то коричневатые, рыжие, подернутые железистой охрой или порошище бурой влажной мглой. Так мы и назвали этот ключ — Скользкий. Так он в нашу геологическую историю и вошел.

И вдруг на фоне этой общей серой картины я заметила ярко-зеленый камешек. Естественно, он сразу

привлек внимание. Взяла его в руки — малахит. Ну, если геологу попадается какой-нибудь выдающийся камень, он начинает «шарить» тщательней. Поглядела вверх, а оттуда целая осьнь тянется такит вот зеленых камешков. Думаю, хорошо бы туда слазить. Но склон крутой, неприступный, даже растительности нет. Осьнь сплошная. Оператором со мной ходила Клава Балканова, выносливая, скромная девушка и безотказный человек. Как бы ей трудно ни было, она никогда не жаловалась. Третьим в маршруте был рабочий Володя Аристов. Давайте пойдем по водоразделу и подсечем, откуда катятся эти камни, где их коренной выход. — Предлагаю я. Мы выбрали на водораздел, а он — пила-пилой. Правой ногой шагнешь, а левую ставить некуда. Но мы идем. И чем дальше, тем больше медной зелени. Тем больше мощность пластов. Меня прямо спортивный азарт охватил, как будто на грибное место попала. Пока замеряли мощность выходов пластов, набирали прокхаки камней, делали записи, так увлеклись, что обо всем на свете забыли; в лагере нас уже потеряли.

На следующий день все собранные образцы с караваном оленей были отправлены на базу. Мы сразу поняли, на что попали. И дали предварительную оценку рудных запасов. Она совпала с той, что сделало потом Читинское геологическое управление.

Поздравляя Елизавету Ивановну с этим открытием, кто-то из коллег горько пошутил: «Ты бы еще на Луне открыла...»

Да, в ту пору, когда страна залечивала раны, нанесенные войной, управлялась от разрухи, нельзя было и мечтать не то что о разработках, даже о развертывании поиска в этих недосыгаемых даях. Пришло время — моторы и крылья приблизили дали. Но что значит это приближение, если нет дорог? Вот почему трасса Байкало-Амурской магистрали при подходе к Читинской области забирает резко на север, в район вздыбленного горами ландшафта, в суровый по климату край, о котором Петр Кропоткин, как бы желая приободрить будущих землепроходцев, говорил: «Наш пер-

вый шаг дает нам возможность утвердительно сказать, что эти страны вовсе не так страшны и дики, какими вообще их считают...»

Новоселы Каларского района, наверное, с улыбкой прочтут эти слова. Однако именно они лучше других понимают, что это такое — Северное Забайкалье. Постоянная угроза землетрясений. Вечная мерзлота. Крайне затруднено водоснабжение. Бездорожье. Суровый климат. Весь район от Байкала до Чары «поднят» на отметках 500—1000, а в Наминге около полутора тысяч метров над уровнем моря. Это лишь одна из причин колебания годовых температур. Их перепад в районе Чарской котловины достигает 91 градуса! Средняя годовая — отрицательная. Если в Нижнеангарске, на северной оконечности Байкала, она равна минус 3,3 градуса, то в Чаре — минус 7,8.

Так же, как и в поселке Наминга, куда и привела меня из Чары белая дорога через перевалы.

Наминга. В переводе с эвенкийского — «Ущелье ведьм», или «Чертовое ущелье». Не знаю, как насчет чертей и ведьм, но в самом виде ущелья есть что-то чертовское. Ощутила это сразу, как только вышла темным вечером из вахтовки. На мрачном до черноты фоне, резко выделяясь, белели горы. Они тяжело нависали над поселком и сходились так близко, что, казалось, раскинь руки — дотронешься до них. Гнетущий пейзаж оживляла только мерцающая нить электрических огней, протянувшаяся вдоль белых громадин...

Крохотная гостиница Наминги до отказа была забита командированными геологами, и шофер вахтовки Саша Филоненко взял инициативу на себя. Недолго думая, он подвез меня к одному из домов, открыл не запертую на ключ дверь.

— Привномай гостю! Я бы у нас оставил, — будто извиняясь, сказал он хозяин, милостивый, приветливый, — да у нас беспорядок — только переселились. А у тебя вроде Алеша в командировке...

Так мы познакомились с Тамарой Панкевич. А через несколько минут уже сидели за самоваром в жарко натопленной кухне и говорили, как давние знакомые.

В шелестах роц иди
К праздничной площади:
Все еще где-то отблески света
площадь хранит.

Алый кувшин —
Белый жасмин,
Пестрой толпы темный загар,
А над толпой голос один,
Сплавлены с ним струны гитар.
После погонь,

после расправ,
После клинка, после свинца
Он до сих пор

так величав! —
Надо спасти голос певца.
Эту мелодию
Слышу в народе я;
Сердцу так много
эта мелодия говорит!

Снегирь

Зима. Поселок,
занесенный бурею.
Стоят над крышами
дымки узорные.
Какие краски в эту пору хмурые!
Какие серые и черные!
Ох, не люблю
такой сплошной понурости!
Но снегиря я вдруг увидела в окне:
Он звонко пел,
не видя этой хмурости, —
Непослушанья красное пятно!
Он не смотрел,
что зимний день туманен был.

Что никли елочки, неясные, как сны.
Он был так ярко!

Будто весь израненный
В бою со стужей за честь весны!
Но вот зима ушла к седому полюсу.
Ликуй, снегирь!

Пришла пора твоей мечте,
Весна сбылась! Но я гуляю по лесу
И не встречаю снегиря нигде!

Чудодей

И туда смотреть непрерывно
Нравилось мне в детстве когда-то,
Где в пространствах,
сдвинутых дивно,
В дымной перспективе заката,

У преддверья сумерек летних
В отблесках беснуются нежных
Листья. Обратясь в силуэтных
Резких человечков мятежных.

Кланялись между пинками,
Толпами друг друга толкали,
На толпу толпой набегали
И, не добежав, поникали...

Мнилось: колпачки их, и пляски,
И воротники их, и флаги
Старый капельмейстер из сказки
Вырезал из черной бумаги.

Навязав их столько, что в доме
Не было от них перебою,
Тихо он сдувал их с ладони,
В роцу выводил за собою.

По траве холодной и лунной
Человечки шли вереницей,
И за ними взгляд свой латунный
Мастер устремлял длиннолицый.

Цепью выпускал их и штучно,
С лестницы над ними склонялся,
Уходил домой и беззвучно,
Чтоб никто не слышал, смеялся.

Собственной смеялся затее,
Может быть, немножко некстати,
Как смеются все чудодей
Ночью и на бурном закате.

Песня

Ночь.
Волны прибрежные черны.
Море
Нынче напрасно ждет луны.
В бухте ни огней, ни голосов.
Не отражает парусов
Незрячий блеск волн.
Пальм не видно в сумраке ночном.
Что ж!
Я все равно их видела днем!
Дышат их верхи под теплой мглой,
Как будто угли под золой,
Полупотушенным огнем.
Что там? То ль это лодка, то ли плот?
Кто-то
По морю темному плывет
И песню,
песню старую поет...
К воспоминаниям зовет
Старая песня меня.

Только... вот и не знаю,
как мне быть:
Что же мне надо вспомнить,
а что — забыть?
Нет воспоминаний у меня:
Я помню радость утром дня
И грусть на склоне дня.
Белые ключья пены у черных скал
Реют... Но это не то, что я искала;
Память не удержала часов и дней,
Что стоило помнить ей.
Ночь, возьми их назад.
Только и дышит
струн протяжный звон
Памятью незапамятных времен.
Только о бывших и о не бывших днях
Волны впотьмах шумят.

Звезда

Летний вечер тихо настает.
Вережат кузнечики в тиши.
Соловей за роцкою поет.
При луне чернеют камыши.
И, бросая тени в глубину,
Закрывают облака луну.
И моя вечерняя звезда
В облаках сверкает иногда.
Я люблю вечернюю звезду!
Я ее всегда так долго жду!
Я к закату солнце тороплю —
До того я звездочку люблю!
Пусть она бледна и далека,
Пусть ее скрывают облака,
Пусть ее совсем не вижу я,
Все равно та звездочка — моя!

Какое же счастье дарят дороги Сибири! Как, впрочем, и дороги целины, Севера, деревянные проселки «глубинки». Невест в какой час — рассветный ли, за полночь — вынесет тебя к какому-нибудь дому, и хозяева не посмотрят косо, не будут расспрашивать, кто ты и откуда, а встретят доверием и чашкой чая. Я узнала, что Тамара вместе с мужем окончила Иркутский геологоразведочный техникум. В Наминге уже несколько лет. Она экономист. Алексей — мастер шотландии. Заманили сюда и стариков родителей.

В последние годы Наминга выросла, вытянулась по ущелью. Кажется, совсем недавно жили здесь чуть больше ста человек, а сейчас одних детей около двухсот. Даже школу-восьмилетку открыли.

На таких вот территориях пионерного освоения нередки дома, в которых, несмотря на прибранность, властвует ощущение временности жилья. Панкевичи, наоборот, укореняются основательно. Такие люди составляют золотой запас во всяком новом и надолго рассчитанном деле. Они не уезжают до тех пор, пока не отпадет надобность в их знаниях и работе. А она не отпадет и на веку Панкевичей и на веку их детей.

Сегодня главный объем исследования ложится на наминганское плечо. С приближением рельсов БАМа резко возрастает масштаб геологоразведочных работ. Давно завершён поиск открытых месторождений. Определены их запасы. Сейчас последний этап — разведка глубоких горизонтов и флангов Удоканского месторождения.

На много километров тянутся подземные коридоры. Малахитово блестят заиндевевшие стены. Температура здесь даже в летнюю пору не поднимается выше минус семи. Но день и ночь идет работа. Удары пульса этой работы слышны далеко окрест. Взрыв — и содрогается каменное нутро скалы, а штольня удлинится на очередные полметра.

Мы прятались в закутках и отсеках, а газ и пыль, стелющиеся по рельсам, настигали нас. Каково было тем, кто работал в эпицентре этого рукотворного землетрясения!

Другой ударный участок — буриль-

ный отсек. Рабочие в графите и солянке, как в гриме. Блестят только зубы и белки глаз. Скрежещут ворота, стучит и лязгает металл. Сотни и сотни метров тверди нужно пробурить, а потом поднять на поверхность керн — цилиндрические колонки пробной породы. Пробы будут отданы геологам, и потом в лабораториях с помощью точной оптики можно будет разглядеть, чем еще удивит Удокан.

Он уже удивил обширностью своих запасов. Это не месторождение, а целый рудный район. Он удивил тем, что местами медь будет добываться в открытых карьерах, более дешевым способом. Он продолжает удивлять богатством содержанием меди в руде.

А каковы перспективы? Куда ведет героиня первых троп? Здесь будет возведен город Удокан со стотысячным населением. Будет построен горно-обогатительный комбинат. В основу проектов ученые заложили множество жестких требований. И прежде всего экологические. Не случайно уже сегодня ведется речь о создании технологий, исключающих саму возможность загрязнения воздуха. Безвзрывной метод добычи руды в карьерах. Конвейеры, вибротехника, электрическая сепарация руд — она позволит обойтись без воды, без реагентов, а следовательно, и без ядовитой грязи промышленных стоков. Здесь, в индустриальном Удокане, недопустимы теплоэлектроцентрали и котельные. Только электроснабжение.

Пока что мы свидетели лишь самого первого этапа создания Удоканского промышленного узла. Периода, которым, выражаясь языком специалистов, завершится глубокое научное овладение территорией. Ввод в действие этой крупнейшей сырьевой базы страны отодвигается на рубеж столетия. Понятие «будущий город» должно стать синонимом понятия «город будущего». Потомкам, жителям века XXI, мы должны оставить наследство, которое позволит им думать о нас с благодарностью. Позволят, как и нам, писать о красоте своей земли...

Но вернемся в сегодняшний день — в Намингу. И от штольни, мимо горного озера, минуя дорогу, пешеходной тропой поднимаемся круто вверх. Я веду вас к небольшому, на два крыльца, деревянному дому, удобно бросившему

якорь в распадке. Это снеговальная станция.

В доме две семьи: Тамара и Алексей Андрук, Эмма Вайс и Сергей Гун. Два метеоролога и два лавинщика. Подошел «срок», и вместе с Тамарой по ступенькам, вырубленным в снегу, мы лезем вверх на метеоплощадку. Скользящий «трап» уходит из-под ног. Мороз умерен, но ветер на вершине пронизывает насквозь. Тамара или Эмма в свое дежурство поднимаются сюда через каждые три часа. Жарко ли, холодно, ночь ли, день, вставай, иди. Минута в минуту необходимо выйти на связь и передать в эфир только что снятую с приборов сводку.

Главные рабочие точки лавинщиков привязаны к нескольким вершинам. В снегу пробиты шурфы, из которых раз в пять дней берутся пробы снегов. Снежный покров состоит из многих слоев, к концу зимы их набирается около двадцати. Пробы берут из каждого слоя, фотографируют, печатают их увеличенные «портреты». Каждый по-своему неповторим: среди мириад снежинок нет близнецов. «Портретов» таких сотни. По ним тщательно исследуется структура снега.

Лавинщики прослеживают, как белая звездочка превращается в зерно, потом ограняется, как образует глубинную изморозь. Как при определенном количестве осадков, температурах, направлении и скорости ветров звездочка эта, уже в легионах себе подобных — белой опасностью, лавиной, — помчит вниз, сметая все на своем пути. Не случайно во всем мире лавины называют «белой смертью».

Однако регистрация снеговых ситуаций — это как бы попутная работа. Главная же задача обитателей дома в горах — оперативная. Предупредить о лавинной опасности. Успеть уследить за «настроением» лавин. Прежде чем они двинут на единственную проезжую дорогу, в район штолен, на электростанцию, гаражи. С лавинами идет война. И не в переносном — в буквальном смысле. Объявляются «осадное положение», строгий «комендантский час», и лавина уничтожается, снежной пылью оседая на склонах...

Очень часто вспоминаю я деревянный дом в снегах, где все так надежно: дело, товарищество, любовь. Здесь стоит немислимая для городского

жителя тишина. Слышно даже, как подрагивают стрелки приборов. Откуда-то — из космоса?! — пробивается писк морзянки. Настольная лампа освещает тетрадь метеонаблюдений, которая заполняется круглые сутки. Свет горит всю ночь.

...Я возвращаюсь из Наминги в Чару. Едем уже шестой час, но какая редкость — огонек человеческого жилья! Вспоминается статистика: территория района равна по площади Новгородской области, а население — один человек на десять квадратных километров.

И снова подъем за подъемом штурмует мотор. Под колесами то ярко-голубые накаты льда, то невесты откуда взявшаяся в ноябрьскую стынь жижа. То едем, подпираемые с обеих сторон стенами скал. То вдруг зависаем над пропастью. Уже в темноте миновали мы Скользящий перевал. Оставили горстку огня при спуске с хребта — пока что крошечный поселок Удокан. Куда ярче светится Новая Чара. Совсем скоро, в осень 1984 года, она станет станцией. Здесь соединятся два крыла — Восточный и Западный участки магистрали. Какой взлет ждет этот край с приходом БАМа! Но площадку для старта будет отлита не только из меди. В сплав войдет железо Судумата и Чины. Сауканский алюминий и калий, никель. Не сварить этот сплав без высококалорийного кокса Апсата и энергетических углей Читканды. Трудно представить, что все это богатство умещается в рамки одного прозаического понятия — административный район.

Побежали вдоль дороги чистенькие, стройные лиственницы. Замелькал хиловатый кустарник. И вот уже совсем тоскливо, ни дерева, ни куста — бо-дота, топи. По счастью, в них не утонешь: недалеко мерзлота.

Скоро райцентр. Но сначала будет виден Кодар. Изрезанные, изломанные кручи диковато поблескивают в лунном свете. Сейчас он еще таинственной, этот хаос камня. Неземной, инопланетный облик. Это здесь над гребнями скал возносится пик 3073 метра — высшая точка Забайкалья. Много ему давалось имен, а осталась лишь «кличка» — Трехтысячник. А было между тем среди названий и имя БАМ, которым нарекли еще в довоен-

**ФЛОРА НАЛЕДНЫХ ПОЛЯН.
ЦЕННЫЙ ГЕРБАРИЙ ПРИВЕЗУТ
С ПРАКТИКИ СТУДЕНТКИ-ГЕОГРАФЫ
ЧИТИНСКОГО ПЕДИНСТИТУТА.**

ную пору, когда велись здесь самые первые изыскания трассы железной дороги от Байкала к Амуру.

Много тайн скрывали от человека гранитные и диабазовые ущелья Кодара. Одну из них еще в прошлом веке раскрыл член Русского географического общества... французский ученый и путешественник Жозеф Мартен, страстно влюбленный в Россию. В его путевых заметках специалисты натолкнулись на интересную запись, сделанную во время одного из переходов по Кодару: «Перевал был весьма труден из-за трещин ледников». Говорят, академик В. А. Обручев, крупнейший знаток Сибири, отметил эту строчку скептическим вопросом. Кто поверит в ледники, когда зимы здесь так мало-снежны и осадки так мизерны?!

Только в пятидесятые годы вопрос Обручева получил точный ответ. Оказалось, что осадков в горах выпадает в три раза больше, чем в лежащих совсем рядом котловинах. Что жесткие

ВЫСОТЫ КОДАРА.

складки Кодара скрывают обширный ледниковый район. Единственный во всем Забайкалье хребет со следами современного оледенения.

Не обделен географическими курьезами и Удокан. В нем выявили новый, самый большой в Становом нагорье район вулканов. Совсем юных в геологическом масштабе времени.

У подножия Кодара безмолвствует тайга. Хвойные леса, болота. Наледи, зелено-голубые, как застывший обло-

ЛЕТНЯЯ РАДОСТЬ.

**ГРАНИЦЫ ЗАЛЕГАНИЯ РУД
УТОЧНЯЮТСЯ С ПОМОЩЬЮ
СПЕЦИАЛЬНО
ПРОКЛАДЫВАЕМЫХ ШТОЛЕН.**

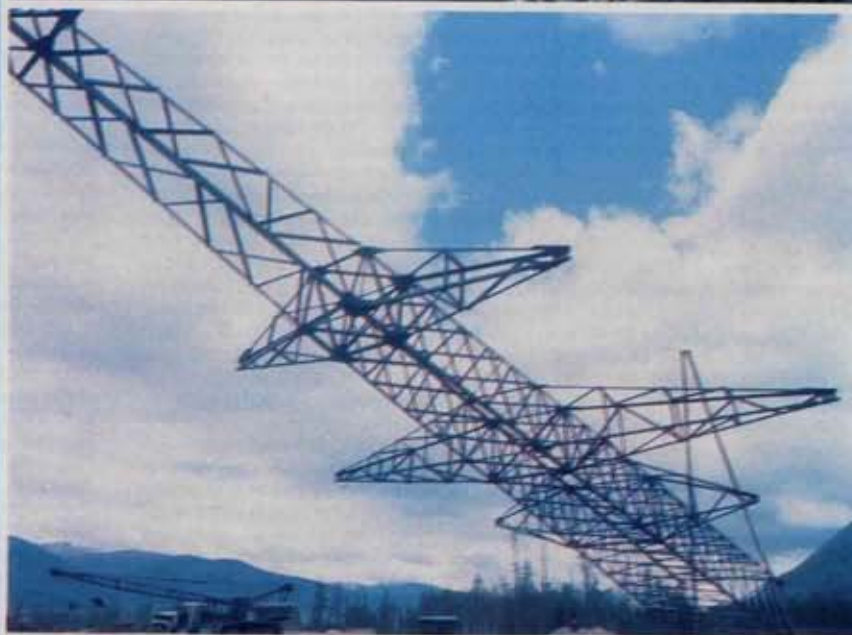
КОНТУРЫ БУДУЩЕЙ ЛЭП.

лупится страусенок. Здесь нет страусов. А если положить куриное яйцо, оно замерзнет. Забайкальская сахара покинется на вечной мерзлоте.

Теплый песок и не тающая даже летом наледь. Тайга и пустыня. Олень и саранча. Брусника и польнь. Здесь все не так, как должно быть. Но этим и завораживают, чаруют чары этой земли.

Возможно, именно здесь, на тропах Северного Забайкалья, революционер Петр Кропоткин и его спутники вверяли свое понимание нравственности. Кропоткин видел ее в самопожертвовании, чувстве взаимопомощи, воспитанном в нас природой.

Природа как воспитатель нравственности. Нам, живущим в веке XX, можно ли пренебречь этой мыслью?..

**ЭТОЙ ШКОЛЬНИЦЕ-ЭВЕНКИЙКЕ
ЖИТЬ В НОВОЙ ЧАРЕ.**

**ВОТ ОНИ, МНОГОМЕТРОВЫЕ
УГОЛЬНЫЕ ПЛАСТЫ
АПСАТСКОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ,
ОДНОГО ИЗ КРУПНЕЙШИХ
В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.**

мок моря. На этих твердых волнах олени спасаются от гнуса. Типичный Север. Но рядом движутся барханы, громоздятся гряды рыжевато-белых дюн высотой в многоэтажный дом — пустыня... Ветер собирает в жгуты золотой песок и выстреливает его смерчами. Пекло. Говорят, если в песок пустыни положить страусиное яйцо, вы-

ПОСЛЕДНИЙ ДОВОД

Леонид МЛЕЧИН

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Джози после того как ей пришлось уйти из манекенщиц—в рекламной фирме сочли, что в тридцать лет она выглядит недостаточно соблазнительно,—стала любовницей одного калифорнийского миллионера, который, переехав в Вашингтон, снял для нее квартиру на Массачусетс-авеню. Миллионер в прошлом году умер. Джози перешла в качестве наследства к его приятелям. Разозлившись на одного из новых любовников, она установила в спальне скрытую камеру.

Джози с презрением смотрела на веселившегося Уинтерса. Он поймал ее взгляд и недоуменно спросил:

— В чем дело?

— Ты дурак или притворяешься?—прошипела Джози.— Думаешь, я тебя пригласила на голых мужиков любоваться?

Резким движением она выключила магнитофон. — Это же огромные деньги. Они,—Джози кивнула в сторону потухшего экрана,—выложат любую сумму, только бы эти пленки не попали в чужие руки. Для них это конец. Политическая смерть.

Уинтерс взял со столика сигареты. По старой привычке он старался курить поменьше, хотя его карьера профессионального игрока в бейсбол давно кончилась. Джози—баба не промах, это он всегда понимал, но сейчас она придумала дельце, которое при удачном исходе могло бы принести им кругленькую сумму. Только бы все правильно расчитать.

Уинтерс лежал на кровати, курил и размышлял. Опасная это штука—наступать на мозоли сильным мира сего. У него два привода в полицию—за мелкую кражу и угон автомобиля. Обе эти истории произошли, когда он еще был довольно известным бейсболистом, и в полицию пошли навстречу его влиятельным заступникам. Зато теперь вкатят на полную катушку, отмотают сразу несколько лет.

С другой стороны, он оказался совсем на мели. А привычка к широкой жизни требовала немалых средств. Он приподнялся на локте, чтобы бросить окурки, и в зеркале на противоположной стене отразилась бледная физиономия с набрякшими от неумеренного употребления алкоголя мешками под глазами и аккуратно подстриженными усами. Усы он то сбрасывал, то вновь отращивал—судя по настроению.

Когда Джози принесет ему пленки, он сделает первый звонок сенатору. Тому придется раскошелиться как следует, ведь он фигурирует почти во всех кадрах. В полицию сенатор не рискнет обращаться: себе дороже. Предпочтет выложить денежки. Эта приятная перспектива порадовала Уинтерса, и он, уже не отвлекаясь, стал смотреть фильм.

Советник президента Генри Дуглас мог поклясться, что никогда не видел Артура Плиммера в таком состоянии. Сенатор был не в себе. Теперь только Дуглас поверил, что произошло нечто из ряда вон выходящее.

Когда час назад секретарша соединила его с Плиммером и он услышал паническую просьбу о помощи, Дуглас ужасно разозлился. Его стол был завален срочными бумагами, а сенатор требовал, чтобы он, бросив все дела, немедленно приехал к нему. Несколько минут назад от Дугласа ушли руководители только что созданной «группы стратегической пропаганды». Перед ними поставили задачу попытаться привлечь на сторону президента те группы избирателей, которые заведомо выступают против политики нынешней администрации. Особых шансов тут, правда, не было.

Президент в предстоящей избирательной кампании уже не мог рассчитывать на преимущественное со стороны, выступающего против непопулярного предшественника, как это было в прошлый раз. Теперь ему самому придется занять оборонительную позицию и защищаться от нападков соперников.

Дуглас понимал, что мало кто из избирателей латиноамериканского происхождения станет голосовать за президента: ведь за время его пребывания у власти их положение изменилось только к худшему. Тем не менее было решено посвятить месяц-два активной обработке этих избирателей. Президенту придется несколько раз слетать в Техас и Флориду и выступить там.

Аппарат президента питал мало надежд и в отношении женщин и негров—с точки зрения социальной активности их традиционно выделяли в особые группы. И те и другие резко отрицательно относились к президенту и наверняка будут голосовать против него. Переубедить женщин вряд ли удастся, а уж негры и вовсе «безнадежны», откровенно сказал Дугласу руководитель «группы стратегической пропаганды». За четыре года президент и пальцем не пошевелил, чтобы помочь женщинам добиться равноправия. Расовая дискриминация в годы его правления только усилилась. «Президенту не повредило бы,—продолжал руководитель группы,—если бы он пообещал сократить военные расходы и договориться с русскими об ограничении вооружений». Дуглас промолчал, хотя в душе понимал, что тот прав.

Перед этим он смотрели рекламный фильм, который должен был на следующей неделе демонстрироваться по телевидению. Лента расписывала достижения президента. В заключение диктор трагическим тоном произносил: «Если вы не поможете переизбранному президенту, то кто это сделает?» Представители созданной специально для проведения избирательной кампании ультраконсервативной организации «Граждане за спасение Америки», которая собрала уже полтора миллиона долларов, показали Дугласу рекламные наклейки на автомобиле с фотографией нынешнего президента, образцы петиций и писем в поддержку хозяина Белого дома. Сборщики пожертвований трудились в поте лица. Каждый день тысячи американцев вынимали из почтовых ящиков очередное послание какой-нибудь политической организации, предлагающей спасти страну от негодяев и для этого немедленно прислать чек. «Граждане за спасение Америки», используя заложенные в память компьютеров списки активных сторонников правящей партии, рассчитывали собрать еще по меньшей мере шестнадцать миллионов долларов для ведения кампании в пользу нынешнего хозяина Белого дома.

Методичный, скрупулезно изучающий каждую бумагу Дуглас старался держать под контролем всю эту работу. И он и другие высокопоставленные сотрудники Белого дома были довольны избирательной машиной, рассчитанной на использование колоссальных возможностей, вытекающих из того обстоятельства, что их кандидат является президентом Соединенных Штатов. Поэтому Дуглас раздражался, когда продуманную программу дня нарушало что-то незапланированное, и едва удержался, чтобы не послать сенатора Плиммера ко всем чертям.

Плиммер был один в своей огромной квартире, которую обставил на 143 тысячи долларов, получаемых от конгресса на расходы, связанные с выполнением его долга перед американским народом. Сенатор много выпил, это было заметно по лихорадочно бегающим глазам, нервным движениям рук, побарывшему лицу. Увидев входящего Дугласа, Плиммер картинно взмахнул руками и зарыдал.

— Все пропало, Генри, все пропало. Я конченный человек.

Дуглас не выносил слабых характеров. Он повесил плащ и двинулся навстречу Плиммеру.

— Так что случилось, Артур?

Плиммеру понадобилось полчаса, чтобы, опустив детали, рассказать все Дугласу. Генри свой человек, считал сенатор, и в силу определенных обстоятельств не пожалел усилий, чтобы вытащить его из беды.

Слушая Плиммера, Генри Дуглас не переставал двигаться. О нравах на Капитолийском холме он был изрядно наслышан. Дугласу и другим руководителям администрации не раз приходилось через министер-

ство юстиции придерживать агентов ФБР, когда те начинали расследование аморальных поступков видных законодателей, поддерживающих президента. Совсем недавно нескольких членов конгресса обвинили в растлении подростков, служивших рассыльными в аппарате палаты представителей. Конгрессмен Фредерик Ричмонд заставлял своих сотрудников покупать для него кокаин и марихуану и устроил на работу в Капитолий беглого преступника. Немало конгрессменов и сенаторов уклонялось от уплаты налогов, другие увлекались чтением высокооплачиваемых лекций: за несколько слов, произнесенных перед группой бизнесменов, они получали по две-три тысячи долларов. Даже самый неискушенный человек понимал—это обычная взятка, плата за прошлые или будущие услуги.

Самым непримиримым критиком подобных нарушений был сенатор Артур Плиммер. Он не упускал случая, чтобы посетовать на «безнравственность» своих коллег. «Вся сила закона подобно молоту должна обрушиться на конгрессменов, употребляющих наркотики,—вещал Плиммер хорошо поставленным голосом.—Они подтверждают коммунистические теории насчет того, что мы загниваем. И нам совсем не нужны на Капитолийском холме конгрессмены-наркоманы, пополняющие кассу организованной преступности».

Дуглас не стал читать Плиммеру бессмысленные нотации. Он был человеком дела. Обращаться в полицию нельзя—огласка неизбежна. ФБР? От этой мысли тоже пришлось отказаться, там у Дугласа не было своих людей. Своим был начальник секретной службы—личной охраны президента, обязанный Дугласу назначением на этот пост.

Начальник секретной службы побоялся доверить столь щекотливую материю телефону и на собственной машине, без шофера, приехал к Плиммеру. Просьба Генри Дугласа была для него равносильна приказу.

Вечером Дуглас и начальник секретной службы вновь встретились в квартире сенатора Плиммера. Известный всей стране законодатель начисто лишился высокомерия и надменности—качества, которыми сенатор старался утвердить свое превосходство над окружающими. Сейчас это был просто пожилой человек с испуганными глазами и дрожащими руками. Его взгляд заискивающе перебегал с Дугласа на начальника секретной службы. От этих людей зависела его положение в Вашингтоне, его карьера, благополучие.

Начальник секретной службы, гордившийся своей идеальной фигурой и новой должностью, успокоил Дугласа:

— Все в порядке. За дело взялись мои друзья из управления по борьбе с наркотиками. В мотель, где Уинтерс снял номер, поедут три агента управления—надежные ребята. Любовница Уинтерса некая Джозефина (Плиммер даже глазом не моргнул) у них давно на заметке—подторговывает кокаином. Ребята хорошо проинструктированы: вне зависимости от того, найдут ли они наркотики, Уинтерса задержат, а видеокассеты доставят прямо начальству.

— Это не годится.—забеспокоился Дуглас.—Потом же их придется отдавать. Если наркотики у Уинтерса не найдут, его сразу отпустят.

— Об этом я уже позаботился,—успокоил помощника президента начальник секретной службы.—Мой человек в управлении заменит видеокассеты. Уинтерсу вернут пленки вполне невинного содержания.

— Он заметит подмену.

— Заметит. Но скандалить не решится. Ведь он даже не сможет рассказать полиции, что именно было заснято на его пленках. Будьте покойны. У меня нет никаких сомнений—через два часа я доложу вам о завершении этого дела.

Со дня на день президент должен был одобрить кандидатуру Артура Плиммера на пост председателя своего избирательного комитета. От человека, занимающего эту должность, зависит многое, и Дуглас не мог допустить, чтобы Плиммер так не вовремя выбыл из игры.

На столе Дугласа вторую неделю пылились два

Рисунок
Виталия ФЕДОРОВА

письма, которые должен был подписать президент. Но Дуглас медлил: два-три раза в день заходя в Овальный кабинет, о письмах не упоминал.

Первое письмо было адресовано председателю федеральной комиссии по выборам:

«Меня информировали, что в федеральной комиссии зарегистрирован санкционированный мною и расположенный по адресу Вашингтон, 20001, Первая улица, 440, политический комитет по проведению предвыборной кампании за выдвижение моей кандидатуры в качестве официального кандидата на пост президента Соединенных Штатов. Поскольку деятельность этого комитета окажет мне огромную помощь в период, когда я буду добиваться переизбрания на пост президента на второй срок, я настоящим письмом официально поручаю этому комитету быть моим главным комитетом по проведению предвыборной кампании с тем, чтобы позволить лицам, поддерживающим мою кандидатуру, выразить свою поддержку в той форме, которая полностью соответствует федеральным законам о выборах.

Вся корреспонденция, направляемая мне по этому вопросу, должна передаваться на мое рассмотрение по адресу комитета, указанному выше.

Настоящее заявление сделано в соответствии с № 101.1 (а) 11 федерального кодекса положений о выборах по форме 2 федеральной комиссии по выборам.

Настоящим удостоверяю, что ознакомился с вышеозначенным и что, насколько я знаю и как полагаю, все вышесказанное — полная правда и доподлинно верно.

Искренне Ваш,

Вашингтон, 20463

К-стрит, 1325

Председателю федеральной комиссии по выборам...

Копия: заместителю председателя федеральной комиссии по выборам...»

Второе письмо было адресовано сенатору Артуру Плиммеру:

«Дорогой Артур!

Я пишу это письмо в связи с Вашим решением стать председателем комитета. Деятельность Вашего комитета будет мне чрезвычайно полезна в период, когда

я буду добиваться переизбрания на пост президента на второй срок.

Я констатирую, что с учетом формальных требований федеральных законов о выборах (в том числе требования о назначении основного комитета по проведению предвыборной кампании) Ваш комитет должен зарегистрироваться в федеральной комиссии по выборам в качестве комитета, который будет добиваться моего переизбрания. Настоящее письмо свидетельствует о моем согласии на то, чтобы Вы учредили данный комитет.

Искренне Ваш,

Вашингтон, 20510...

здание сената США

Артуру Плиммеру».

Дуглас многого не знал о сенаторе Плиммере, который был верным сторонником президента.

Артур Плиммер был своим человеком среди владельцев лас-вегасских казино, которые неизменно вносили самые крупные суммы в его избирательный фонд, когда он баллотировался в губернаторы штата Невада, а затем в сенат. Перед тем, как окончательно переехать в Вашингтон, Плиммер вместе с братом построили отель-казино.

Азартные игры в последние годы превратились в выгоднейший бизнес в Америке. Одно только букмекерство приносило в год 60—75 миллиардов долларов, немногим меньше, чем торговля наркотиками. Зато в отличие от торговцев наркотиками заправили бизнеса на азартных играх могли меньше бояться тюремной скамьи. Нелегальное букмекерство пользовалось мощной поддержкой купленной полиции и местных политиков. Владельцы тотализаторов, казино, устроители лотерей всегда имели в друзьях нескольких конгрессменов и сенаторов в законодательных собраниях штатов.

Получая деньги от владельцев казино, сенатор Плиммер особенно не рисковал, зная, что общественное мнение снисходительно относится к азартным играм. А всякую связь владельцев казино с мафией Плиммер решительно отрицал. В штате Невада он провел через конгресс закон, легализовавший практически все виды азартных игр, а затем заявил газетам, что налоги на казино и тотализаторы дают больше половины доходов в бюджет штата.

За эту сторону своей жизни он не беспокоился. Но вот видеопленки, снятые в квартире Джози, сломают его карьеру. Средний американец по натуре ханжа, все, что происходит за закрытыми дверями и плотно задернутыми шторами, его не касается. Но уж если что-то грязное белье вытаскано на свет божий, то пощады не будет.

Джози не только передала Уинтерсу сами пленки, но и привезла из дома видеомагнитофон, который они немедленно подключили к стоявшему в номере телевизору. Джози посидела минут пятнадцать и ушла. Уинтерс остался один. Он еще раз внимательно просмотрел пленки, смакуя наиболее откровенные сцены. Его немного удивило, что все присутствовавшие на вечеринке у Джози употребляли кокаин, хотя, с другой стороны, именно кокаин стал всеамериканским наркотиком.

Кокаин уже не считался тайным грехом элиты, экзотической и скандальной блажью голливудских снобов, как это было еще не так давно, — вызывающее мотовство, порошок счастья, вдыхаемый через свернутые трубочкой сто долларовые купюры. Кокаин, убеждался Уинтерс, ныне эмблема благополучия и высокого общественного положения.

До 1906 года кокаин свободно продавался в Соединенных Штатах. Он содержался и в кока-коле, но в том же году компании в соответствии с решением федерального правительства пришлось исключить наркотик из хранящегося в тайне состава этого напитка.

Бросив бейсбол, Уинтерс несколько месяцев употреблял кокаин. Вскоре он убедился, что зифорический взлет, чувство уверенности и приподнятости, наступающие после нескольких коротких затажек, быстро переходят в подавленность. Регулярное применение наркотика вызывало у него депрессию, раздражительность. Но больше всего он испугался, когда обнаружил, что привыкает к кокаину. Он признался Джози:

— Мне говорили, что к кокаину не привыкают. И мне было хорошо. После дозы я чувствую себя другим человеком. Но первое, что хочется этому новому человеку, — принять еще одну дозу.

Когда Уинтерс поехал в штат Колорадо отдохнуть в горах, он познакомился с большой компанией весьма состоятельных людей, не делавших секрета из употребления кокаина. Курорт Аспен и вовсе был изве-

ЗДЕСЬ, НА ВЫСОТЕ
В НЕСКОЛЬКО ТЫСЯЧ МЕТРОВ,
ПРОВОЖАЮЩИХ УЖЕ НЕТ.
ЛИШЬ АЛЬПИНИСТ.
ЗАСЛУЖЕННЫЙ МАСТЕР СПОРТА
ИОСИФ КАХИАНИ
(ВТОРОЙ СПРАВА),
ОСТАЛСЯ С ГРУППОЙ.

У каждого спортивного рекорда своя история. Но каждый рекорд—это своеобразный подвиг спортсмена, переступившего грань привычного и возможного, передвинувшего предел силы и воли человека до нового, иногда поразительного рубежа...

Большинство рекордов фиксируется вполне определенно—метрами, секундами, очками. Но есть спортивные достижения, несравнимые друг с другом и представляющие, помимо спортивного, еще и практический, научный интерес. Именно к таким достижениям можно отнести лыжный поход к Северному полюсу экспедиции «Комсомольской правды», полярную экспедицию «Советской России», дерзкие плавания в океанах научной группы Тура Хейердала, бросок через антарктический материк на мотонартах. В этом своеобразном ряду особое место занимают рекорды советских мотоальпинистов, о которых и пойдет рассказ...

Спорт в нашей жизни

МОТООЦИКЛ

НАШ ФЛАГ БУДЕТ НА ВЕРШИНЕ!

Фото
участника восхождений
Александра КАРЯКИНА

Ветер свистит на одной пронзительной властной ноте, не делая пауз, не меняя тона. Выматывающий душу свист. Наверно, только так, резко и тревожно, может звучать воздух на высоте четыре тысячи метров над уровнем моря, в царстве ледяной горной тишины...

Мутноватая пелена облаков наметилась в холодной ясности дня, но пока ничто не мешает видеть четкую, словно на гляцевой картинке, цепочку вершин Главного Кавказского хребта — строгих великанов, возвысивших в голубизну свои граненые ледяные шапки. Географию бы изучать по этой гигантской горной азбуке! Уллу-тау-чан, Джан Туган, Шхельда, Ушба, Донгуз-Орун... Закрой глаза, вслушайся в эти странные имена, и пахнет вдруг музыкой ветра и камня, гулким, как эхо, говором древних горцев... А Эльбрус — вот он, совсем рядом, всего в нескольких километрах, если шагать по тропе, протоптанной от верхней станции фуникулера к Приюту одиннадцати — основной базе эльбруских альпинистов.

Не раз по тропе, где я теперь стою, спускали альпинистов — неудачников

корпуса в центре Нальчика, столицы Кабардино-Балкарской АССР. Этот коренастый, гибкий и быстрый в движениях человек, как и подобает жителю гор, полон молодости и здоровья, хотя за его плечами почти пятьдесят лет жизни, и голова бела, словно снежная шапка Эльбруса. Берберашвили не только покорил эту вершину на мотоцикле, но и надолго связал с ней свою судьбу, мотоальпинизм стал для него полем смелых научных экспериментов с высокогорной техникой.

Его отец был автоинженером, одним из первых советских испытателей высокогорной техники. Еще мальчишкой, путешествуя с отцом в машине по горам, Алексей узнал трудную крутизну кавказских дорог, гололед и камнепады, лавины и внезапные удушья, когда от недостатка кислорода темнеет в глазах и безнадежно глохнут моторы. Именно тогда он впервые понял: техника в горах исправно служит только тем, у кого умелые руки и смелое сердце.

А к мотоспорту его приобщил старший брат. Вместе они выступали на всесоюзных чемпионатах, получили звания мастеров спорта, Алексей стал чемпионом России, призером чемпионата СССР и участником международных автототалли. Его увлечение техникой вскоре получило своеобразное выражение: он выступал на мотоцикле в цирке, потом взялся за конструирование портативных мотоциклов, один из которых даже получил приз на международной выставке в Нью-Йорке.

Придя работать в высокогорный институт, Берберашвили впервые поднял

ев, радист Иван Суима. Хроника этого штурма полна драматизма и риска. В полном тумане Берберашвили начал подъем на снежный купол. Облака мешали видеть трещины, но помогли в другом: не позволяли ощутить адскую крутизну склона. Мысль, только бы не захлебнулся двигатель, не оставляла его. В самые трудные моменты выручали товарищи. Но на вершину он влетел на полной скорости. Эльбрус взят! Высота 5683 метра! Здесь Алексей и оставил горячий мотоцикл — молчаливый стальной документ, подтверждающий покорение...

— На мотоцикле к вершинам больше не хожу. Годы не те. В мотоальпинизм пришли молодые, сильные парни. Теперь слово за ними... — так закончил он свой рассказ.

Да, штурм горных гигантов теперь продолжают другие — новое поколение мотоальпинистов. Совсем недавно рекорд высоты установил испанец Марио Ладо, достиг 6800 метров. Но, чтобы подняться еще выше, нужна принципиально новая техника, отличная от машин первопроходцев, исправно действующая в сильно разреженном воздухе, одолевающая любые кручи. Конструкторы сейчас работают над созданием таких моделей.

Впрочем, первые образцы таких мотовездеходов уже действуют. И вот что удивительно: родились они не где-то в других странах, не в заводских цехах, а в маленькой домашней мастерской одного из поселков у подножия Эльбруса. Построили их молодые изобретатели и спортсмены братья Карякины.

горячих спорах. Они выбрали модель «монотрак», или попросту гусеничный движитель. Не вдаваясь в технические тонкости новой конструкции, расскажем лишь о некоторых общих особенностях нового мотоцикла. За основу была взята машина марки «ЧЗ-250». Двигатель оснастили устройством принудительного охлаждения и наддува цилиндров — против «кислородного голодания». Изменили переднее колесо: сделали более широким, шина со стальными шипами. Вместо заднего колеса установили оригинальную гусенично-колесную «пару»: специальная резинометаллическая лента с шипами получила вращение от двух резиновых роликов, причем при наезде на камень или другое препятствие задняя подвеска совершала особое «перешагивающее» действие — словно луноход... Впервые Карякины применили и «самовытаскиватель». Этот механизм позволял мотоциклу подниматься вверх даже на очень крутых склонах...

Машину Карякины испытывали в горах и на ледниках Баксанского ущелья. Мотоцикл работал надежно. Тогда они и решили готовиться к покорению Эльбруса.

17 августа 1979 года им, наконец, представилась возможность штурмовать вершину. Ночью подморозило, но утром с восходом солнца снежный наст стал быстро слабеть, расплзался. Успех теперь определялся только скоростью движения к вершине. Группа шла стремительно. Но мотоцикл Александра попал в трещину. Пока вытаскивали, ремонтировали, прошел час. Основная группа — один «монотрак» и три кроссовых машины — продолжала подъем. Вскоре безнадежно вышел из строя мотоцикл Кахиани. К тому времени Геннадий Карякин на «монотраке» был уже в седловине. Он ждал братьев, идти в одиночку к вершине, изменить план восхождения не решился. Когда подъехали остальные, наст уже не держал машины — они проваливались по баки, вокруг колес кипела снежная каша. Рекорд все же состоялся: групповое покорение высоты 5300 метров! Но подниматься выше на мотоциклах было невозможно. Возвращались они нерадостные: восхождение на купол вновь откладывалось...

И снова подготовка. За зиму Карякины построили второй «монотрак», в конструкции которого воплотились их новые, интересные задумки. Этой машине не страшны были даже рыхлый снег. Восхождение на Эльбрус они повторили летом восьмидесятого. Шли на двух мотовездеходах. Еще никогда и никто не поднимался так стремительно по снежной шапке Эльбруса. Лишь нелепая случайность помешала им и на этот раз въехать на вершину — попали в зону камнепада, пришлось спускаться.

...Мы стоим на снежной трассе, рядом со станцией канатной дороги. Горизонт заслоняет цепь причудливых белых великанов — Главного Кавказского хребта. А рядом, всего в нескольких километрах от нас, сияет снежный купол Эльбруса.

— Готовимся к решающему броску на вершину, — говорит Саша Карякин, — теперь у каждого из нас будет свой «монотрак». Машины эти надежней, выносливей первых образцов. Конечно, покорив Эльбрус, будем штурмовать другие вершины. Но это не главная цель. Хотим создать мотоцикл, способный помогать человеку на любой горной высоте. Технические проблем много — все приходится делать своими руками, отдавая часы досуга и отдыха. Детали и материалы покупаем складчину. А шефов, к сожалению, у нашего детища пока нет. Словом, трудно. Но никто из нас не отступил от мечты, не разочаровался. Это и понятно: нужная машина!..

Да, новая машина нужна геологам и горноспасателям, чабанам и топографам. И еще она нужна как пример самоотверженного поиска и смелого риска, преданности мечте и стремления людей к большой цели.

В ОБЛАКАХ

восхождения. Кого-то подвел ледоруб. Кто-то пошел без страховки и оступился. Гора не простила ошибку. Но негасима в людях тяга к покорению вершин. Потому что человек, штурмуя горы, прежде всего штурмует самого себя. И ничто так не укрепляет волю, как смелый и благородный риск, ибо в нем скрыта вечно манящая тайна: кто сильнее — стихия или человек?..

...Об этом событии писали газеты всего мира. Советский спортсмен и инженер Алексей Берберашвили покорил на мотоцикле Эльбрус! Сообщение получило шумный, но и противоречивый отклик. По существу, родился и впервые громко заявил о себе новый вид спорта — мотоальпинизм.

По следу Берберашвили пошли люди. Мотоальпинизм получил широкое распространение у нас в стране и за рубежом. Американцы штурмовали Кордильеры. Англичанам и мотоциклисту из Найроби удалось прорваться к снежной шапке Килиманджаро. Японские спортсмены въехали на Фудзияму. Итальянцы покорили прибрежные Альпы. Испанцы осмелились начать восхождение на мотоциклах к третьему полюсу планеты — Эвересту и достигли высоты пять тысяч метров. Наконец, советский мотогонщик Ц. Гиоев взлетел на вторую вершину Кавказа — Казбек.

Мотоальпинизм развивался, несколько не ущемляя прав альпинизма, более того, приобретал все новых союзников из числа ученых, инженеров, хозяйственников, которые успешно применили транспортные средства и опыт мотоальпинистов для освоения труднодоступных высокогорных районов.

...Мы сидим в небольшой уютной комнате, заставленной полками с деловыми бумагами, — рабочем кабинете Алексея Павловича Берберашвили, заместителя директора высокогорного геофизического института, раскинувшего свои

ся на Эльбрус. Поднялся, как обычный турист, — пешком, с рюкзаком на спине. Но по пути он смотрел, прикидывал, рассчитывал: можно ли пройти тем же маршрутом на мотоцикле? Даже не дождавшись окончания этого похода, не дойдя вместе с группой до главной базы альпинистов — Приюта одиннадцати, он принял решение штурмовать Эльбрус. И спустился вниз, возвратился в Нальчик посоветоваться с товарищами по автототалку. Его идею поддержали, помогли подготовить технику к трудному восхождению. Один из самых опытных гонщиков, Анатолий Гугуев, решил сопровождать Алексея на своем мотоцикле.

...Через несколько дней Берберашвили и Гугуев штурмовали эльбруссский склон. В рекордный срок, без остановок поднялись они до Приюта. Была побеждена высота 4200 метров.

После этого, по существу, пробного восхождения он взялся за совершенствование своей машины. К вершине мог пробиться только специальный мотоцикл, оснащенный особыми шинами для езды по льду и двигателем, который мог бы выдержать высотное «кислородное голодание».

Помогли специалисты института ВНИИМОТОПРОМ, прославленный советский гонщик Геннадий Кадыров, друзья из ЦСКА. В 1965 году Берберашвили избирается на мотоцикле до седловины между «рогами» Эльбруса. Есть высота 5300 метров! До главной вершины оставалось всего 330 метров. Но каких метров! Голый обледенелый склон с крутизной до 55 градусов, свистящий ветер, жесточайший мороз. Продолжать путь в одиночку было равносильно самоубийству.

На подготовку ушел год. В августе 1966 года на базе собралась группа, обеспечивающая рекордное восхождение, — инженер обсерватории Александр Гутиев, спасатель Борис Джалу-

Старший, Геннадий, — чемпион Кавказа по мотокроссу, токарь-расточник высшей квалификации, рационализатор, имеющий несколько авторских свидетельств на изобретения. Станислав — ведущий конструктор одного из нальчикских заводов, тоже изобретатель, спортсмен. Александр — кандидат наук, специалист по снежным лавинам, мотоальпинист. Наконец, Владимир — инженер-электронщик, новатор, талантливый спортсмен. В течение нескольких лет Карякины создавали и испытывали свое необыкновенное детище, и, поверьте, не надо быть большим специалистом, чтобы понять: новому мотоциклу доступны многие вершины планеты.

...На Эльбрус мы поднимались на фуникулере. Саша Карякин задумчиво смотрел в окно. Внизу по белоснежному ущелью неслись горнолыжники в ярких костюмах. Склоны гиганта Кавказа вздымались все выше, и Саша вдруг оживился, показал рукой на чуть приметную тропу, петляющую по круче.

— По этой дороге мы и шли на первые восхождения...

Он рассказал, как это было. ...Тогда их уже знала вся республика. Документальный фильм «Преодоление», снятый оператором Анатолием Паниным, был показан по Центральному телевидению, представлял на международный конкурс. Кинокадры рассказывали о труднейшем мотопробеге через восемь (!) кавказских перевалов группы спортсменов, в составе которой были и братья Карякины. В этом пути случалось всякое: победы, падения, аварии, отступления. Неудачи, наверное, и привели братьев к мысли создать мотоцикл принципиально иной, более совершенной «горной» конструкции.

Сколько перечитали книг, журналов, научных статей, сколько чертежей просмотрели! Главная идея родилась в

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

ТОРГОВЛЯ ДЕТЬМИ

В Соединенных Штатах существует множество самых разнообразных агентств, через которые можно купить или продать все или почти все. Есть среди них и так называемые «агентства по делам усыновления». Самое большое и старое из агентств подобного рода — «Эдна Гладни Хоум». Оно находится в городе Форт-Уэрте (штат Техас) и благополучно процветает вот уже 86 лет. В «Эдна Гладни Хоум» обращаются главным образом молодые женщины, порой почти девочки, большинство из бедных семей. Они приходят сюда тайно, под вымышленными именами. Здесь без лишней огласки рожают. 15 процентов всех рождающихся в США детей появляются на свет именно от таких девочек-женщин. Это самый высокий в мире уровень рождения детей от несовершеннолетних.

«Эдна Гладни Хоум» и другие аналогичные заведения — чисто коммерческие предприятия. Все права на ребенка переходят к агентству, которое якобы подыскивает малышу приемных родителей, а фактически просто продает его. Каждый новорожденный приносит доход около 5000 долларов. Ежегодно в Соединенных Штатах через «фабрики детей» проходит не менее 40 000 младенцев.

«ФРАЙЕ ВЕЛЬТ», ГДР

Непотопляемая «Ниагара»

Судно «Ниагара», плававшее под панамским флагом, занималось контрабандой близ итальянского побережья. В один из дней, поняв, что они будут достигнуты катерами береговой охраны, члены экипажа подожгли судно и покинули его. Течение понесло горящую «Ниагара» к французскому берегу, где она доставила много хлопот летчикам. Даже после многократных обстрелов из орудий и бомбардировки изрешеченное судно отказывалось идти ко дну. Подобно «летучему голландцу», оно продолжало носиться по волнам, пока наконец не было выброшено на песчаную отмель у острова Корсика.

«КОРАБОСТРОЕНЕ
И КОРАБОПЛАВАНЕ»,
БОЛГАРИЯ

Они жертвуют собой

Нет, перед вами не группа фантомасов, и им не предстоит участвовать в очередном фильме с цекочущим нервы сюжетом. Такие манекены используются западногерманской автомобильной фирмой «Фольксваген» для испытаний конструкций машин. Каждый манекен оснащен электронной аппаратурой, которая при имитации аварийных ситуаций (когда автомобили сталкиваются с различными препятствиями на разной скорости) фиксирует нагруз-

ки на «тело» манекена, то есть нагрузки, которым подвергся бы человек при подобной катастрофе. Эксперименты бывают и такие, при которых манекенам приходится «жертвовать собой». Иногда их можно реставрировать, а иногда приходится отправлять на слом. Результаты испытаний конструкторы используют для повышения безопасности в новых или модернизируемых моделях автотранспорта.

«ПАРИ-МАТЧ», ФРАНЦИЯ

ЧУДО- РИС

Рис является культурой, обеспечивающей пищевой рацион более половины населения нашей планеты. 90 процентов мирового производства и потребления риса приходится на азиатские страны. Недавно сотрудники Международного института рисоводства, находящегося на Филиппинах, после многолетнего селекционирования вывели новый сорт «Ир-36» на базе 13 различных сортов риса, выращиваемого в Индонезии, Индии, Китае, в Демократической Республике Вьетнам, на Филиппинах и на американском континенте. «Ир-36» был апробирован в самых различных климатических зонах: на заболоченных землях, в засушливых районах, где без интенсивного полива ничего вырастить невозможно, в условиях горной местности, и везде урожай был отменным. Новый сорт риса дает обильные всходы, имеет прочный стебель, невосприимчив к различного рода болезням и менее подвержен нападению вредителей сельскохозяйственных культур, нежели другие сорта. В настоящее время новый сорт культивируется на площади в 11 миллионов гектаров в основном в странах Юго-Восточной Азии, в Индокитае, в южных районах Вьетнама. В экспериментальных целях поля «Ир-36» появились на африканском континенте — в Замбии, Мозамбике и на Мадагаскаре.

«ШТИИНЦЭ ШИ
ТЕХНИКЭ»,
РУМЫНИЯ

РАКЕТЫ ИЛИ МУЗЫКА

Федеральное имушественное ведомство Франкфурта-на-Майне направило местным рок-группам письмо, в котором говорится: «Как известно, занимаемый вами бункер предназначен для использования в системе гражданской обороны. Вскоре возникнет необходимость использовать его по прямому назначению. Поэтому мы должны предупредить вас о расторжении существующего договора». Речь идет о старом бомбоубежище, которое было для многих молодежных музыкальных ансамблей Франкфурта единственным пристанищем, где они могли репетировать, не беспокоя соседей.

Журналисты заинтересовались обстоятельствами, в силу которых расторгнут договор, и получили ответ: «Предстоит ремонт бомбоубежищ. Это никак не связано с довооружением. Ремонт имеет своей целью расширение системы гражданской обороны».

Боннские власти, приняв решение о начале размещения в ФРГ американских ракет Першинг-2, совершенно определенно выразили свою позицию в отношении проблем войны и мира. Расширение сети гражданской обороны — это попытка убедить людей в том, будто бы существует шанс выжить в ядерной войне. Это ложь! А деньги, уходящие на смертоносное оборудование, было бы лучше потратить на нужды молодежи. Пусть в бункерах звучит музыка!

«ЭЛАН», ФРГ

Смертельная пыль

Обследование жителей и животных в городе Ленгерих (земля Северный Рейн — Вестфалия, ФРГ) показало, что в их организме содержится высокотоксичный таллий. Причина — загрязнение окружающей среды местным цементным заводом.

«Если дрозды поклюют в моем саду вишен или смородины, то они после этого будто пьянеют, теряют ориентировку и бьются о стены», — рассказал житель Ленгериха Ганс Рихтер. Он живет в 500 метрах от завода. И даже в двух километрах анализы обнаружили содержание таллия в сотни раз больше допустимой нормы. «Мне не было еще и пятидесяти, когда у меня не осталось ни одного зуба», — говорит Ганс Рихтер. — Нервы никуда не годятся, я забыл, что такое сон».

В Ленгерихе таких людей, как Ганс Рихтер, много. Однако правительство земли Северный Рейн — Вестфалия ничего не делает, чтобы уберечь граждан города. Вернее, почти ничего. Оно все же нашло возможным сообщить населению об опасности употребления в пищу овощей из окрестных огородов. А цементный завод, как и раньше, отравляет и окружающую среду и людей...

«УНЗЕРЕ ЦАЙТ», ФРГ

Велосипед — транспорт № 1?

Многие специалисты считают, что, несмотря на небывалый темп развития науки и техники, именно эта немудреная машина будет основным городским транспортом в следующем столетии. Во-первых, она доступна всем. Во-вторых, не загрязняет окружающей среды. В-третьих, человеку нужно постоянно заниматься физическими упражнениями, и велосипед дает широкие возможности для этого. Он уже сейчас завоевывает все большую популярность, особенно в странах Востока. Например, в Японии сейчас около 50 миллионов человек регулярно пользуются велосипедом. На Филиппинах ежегодно продают 300 тысяч велосипедов. На Востоке велосипед часто является «семейным» транспортом: на одной машине нередко размещается вся семья. Нескончаемые потоки велосипедистов движутся по улицам городов и сел Вьетнама, все больше становится их в Индии...

«ПЛОМЫК», ПОЛЬША

ПОСЛЕДНИЙ ДОВОД

Начало на стр. 22.

стен как «гуляйгород», там была распространена кокаиновая эпидемия. Множество молодых людей неплохо зарабатывали, перепродавая только что купленный кокаин, добавив в него предвзвешенно какой-нибудь дряни. Никто из знакомых Уинтерса не стеснялся своей привычки. Они были заведомыми магазинами для наркоманов — Вашингтонского «Сундука удовольствий» и голливудской «Снежной леди», где покупали сверкающие золотые лезвия для разрезания кристаллов кокаина, серебряные нюхательные ложечки. Само обладание наркотиком определяло статус человека — кокаин равносильен деньгам, деньги равносильны власти.

Некоторое время Уинтерс, пару раз с выгодой перепродавший своим приятелям граммов по пятьдесят кокаина, подумывал, не заняться ли ему этим делом всерьез.

Девяносто процентов кокового листа поступало с гор Перу и Боливии (департаменты Ла-Пас и Когамба). В одной только Боливии в год производилось не менее двухсот двадцати тонн сульфата кокаина, килограмм которого стоит пять тысяч долларов. Молодых летчикам в голубых джинсах и бейсбольных шапочках платили за рейс до десяти тысяч долларов — они вывозили сульфат кокаина в Колумбию для рафинирования. Даже самый маленький самолет брал на борт не менее полутонны — верных четыре с половиной миллиона долларов. В США наркотик доставляли контрабандисты, чья изобретательность не знала предела. Они прятали кокаин в чем угодно — от банок из-под леденцов до париков, иногда глотали пластиковые мешочки с порошком; они, случалось, взрывались в желудке, исход смертельный. Но контрабандисты шли на риск. В Боготе, столице Колумбии, килограмм 90-процентного кокаина стоил десять тысяч долларов, в Нью-Йорке — шестьдесят тысяч. Поскольку порошок, продающийся на улице, содержит не более двенадцати процентов чистого кокаина, первоначальный килограмм увеличивался до восьми килограммов и приносил торговцам не менее полумиллиона долларов.

Но Уинтерс побоялся влезать в этот бизнес. Он боялся не агентов управления по борьбе с наркотиками, а конкурентов, профессиональных торговцев кокаином, в основном бежавших с Кубы бывших сторонников режима Батисты. Называли их «кокаиновыми ковбоями» — за готовность убивать во имя своего бизнеса. В распоряжении «кокаиновых ковбоев» были не только лучшие суда, самолеты, любое оружие, которое только можно купить за деньги; они имели собственную разведку и контрразведку и наняли вышедшего в отставку крупного военного для руководства операциями. Их главным партнером в Боливии был Роберто Суарес Гомес — человек с внешностью киногероя и многосотмиллионными вкладами в нескольких швейцарских банках. Он чувствовал себя полным хозяином в стране, потому что в его секретных платежных ведомостях числились высшие правительственные чиновники и полицейские. Параллельно он содержал армию наемных убийц, состоящую из бывших офицеров белой родезийской армии и просто «солдат удачи». Инструктировали этих бандитов четыре нациста, укравшиеся после разгрома гитлеровской Германии в Боливию, среди них был и лионский палач — бывший гестаповец Клаус Барбье.

Ссориться с такими людьми слишком опасно, благо-разумно решил Уинтерс.

После одной бурно проведенной ночи он выкурив подряд две трубки «фрибеиса» — высококонцентрированный героин, который не нюхают, а курят, — и вдруг все его тело стало холодеть. У него было такое чувство, будто он вот-вот упадет в обморок. В глазах потемнело, все окружающие предметы отдалились. Силы и жизнь покидали его. Каждый вдох стоил ему титанических усилий. Больше он не принимал кокаина, хотя у Джози всегда водился порошок.

Ровно в десять вечера у входа в гостиницу остановился потрепанный «шевроле». Водитель высадил троих пассажиров и свернул на стоянку. Пассажиры «шевроле» были одеты почти одинаково — светлокоричневые скромного покроя костюмы, в руках чемоданчики. Ничего не спросив у портье, они прошли прямо к лифту.

На четвертом этаже дверцы лифта раздвинулись. Три человека торопливо зашагали по коридору. У номера с табличкой «405» они остановились.

Нетерпеливый звонок в дверь поднял Уинтерса с кровати. «Джози?» — подумал он и осторожно открыл

дверь. В номер стремительно ворвались трое. Сердце у Уинтерса упало. Его первой мыслью было: сенатор Плиммер нанял головорезов, чтобы расправиться с ним за попытку шантажа. Двое заломили Уинтерсу руки за спину, третий обшарил карманы.

— Оружия нет. Отпустите.

Уинтерс увидел перед носом карточку агента управления по борьбе с наркотиками. Он ухмыльнулся.

— Да вы, ребята, ошиблись адресом. У меня вы не найдете и щепотки...

— Помолчи, — приказал Уинтерсу человек, предъ-явивший удостоверение. По его сигналу двое других начали обыск комнаты.

Уинтерс окончательно успокоился. С наркотиками он завязал еще год назад и в этом отношении мог ничего не опасаться. Он равнодушно наблюдал за тем, как вывернули наизнанку его чемоданы, спортивную сумку. Самый молодой из троих, с рыжими усами, добрался до пакета, принесенного Джози, переложил из него видеокассеты в свой чемоданчик, затем вытащил кассету и из видеомэгафона.

— Эй, послушайте, — забеспокоился Уинтерс, — зачем вам кассеты? Я не храню в них наркотики.

На его слова никто не обратил внимания. Обозлившийся Уинтерс тронул стоявшего спиной к нему агента за плечо и полетел на пол от удара в челюсть: агент с рыжими усами не стал церемониться. Уинтерс с трудом поднялся и проковылял в ванную. Выплюнул выбитый зуб, пустил струю холодной воды, сунул под нее голову. Шум бегущей воды помешал ему услышать то, что происходило в комнате.

Старший агент с удивлением увидел, как дверь в номер отворилась и на пороге появился молодой человек на вид, но совершенно седой человек. Он мгновенно захлопнул за собой дверь и бросился на агента, стоявшего ближе всех к нему. Ручкой в массивной черной перчатке ударил агента по голове. Удар был сильным, и агент повалился на ковер. Двое других были настолько ошеломлены, что потеряли несколько драгоценных секунд. Они стояли в другом конце комнаты, у окна, и сделали попытку защититься, лишь когда нападавший был совсем рядом. Один из агентов сунул руку под пиджак, надеясь добраться до напеленной кобуры. Седой человек вытянул вперед правую руку в перчатке. Что-то щелкнуло, и агент мягко сполз на пол. Рыжеусый оказался проворнее своих коллег. Ударом ноги он отбросил нападавшего и выхватил револьвер.

Седой вновь вытянул руку, и последний из агентов, не успев выстрелить, повалился на пол. В мгновение ока видеокассеты исчезли в прямо-таки бездонных карманах матерчатой куртки седого. В этот момент из ванной появился Уинтерс с полотенцем в руках. Бросив взгляд на него, седой подошел к одному из агентов, вытащил у него из напеленной кобуры револьвер и дважды выстрелил в Уинтерса. Выстрелы с близкого расстояния отбросили Уинтерса к стене, два кровавых пятна расплылись на его голубой рубашке.

Седой человек вышел из номера. Он сделал все, что от него хотели. Револьвер, из которого был убит Уинтерс, сжимает рука агента управления по борьбе с наркотиками, и когда он очнется от кратковременного сна, подумает, что сам застрелил парня. «Летающие иголки» (приспособление для их запуска смонтированное в перчатке) он выдернул, и только квалифицированный эксперт поймет что к чему. Но до экспертизы дело вряд ли дойдет, подумал седой человек, дожидаясь лифта.

В час ночи сенатору Плиммеру сообщили: задержать Уинтерса не удалось, он был застрелен, когда оказал сопротивление властям. Видеокассеты не обнаружены.

Профессор Чейз с интересом читал опубликованную в «Вашингтон пост» статью журналиста, чье имя в глазах публики прочно ассоциировалось с раскрытием самых тщательно скрываемых секретов. Он всегда резко критиковал людей из коридоров власти, что обеспечивало ему популярность среди читателей.

«Новая разрушительная сила, которую в кулуарах Пентагона называют мрачным сокращением ЭМИ, может закончить третью мировую войну еще до того, как она начнется.

Сокращение ЭМИ означает «электромагнитный импульс», он-то и послужил причиной встревоженных обсуждений за закрытыми дверями.

Как объясняют ученые, при взрыве ядерного устройства, произведенном на большой высоте, образуется гамма-излучение, частицы которого будут взаимодействовать с электронами, входящими в состав молекул воздуха. При этом образуется поперечный электрический ток, создающий электромагнитные импульсы, направленные в сторону земли.

Но для нас эффект ЭМИ означает просто следующее: если ядерное оружие будет взорвано на высоте 200 миль над Соединенными Штатами, то образовавшиеся при взрыве электромагнитные импульсы почти мгновенно прервут все электроснабжение в Северной Америке. Перестанут работать теле-

визоры, электронно-вычислительные машины, телефоны. Весь континент погрузится во тьму. Из строя выйдет американская система командования, управления и связи, которая должна в случае ядерного удара обеспечить ответный удар. Некоторые специалисты по анализу обстановки в Пентагоне считают, что Советский Союз может вынудить нас капитулировать, просто взорвав ядерные бомбы в космическом пространстве и лишив нас нашей стратегической ракетной мощи. Ведь для самого запуска наших ракет необходима электроэнергия. В одном совершенно секретном докладе Пентагона, который удалось раздобыть моему помощнику, говорится, что национальная система оперативно-стратегического управления вооруженными силами будет уничтожена. И президент напрасно будет нажимать кнопку ответного ядерного удара.

Такая перспектива выглядит слишком пугающе, чтобы мы могли хладнокровно наблюдать за тем, как в Белом доме пренебрегают ключевыми вопросами национальной безопасности. Проблема ЭМИ — лишь фрагмент нового крупного «окна уязвимости», если вспомнить речи, произнесенные президентом во время прошлой избирательной кампании. Я вынужден констатировать, что за время его президентства «окно уязвимости» не только не удалось закрыть, но, напротив, оно увеличилось до устрашающих масштабов.

Удар русских из космоса — вот о чем сейчас следует говорить. Реальность этой угрозы прекрасно знают наши военные, но молчат, дабы не вызвать гнев Белого дома. А ведь президенту на пороге избирательной кампании следовало бы задуматься над тем, что американцы призвали его в Белый дом для укрепления нашей мощи, а не для позирования перед телекамерами. Когда он убеждал избирателей, что серьезно намерен бороться с нашим отставанием в военной области, американцы поддержали его. Не знаю, захотят ли они продлить его мандат».

Профессору Чейзу не очень понравилась статья. Он не одобрял дешевых эффектов и пустых слов, но все же признал, что автор статьи свою задачу выполнил. Он снял трубку и позвонил генералу Шрайверу.

— Я поздравляю вас, генерал, с первым удачным выстрелом.

— Это всего лишь пристрелка, дорогой профессор. — Генерал Шрайвер определенно был в хорошем настроении.

Несколько дней сенатор Плиммер был ни жив ни мертв. Он ждал, где и когда выплывут пленки, снятые в квартире Джози. Что точно произошло между Уинтерсом и агентами федерального управления по борьбе с наркотиками, выяснить не удалось. Агенты клялись, что Уинтерса застрелили в целях самообороны, а пленок в его номере не было. Джози сенатор не звонил и к ней не ездил.

Плиммер до предела сократил свою активность. Сказавшись больным, не появлялся на Капитолийском холме, воздерживаясь от публичных выступлений. И даже когда позвонил профессор Чейз из Совета национальной безопасности, Плиммер принял рассказывать, как плохо он себя чувствует, так плохо, что вынужден отказать от выступления в сенатской комиссии по делам вооруженных сил. Чейз все сочувственно выслушал, однако заметил, что это пресобя президента, и распрощался.

Повесив трубку, Плиммер в волнении заходил по кабинету. Ссориться с президентом не хотелось, но и страх не проходил. Потом еще позвонил и доктор Орвил Этвуд. Они не были близко знакомы, поэтому звонок удивил Плиммера, но одновременно и польстил ему. Этвуд осведомился о здоровье сенатора и посетовал на то, что давно не имел возможности слышать его острей, интересные выступления, которые так необходимы и ему, Этвуду, и его друзьям, и всей Америке.

Бертиса Холла растолкали рано утром и повезли в суд. После получасового ожидания он предстал перед пожилым судьей, который формально предъявил Холлу обвинение в хранении наркотиков. Холл, который провел ночь в тюремной камере, успел успокоиться и слушал молча.

Судья назначил залог в тридцать пять тысяч долларов. К удивлению Холла, залог уплатила не жена — она стояла тут же, судорожно сжимая в руке платочек, глаза, красные от слез, — а некий презентабельно выглядывший господин, который представился руководителем общественной организации «Американцы — в защиту прав человека». Когда формальности были закончены и Холла до суда выпустили на свободу, они познакомились.

— Роджер Эберли. — Рукопожатие было крепким, улыбка дружелюбной. — Разрешите, я отвезу вас домой, ваша жена слишком взволнована, чтобы вести машину.

Продолжение следует.

В

стретиться мы договорились в девять вечера, когда он уже должен будет вернуться из театра домой. Кукушка в ходиках бодро отсчитала положенные часы, а хозяйина все еще не было. Он пришел чуть позже. Извинился. Сел на кухне за стол и долго молчал. Современное кино любит крупные планы. Так что вот так близко, в упор, я видел лицо Ульянова десятки раз, но никогда таким усталым. А вчера у него был выходной.

Накануне я посмотрел «Частную жизнь», где Ульянов играл освобожденного от работы директора крупного предприятия. Долгие годы человек вез свой воз, зная только одно: работу. Оказавшись неожиданно не у дел, он вдруг растерялся: привыкнув к гонке, взвинченному ритму, он не мог понять ни другой, размеренной жизни, ни сладости полученной свободы. Неужели никогда у него так и не возникало желания выбраться из торной колеи, остановиться, передохнуть на зеленой травке?

И вот случай сам предлагал пример совсем из иной профессии. Конечно, актер не директор завода. Но разве у моего сегодняшнего собеседника не та же гонка — театр, кино, телевидение, концерты, выступления по радио, творческие встречи со зрителями? И это не экранная, а самая что ни на есть реальная жизнь, которую не надо играть, которой нужно просто жить. Не потому ли, подумал я, Ульянов был столь убедителен в роли директора, поэтому спросил:

— Вчера, Михаил Александрович, у вас был выходной. Как вы его провели?

— Днем перечитывал «Мертвые души», готовлю их для радио. Вечером играл Наполеона в Театре на Малой Бронной...

— И это в официальный выходной? Такая гонка — обязательный элемент профессии актера? Не утомляет?

— Утомляет. И особенно в выходной. Но что поделаешь?

Сегодняшний актер живет ненормальной в общепринятой жизнью, потому что ему некогда сосредоточиться. По себе знаю, иногда появляется некая жажда поскорее сделать какое-то дело да избавиться от него. Потому что дальше ждет еще целая вереница проблем, забот, хлопот, работ, которые обязательно нужно успеть решить и сделать...

Конечно, это ужасно.

Говорят: зачем ты рвешься? Откажись. И вроде бы верно говорят. Но, с другой стороны, профессия актера только тогда имеет смысл, когда ты имеешь возможность играть, сниматься, читать по радио, со сцены. Ведь специфика жизни актера — все время быть на поверхности. Ему нельзя, подобно писателю,

**Михаил
Ульянов:**

ТЕАТР ЖИЗНЬ

уединиться года на два и писать роман, чтобы потом отдать его на суд читателей. Не может он, как скульптор или художник, замкнуться в стенах мастерской и творить в уединении, пока не придет время выставить свой труд на обозрение.

И если я в данный момент не играю, не снимаюсь, не записываюсь, не читаю, я попусту трачу свое время, свою жизнь. Конечно, я могу дома читать тексты, готовить какую-то роль, осмысливать ее, сосредоточиваться, приобретать какой-то книжный, интеллектуальный багаж и так далее и так далее, но все-таки главное в моей профессии — жизнь на виду, на экране, на сцене. В этом смысле моя работа беспощадна.

Так что отказаться от предложения работы не так просто. Тем паче, что все мои планы зависят не от меня, а от стечения целого ряда обстоятельств. Скажем, предложат мне сыграть Митеньку Карамазова сегодня, когда я вроде бы к этой роли не расположен, может статься, что больше никогда с нею не встречусь. Ныне наша профессия особенно зависима от не зависящих от актера обстоятельств. И чтобы преуспеть в своем деле, я должен приспособ-

ливаться к ним. И, что называется, на ходу, на летящем поезде решать, ехать ли мне дальше или соскочить на этой станции.

Поэтому та загруженность работой, которая существует порой у актеров, ей-ей, идет не от того, как думают некоторые обыватели, что наш брат желает заработать побольше. Просто иначе нельзя. В нашей профессии, как ни в одной другой, нужно спешить сделать как можно больше. Кстати сказать, все серьезные, а значит, и трудоемкие работы денег дают меньше, чем работы несерьезные, легкие.

Короче, тот шанс, который отпущен мне природой и обстоятельствами, я должен использовать максимально. У нас ничего не повторяется. Второй раз роли не предлагают, второй раз фильма не снимают, второй раз записи не бывают. Поэтому эта роль, этот фильм, эта запись для тебя единственны и неповторимы. Поэтому, естественно, порой и сталкиваются поезда. Я репетирую в театре, в это время мне предлагают записывать «Мертвые души». Отказаться от театра мне нельзя, а отказаться от «Мертвых душ» — грех.

— Почему грех?

— По очень простой причине: каждая работа такого класса дает возможность какого-то нового самовыражения. Ведь главная задача актерской работы — тут и есть ее смысл в конечном счете — не увлечь-развлечь, а как бы выразить свое отношение к миру вокруг тебя. А как я могу это выразить, если не через роль? А как я могу выразить свое отношение к ней — любовное или ненавистное, — если не через великую литературу?

Возможен вопрос: а кому нужно мое отношение? Может быть, взятое отдельно, оно никому и не нужно. Но взятое в целом, как позиция театра, необходимо. Потому что театр состоит не из кулис и занавеса, а из идей, мыслей, размышлений, которые заключены в спектаклях, фильмах, в любом произведении искусства. Ведь и великие произведения искусства существуют не сами по себе, а как утверждение чего-то. Будь это рубенсовское утверждение жизни через могучие тела или рембрандтовская углубленность в душу.

Вот и актерская работа должна иметь сегодня философскую идею, позицию. Без этого ничего в нашем труде не существует. Поэтому актеру, кроме

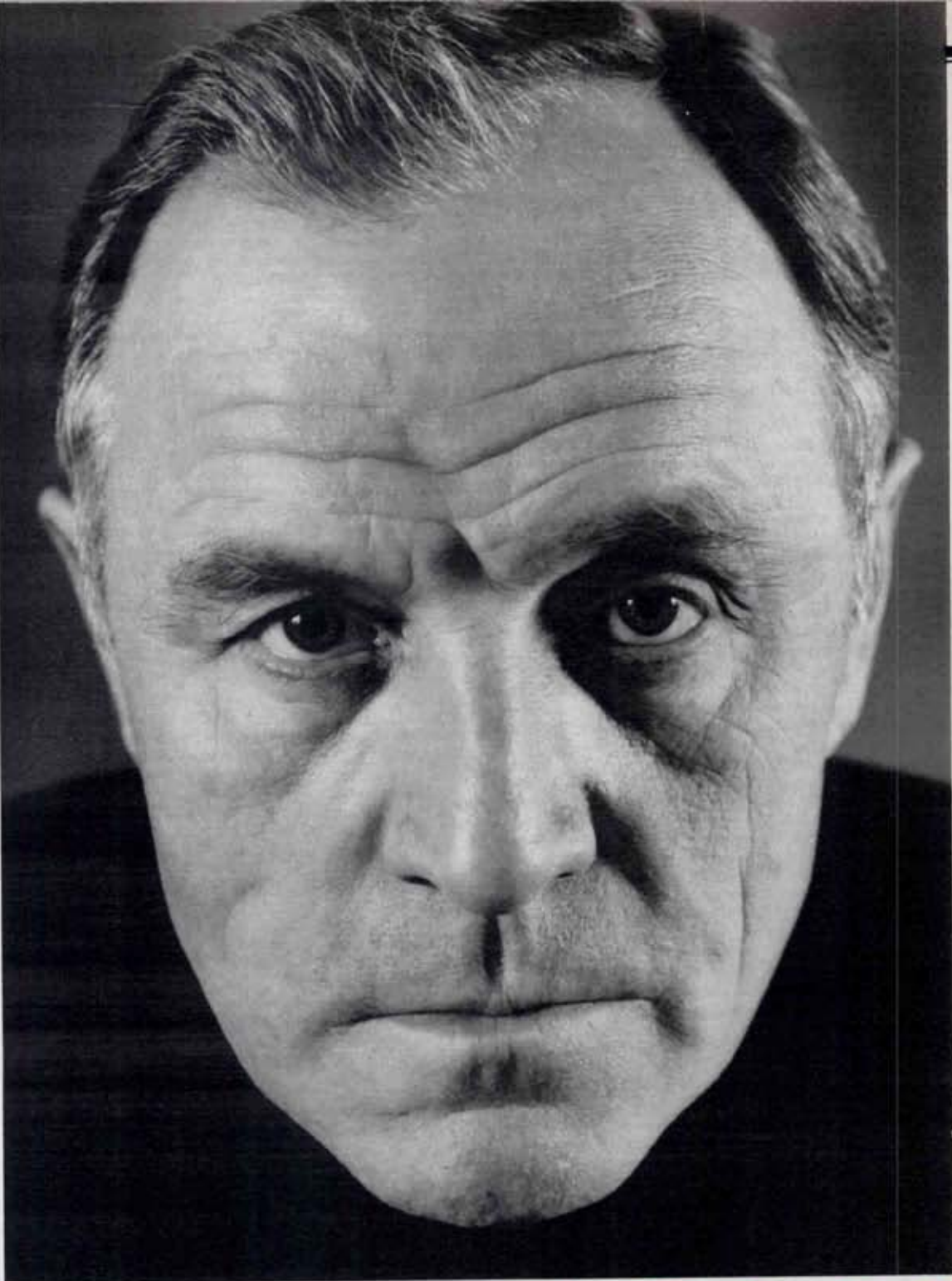

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА

таланта, профессии, театра, роли, режиссуры, физических данных, нужно иметь концепцию.

Знать, зачем, ради чего, почему так, а не иначе он должен играть.

— А если ваша концепция не совпадает со взглядом режиссера или театра?

— Если не совпадает в кино — я отказываюсь от роли. Если в театре, где отказаться сложнее, я начинаю искать и как-то выворачивать все-таки на свое. В конце концов в каждой роли, которую тебе предлагают, можно найти то, что созвучно жизни.

Кстати, театр вообще всегда одновременно и хрупок и непобедим, неповторим и единствен именно в силу его злободневности, современности. Потому любой спектакль живет до той поры, пока он созвучен сегодняшнему пульсу, пока он является составной частью нынешнего дня. Как только он отстает или начинает повторять избитые, устаревшие истины, а жизнь уходит вперед, спектакль неизбежно умирает и больше никогда не возвращается. Однако свое дело в течение своей жизни, короткой ли, длинной ли, он все равно успевает сделать: направить мысли зрителя в определенное русло.

— И когда он возвращается, то возвращается в новом качестве?..

— Чаще всего. Опыт театра Вахтангова показывает, что всякое возвращение почти всегда добра не приносит, если это просто повтор, эталон музейное возвращение. В театре, как в реке, в одну воду нельзя войти дважды. Даже такие классические наши спектакли, как «Человек с ружьем», «Перед заходом солнца», надо создавать заново. Потому что сегодня иное время, чем, скажем, пятьдесят или тридцать лет назад, иной зритель, иной уровень его знаний, иное восприятие обычных вещей.

Например, в фильме «Егор Булычов», интересно поставленном Сергеем Соловьевым и превосходно снятом оператором Леонидом Калашниковым, мне довелось играть главного героя. Картина эта, на мой взгляд, получилась серьезной, глубокой. Но почему-то не пошла, и судьба ее не сложилась. Но сейчас я о другом. Я, вахтанговский актер, знающий почти дословно, как играл Булычова замечательный актер Борис Щукин, не мог играть так, как он это делал в 1936 году. Если тогда Булычова играли как протест против всего, и в те годы это было логично, то в наше время нужно было играть эту роль не как протест, а как желание разобраться, почему так все происходит в жизни. Поэтому нынешний главный герой не был столь ерническим, столь шумным. Он был не протестующим, а скорее углубленным философом, который старался понять, отчего он живет не на той улице. И герой мой был другим не потому, что я, знаете ли, хотел сделать эдак по-другому. Просто я не мог смотреть на своего героя по-старому.

— Выходит, каждому новому поколению актеров приходится утверждать свои концепции, доказывать, что именно они отражают истинную жизнь. А как же тогда быть с опытом театральных предшественников?

— Одна кубинская актриса сказала, что играть в театре — это все равно, что плыть по реке в лодке и веслом бороздить воду. За тобой на какое-то время

непреложна: он стал у нас лучшим выразителем так называемого интеллектуального кино и театра.

— А что, на ваш взгляд, главное в профессии актера? Что лично вы ставите в своем цеховом деле на первое место и является ли ваш этот критерий определяющим, когда вы оцениваете работу коллег?

— Я считаю, что в каждой профессии, особенно в искусстве, свою работу нужно исполнять наилучшим образом. Поэтому и в нашем актерском деле я ставлю во главу угла профессионализм, ибо он достоинство и доброе имя театра.

— Но это требование применимо и к любой другой специальности.

— К любой-то любой, но в театре особенно заметны и зрими всякий дилетантизм, приблизительность, спуслякулизм. Тем паче, что восприятие игры, театра вообще крайне субъективно. Поэтому тут в ходу какие-то необъективные, неощутимые оценочные категории типа «нравится — не нравится», «люблю — не люблю». Поэтому порой очень красивый, но бездарный мальчик своей свежестью и голубыми глазками может нравиться больше, чем играющий с ним рядом виртуозный актер, но не такой, допустим, обаятельный и красивый. Поэтому всегда есть искушение подменить кропотливую работу чем-либо легким, что тоже позволит достигнуть известного успеха. Именно поэтому я считаю профессионализм наиглавнейшим достоинством актерской работы, ее визитной карточкой. Особенно сейчас, когда так много кино, телевидения, театра, когда мы завалены зрелищами, а хороших актеров не хватает, естественно, общий уровень падает. Ну разве наберешься таких, как Евгений Лебедев, Сергей Юрский, Алиса Фрейндлих и Марина Неёлова, Олег Ефремов и Иннокентий Смоктуновский, Юрий Яковлев и Юлия Борисова, на те две сотни лент, что снимаются ежегодно в нашей стране, на те десятки теле- и радиопередач, которые ежедневно приходят в наш дом? Отсюда проблема качества. Все вроде бы играют. Все кошки серы. И все хорошо. Да еще критика подогревает зрительский интерес, воспекает этаким общим уровнем и подъемом. Но как сказал на одном совещании старейший эстонский режиссер Панса: «Как бы нам не потерять в этом шумном дилетантизме живую душу театра».

Все вроде как у людей: громко, внятно, по правде, а строго-то говоря, все это табуретки. Резные же кресла могут делать только немногие мастера. Но как это ни странно, и мастерские работы и ремесленные поделки зачастую проходят у нас по одной графе с усредняющим наименованием «мебель».

Вот поэтому-то из всех достоинств, которыми должен обладать актер, я превыше всего ставлю профессионализм, а в нашем цехе ценю виртуозных мастеров: как карьеристы, они держат на себе хрупкое здание театра.

— Вы сказали, что профессия актера ко всему прочему требует еще и немалых физических сил. Что вы имели в виду? Может быть, объясните на примере своего обычного рабочего дня?

— Это разные вещи. Рабочий день может пройти до такой степени бестолково и глупо, что устаешь не от

напрягает, заставляет внутренне быть беспокойным.

К тому же своей ролью я хочу утвердить, доказать какую-то мысль, идею, и мне необходимо слышать, чувствовать, получается это или я бьюсь впустую. Такая обратная связь иногда завязывается, иногда нет. Спектакль — дело живое. Конечный его успех порой зависит не от актера, а от настроения зрителя, многих непредсказуемых и неподвластных нам причин. На дворе сырая погода, и зритель пришел с мокрыми ногами. Он сидит злой и все воспринимает иначе, чем в погожий день, и ничем ты его не расшевелишь. Пусть читатель вспомнит, как ему самому приходилось когда-то выступать с трибуны, какой «дрожмент» был в голосе, как потели руки, как пересыхало горло, пока произносил по бумажке незамысловатый текст. Вспомнив, он поймет, сколько физических сил должны израсходовать актеры, люди средних возможностей, чтобы под лучами раскаленных прожекторов, под пронизывающими глазами зрителей рассказать о великих страстях человеческих.

— Но читатель может привести свои доводы: я, мол, токарь, целую смену стою у станка — и ничего, а предложу вам точить детали — ваших сил хватит часа на два. Нечто подобное может сказать и слесарь, и шофер, и представитель любой другой специальности, и все они, видимо, будут едины: играть — ваша профессия, сцена, зрительный зал — привычная обстановка.

— Все это верно. Только есть существенный нюанс. Пока токарь у станка один, он работает без проблем. Но привели к нему двадцать учеников, и стали те в сорок глаз смотреть, как он точит детали. Уверен, через три часа у нашего мастера руки опустятся. От усердия. Он не может на людях работать, как наедине с собой. Он начинает играть. Так уж устроена человеческая психика. А мы каждый день работаем под наблюдением чужих глаз. И никуда от этого не деться.

— Неужели с годами к этому не привыкаешь?

— Нет. Никакой актерский опыт не поможет мне отрешиться от зрителя. Если начну играть сам с собой, я буду выглядеть сумасшедшим. Да и кому нужна такая моя игра? Ведь театр всегда существует для зрителя, вместе со зрителем и только во время того, когда зритель сопереживает происходящему на сцене.

Наша профессия уникальна в том смысле, что при работе не позволяет расслабляться ни на мгновение. Выходя на сцену, я многое должен уметь, помнить и соблюдать. Я должен хорошо знать свой текст и текст партнеров по спектаклю. Держать в памяти мизансцены и чувствовать партнера. Ходить именно в нужный момент и в нужную сторону, и помнить, когда следует повернуться на чью-то реплику и как на нее отреагировать. И при всем при этом я не вправе забывать о зрительном зале и о сверхзадаче спектакля... Короче, я должен все время соединять воедино множество всяких компонентов, из которых состоит моя роль, без возможности исправить ошибку по ходу спектакля. Если художнику не понравилась композиция картины или какая-то ее деталь, он может спокойно стереть все или закрасить и нарисовать заново. Опять не понравилось — снова перерисует. Артист не может обратиться к зрительному залу!

— Подождите, товарищи, я тут малость ошибся, поэтому сейчас сыграю вам по-другому.

Пока идет репетиционный период, делай и переделывай, сколько душе угодно. Но наступает день, когда изменить ничего не возможно, когда я уже не имею права ошибаться. Но я ведь тоже человек. Бываю усталым. Бывает, не очень хорошо себя чувствую, у меня бывает дурное настроение или гнетут какие-то заботы. Но всего этого я не должен нести с собой на сцену. Вчера один наш актер пожаловался:

— Какая сегодня ужасная погода, у меня так болит голова. Наверное, давление.

И он начал путать текст. Ему было тяжело. Но отказаться, раз уж он начал спектакль, не мог.

Вы когда-нибудь видели Аркадия Райкина за кулисами?

— Нет, никогда.

— А я видел много раз. Не сейчас, а раньше, когда он был еще человеком другого возраста и здоровья. Так вот этот веселый, подвижный, искрометного ума и юмора человек, с изыщной легкостью доводивший своей игрой целый зрительный зал до колик в животе, так вот, этот самый Райкин через мгновение сидел за кулисами мокрый, выжатый как лимон. Потому что вся его кажущаяся легкость, подвижность, изыщность и, как бы сказать, импровизация ему достаются огромным трудом и титаническим напряжением.

Говорят, к этому можно привыкнуть. В какой-то мере можно. Годы, опыт помогают брать себя в руки. Но не до конца. Вот сейчас я играю Ричарда. Играю давно, и, казалось бы, все ясно. Но всякий раз перед

„МЫСЛЬ“

образуются волны, потом они смыкаются, и все остается по-прежнему: ни следа твоего, ничего. В театре есть что-то эфемерное, как у бабочки. Слишком короткое время ее яркой, красочной жизни. Исчезает же она быстро и бесследно. А что остается от театрального актера? Десяток рецензий да воспоминания современников: как он играл! А спроси сейчас, кто такой Степан Кузнецов. Знает кто-нибудь? А как играл Щепкин, как играла Ермолова? Никто не знает. И нам уже никогда не представить этого.

Может быть, это уже и не нужно. Для своего времени, для своего поколения они были выразителями каких-то определенных чувств того времени. Сегодня другое время и другие выразители. Может быть, не такие великие, как Ермолова, но все равно более созвучные нашей эпохе.

Или вот представим себе, что Иннокентий Смоктуновский был актером в тридцатые годы. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, он не занял бы такого места в искусстве, как сейчас. Тогда такой актер был не нужен. А в наше время он вырос в крупного мастера. Конечно, кому-то он может нравиться больше, кому-то меньше. Однако объективная суть дела

труда, а от безделья и бессмысленной суеты. Подобно часотке, они не дают нам ни минуты покоя: съездить, позвонить, договориться, встретиться, посидеть, поговорить, уехать, приехать. Как прожорливый косяк рыбок пирааний, череда мелких дел до костей обгладывает наше время. Вертишься как белка в колесе — и все на месте.

Но, говоря о физической тягости нашей профессии, я, конечно, имел в виду не это. Сейчас я играю три крупные роли: Ричарда, Наполеона, Антония. Возьмем Ричарда и Антония. Три часа я на сцене. Три часа я говорю стихами. Три часа я стараюсь показать все нечеловеческое напряжение этих великих людей. Но сам-то я не великий, а обыкновенный человек, и для того чтобы хоть в малой степени передать их величие, мне нужно напрячься до предела своих возможностей, все время работать на форсаже, расходуя себя в разное.

Притом есть еще одно обстоятельство, требующее большого нервного напряжения: тысяча зрителей, сидящих в зале. И каким бы опытным я ни был, я все время ощущаю две тысячи глаз, которые меня проверяют, придирчиво оценивают мою работу. Это тоже

выходом на сцену где-то глубоко в мозжечке сидит страх. Он существует помимо моей воли всегда.

— Но есть период, когда, как вы сами сказали, вы можете экспериментировать, пробовать, ошибаться, когда можете быть раскованным,— это время репетиций. С чего начинается работа над ролью: с ее осмысления или выучивания текста?

— У каждого свои методы и секреты. Есть артисты, чьи головы подобны записывающим аппаратам, они запоминают все мгновенно, буквально с листа. Я же отношусь к той категории людей, которые с большим трудом заучивают текст, особенно с годами. Для меня этот процесс многопланов. Прежде всего мне надо понять его. Зубрить, абы запомнить,— глупость. Я должен понять, что, как и почему происходит. Параллельно, естественно, идет запоминание реплик, фраз, монологов. Когда я понимаю роль, как говорится, по первому снегу, тогда уже начинаю ее просто учить. Что называется, вбивать в мозги. А дальше репетиции.

Так как мне запоминание дается тяжело, а роли у меня большие, то работа с текстом—большой и тяжелый труд. Но все-таки он не самое главное.

Главное—поиски характеров, доведение спектакля до высших кондиций готовности, когда и коллектив и режиссер могут сказать, что они, кажется, достигли того, к чему стремились. Этот подготовительный этап, составляющий значительную часть работы над пьесой, остается за кулисами и неизвестен зрителю. Часто он доставляет актеру больше удовольствия, чем игра в спектакле.

— Почему?

— Процесс черновой работы над ролью, репетиции—это как бы плавание к неведомой Индии, которая тобою, возможно, и будет открыта. А приплываешь-то иногда совсем не на тот остров и не на тот материк или на тот, да он оказывается совсем не таким, о каком ты мечтал. Отсюда—разочарование. К тому же сам процесс работы на этой стадии свободнее, раскованнее, безответственнее. Можно пробовать так и эдак, можно рисковать, ошибаться, менять акценты—и все это интересно. Но наступает момент, когда уже ни менять, ни ошибаться нельзя. Спектакль сдан, принят, появился в афише. И ты видишь, что, хотя искал много, нашел все-таки мало. На заветном берегу совсем не те пальмы...

— Сейчас вы играете трех великих людей, совершенно разных по характеру, из совершенно разных исторических эпох. Как вы сказали, создавая образ, вы стараетесь привнести в него нечто такое, что было бы созвучно проблемам и мыслям, волнующим наших современников. Для этого, видимо, недостаточно только текста пьесы?

— Разумеется. Поэтому, начиная работать над такими образами, как Ричард, Антоний, Наполеон, я—как и всякий актер на моем месте—прежде всего стараюсь как можно глубже и шире исторически познать эти личности и понять, каким был этот человек на самом деле. Поэтому, работая над ролью—а это два, три, а то и четыре месяца,—я стараюсь максимально напитаться сведениями о своем герое. Возможно, в дальнейшем они мне и не понадобятся, не войдут в мою работу. Но даже «лишние» знания дадут некий ориентир для понимания характера.

А дальше мое знание историческое об этом герое начинает соединяться с моим сегодняшним видением его. Так рождается художественная точка зрения, довольно субъективная. Соединяясь вместе, объективное и субъективное дают образ.

— Значит, что-то вы можете домысливать, так сказать, «обогащать» историю?

— Скажем мягко: трактовать некоторые факты и детали по-своему. Грешно ли это? Я много прочел о своих героях и знаю, сколь полярны бывают их оценки у разных авторов.

Так что я не «обогащаю» историю, а отбираю то, что ближе моим размышлениям о нынешнем дне, его проблемах.

— За тридцать четыре года после окончания театрального училища вы сыграли...

— Около пятидесяти ролей в театре и, пожалуй, десятка три в кино. Точных цифр я не знаю, так как подобного учета не веду.

— А были за это время роли, которые вы хотели сыграть, но вам их не предложили, а теперь уже ясно, что никогда и не предложат.

— Нет, не было.

— Неужели вы не хотели сыграть Гамлета или, допустим, Ромео?

— Нет, не хотел. Я даже и Отелло не хотел бы сыграть. Почему? Я не особенно представляю, про что эти роли. Хотя насчет Отелло у меня есть своя концепция, свои размышления, которые, может быть, и могли бы быть сегодня интересными, но сказать, что я хочу вынести их на суд зрителя... Пожалуй, нет.

— Ну а какие-то другие?

— Конкретно не могу сказать. Я какой-то такой странный артист, что не знаю, какие бы роли хотел сыграть. Вот что мне хочется играть, так Шекспира и Достоевского. Вообще Шекспира, вообще Достоевского. Разумеется, не все, а то, что подходит мне по духу и возрасту. Драматургия Шекспира—такая мощная таранная машина, что ей под силу многие сегодняшние проблемы. Но вообще-то Шекспира нужно играть молодым. Я, правда, играю его и пока еще не скулю, но хотелось бы быть помоложе. У знаменитого итальянского трагика Росси есть поразительная фраза: «Весь парадокс профессии актера заключается в том, что, как играть Ромео, я начинаю в семьдесят лет, а играть его надо в семнадцать».

И вот этот разрыв в понимании героя и физической возможности сыграть его—одна из жестоких сторон нашей профессии. Я знаю актеров, которые всю жизнь стремились к тем или иным ролям и, когда их наконец получили, сыграть уже не могли физически. Это были и не Ромео и не Гамлет, хотя умом, постижением характеров эти актеры были глубже, чем в свои двадцать пять лет.

В нашей профессии, кроме прочих всяких границ, есть и границы совместимости с ролью, границы возраста.

В своем творчестве актеры постепенно накапливают мастерство, на это уходят многие годы. Так вот, период, когда актер все может сделать и профессионально и физически, до момента, когда он может только профессионально, а физически уже нет, этот период у разных актеров неодинаков. Есть среди нас долгожители. Но у других этот творчески полноценный период значительно короче. В этом отношении наша профессия жестока, ибо сцена увеличивает нюансы игры, все твои ошибки, выявляет физическую твою немощь. Ведь с годами тебе все труднее переносить и психологические нагрузки. Требуется более длительный отдых, покой.

— Два последних года вы проводите отпуск на острове Сааремаа. Почему отдыхаете «дикарем», а не в санатории или доме отдыха?

— Такое уединенное место, как остров Сааремаа дает редкую возможность отключиться от человеческого общества. Наша дерганая профессия заставляет нас все время быть на людях. Мы не можем без зрителей, но иногда так хочется побыть наедине с самим собой.

— Чем занимаетесь в такое время? Собираете грибы, ягоды, ловите рыбу?

— Никаких особых хобби у меня нет. Грибы-ягоды собираю, когда они есть, а если нет, спокойно могу и без них обойтись. И рыбалка тоже. Обычно в отпуск я беру какую-нибудь работу: разучиваю новый текст, готовлю программу или обдумываю роль, которую придется играть в предстоящем сезоне. В последние годы всегда беру с собой работу. Правда, не так уж много удается сделать, но совсем отключиться не могу. Вернее, могу, но не хочу.

— Почему? Боитесь выбиться из привычного ритма, в который будет потом трудно войти?

— Не совсем. Наша работа как наркотик. Если однажды вкусил ее, тяжело отвыкнуть. Иногда мне приходит странная и, может быть, разоблачающая мысль: актерская профессия—все-таки подлая профессия. Как это объяснить? Я не хочу существовать, и я не могу существовать без зрителя. Я ему должен всегда нести что-то новое: новую работу, новую трактовку той или иной роли, новый поворот в своем мастерстве, оттенок в палитре. И не потому, что я хочу его удивить или эдак, знаете ли, увлечь. Просто я хочу быть нужным и интересным, любопытным зрителю. Замечательный, глыбистый актер Алексей Денисович Дикий, репетируя ту или иную роль, любил повторять:

— Ну, чем будем удивлять?

В театре обязательно надо чем-то удивить. Это удается далеко не всегда, но стремление к этому всегда есть у всех. В этом весь смысл нашей профессии. Дело ведь не в том, чтобы «поздравиться». Я боюсь надоесть, прискучить зрителю, стать неинтересным ему. Иначе я его потеряю.

— А если вы все-таки почувствовали, что зрители неинтересны?

— Это драма. Только хочу быть правильно понятым: речь не о продаже зрителю самого себя. Ведь можно идти по легкому пути—просто потрафлять ему. Вот сейчас все голосуют за отдых, за веселье, за этакую легкость—давай детективчики, всякие чепуховинки, легковесные комедийки. Подлаживаться под нетребовательный вкус—стыдный способ добиваться успеха. Достоинство же нашей профессии, весь коренной ее смысл заключаются в том, чтобы своей работой куда-то повести зрителя, заставить его задуматься. Зритель мне нужен, как войска полководцу. Будь я четырежды Жуковым, но если у меня

не будет фронта и войск, я ничего не смогу сделать.

Подлость моей профессии заключается в том, что я всегда должен быть новым, но, увы, это не всегда получается.

Странное это двуединство в профессии актера: с одной стороны, быть столь зависимым от зрителя, с другой—стараться стать его владыкой. Странное и трудное. Чтобы зритель понял мои мысли, проникся ими—к этому все мы в идеале стремимся,—я должен правдиво отобразить какое-то явление, удивить своим взглядом на него, завоевать, покорить зрителя, повести его за собой. Но ведь то, что кажется важным мне, он, возможно, вовсе не считает существенным, и все мои старания могут пройти безрезультатно.

В последнее время я сыграл довольно неожиданные для меня роли в фильмах «Без свидетелей», «Кафедра». Лично я считал их вполне ожидаемыми и объяснимыми, ибо эти работы—способ выражения моего сегодняшнего отношения к проблемам, которые заложены в этих ролях, и еще, разумеется, возможность доказать свою способность вторгнуться в область отрицательных героев. А мне говорят: зачем? Разве каждому объяснишь?..

Кукушка отсчитала одиннадцать, и время побежало к полуночи. Однако, не смущаясь столь поздним часом, телефон продолжал звонить с завидным постоянством. Звонили с киностудий, телевидения, радио, Музея Вооруженных Сил. Ульянову предлагали роли, уточняли время съемок и записей, напоминали о прежних договоренностях и обещаниях. Работа не оставляла его и дома, хотя рабочий день давно уже окончился. Ну и профессия...

В его выборе дела жизни было много случайно-го. Он рос в небольшом сибирском городке Таре, где никогда не было профессионального театра. И вот в 1942 году сюда в эвакуацию прибыла труппа украинских артистов, часть которых ранее работала в театре имени Заньковецкой. Они заняли два малопригодных для постановки спектаклей здания и начали давать представления. Так как собственные силы труппы были малочисленными, при ней создали студию. Трое парней, вернувшихся по ранению с фронта, да несколько школьников (среди них случайно оказался и Миша Ульянов)—вот и весь ее состав. Возглавил занятия природный педагог и режиссер Евгений Павлович Просветов. Видимо, он рассмотрел в своем ученике нечто достойное внимания, если год спустя посоветовал продолжить актерскую учебу в омской студии, которую организовывала в ту пору Лина Семеновна Самборская, актриса областного театра, колоритнейшая личность. В 1941 году в Омск был эвакуирован из Москвы театр имени Вахтангова. Сибирский город располагал всего одним театральным зданием, и Самборская добилась, чтобы, несмотря на огромный авторитет вахтанговцев, оба коллектива работали на сцене Омского театра поочередно, через день.

Два года Ульянов провел в омской студии и в 1946-м решил отправиться на учебу в Москву. Риск был огромным. Ревнивая Самборская не прощала тех своих учеников, что ранее уже предпринимали неудачные попытки поступать в столичные театральные вузы. Она считала, что они предали родную студию, и обратно не принимала. Так что, садясь в переполненный вагон московского поезда, восемнадцатилетний Миша Ульянов твердо знал: обратная дорога для него нет.

На экзаменах в училище имени М. С. Щепкина при Малом театре он срезался во втором туре. В городском театральном—при первом прослушивании. О существовании училища при Театре Вахтангова он узнал случайно, когда там уже был завершен один тур. Его допустили сразу ко второму. Прослушали, зачислили студентом.

— Как отнеслась к вашему поступлению Самборская?—спросил я Михаила Александровича.

— Наверное, мой отъезд в Москву ее не обрадовал, а поступление просто удивило. Я был самый младший и самый невидный в омской студии, занимал там весьма скромное место.

И вахтанговцы приняли меня, уверен, не в силу каких-то особых способностей, а скорее в знак благодарности Омску и омичам за то, что те приютили их в эвакуации.

— Вы бывали в городе своего детства?

— В последний раз ездил в Тару в 1977 году. Тянет на землю своей молодости, но еще раз убедился, что возвращения на старые места всегда очень грустно. Только там понимаешь, как быстро проходит жизнь. В московской суете это тоже замечаешь, но не так

пронзительно, как в городе детства. Когда снова ходишь по местам, где ты когда-то бегал по пыльным улицам, торопился в школу, катался с гор на лыжах, в первый раз попал в кино — и все это было так давно и вместе с тем так недавно, то только там понимаешь неуловимый бег времени.

— Позже встречались с товарищами по омской студии?

— Встречался.

— Они завидуют вашей артистической карьере?

— Думаю, больше удивляются ей. Судьбы у всех сложились по-разному. Одни добились успеха, у других как-то не получилось...

— Вы для них стали Михаилом Александровичем?

— Нет, остался Мишей. Наша профессия болеет разными пороками и болячками, но нет среди актеров чиновничества. Я, например, очень ценю Евгения Лебедева или Олега Ефремова, но при встречах мы же не ломаем друг перед другом шалку: ах, мол, какой вы известный, популярный и так далее. Конечно, можем поздравить друг друга с какой-то успешной работой. Но мы знаем, что это работа. И если сегодня она хорошо получилась, то нет гарантии, что завтра или послезавтра нас не ждет провал. Так что в основном, в своем профессиональном деле, мы все как бы равны. Словом, в нашем мире нет иерархии. Хотя один актер, положим, отмечен высокими званиями и наградами, другой — нет. Вот я народный артист СССР, и что же, мой товарищ, который со мной учился, бок о бок проработал всю жизнь, но «всего только» заслуженный, должен по этой причине обращаться ко мне: «Михаил Александрович»? Чувствую себя с ним абсолютно равным. Ну у меня получилось так, у него — иначе. Но от этого ничего не меняется в наших отношениях. Молодое поколение театра, естественно, относится ко мне по-другому, более уважительно. И то из-за моего возраста, большого стажа работы в театре, а не регалий.

— Владимир Иванович Немирович-Данченко утверждал, что наиболее плодотворная жизнь любого театра продолжается двадцать лет. После этого обычно начинается спад, застой, театр нуждается в решительном обновлении. Скажите, насколько это утверждение подходит к работе актера? Не этим ли объясняется, что порой артисты переходят работать в другой коллектив? Является ли это неизбежным требованием профессии?

— Переходить из театра в театр?

— И это в том числе, но не только. В принципе каждый театр имеет свое лицо, устоявшиеся традиции. Но может случиться, что творчество какого-то артиста достигло такого уровня, что рамки собственного театра становятся тесными. Или он почувствовал, что стал повторяться. Ему кажется, что смена «декораций» поможет обрести второе дыхание.

— Вопрос о переходе из одного коллектива в другой всегда не прост. Долго проработав в одном театре, я знаю наизусть Евгения Симонова, и он меня знает не хуже. Он меня ничем не удивит. И я его частенько ничем удивить не могу. Конечно, и он и я в каждой новой работе стараемся найти какие-то новые повороты, новые краски, которые были бы интересны и режиссеру, и актеру, и зрителю. Но все равно есть в этом деле предел и у актера и у режиссера. Поэтому какой-то повтор, какая-то накатанность в этом есть. И это отрицательная сторона.

Но, с другой стороны, за долгие годы совместной работы мы так сыгрались, что понимаем друг друга с полуслова, живем в привычной атмосфере. И это положительный фактор, помогающий избежать недоразумений, которых и без того хватает в театре.

Современный актер более подвижен, чем его предшественники: ему часто приходится сниматься в кино, на телевидении, выступать по радио, работать там с разными режиссерами, актерами, наблюдать иную манеру игры и постановки. И таким образом обогащение чужим опытом идет постоянно. Но тем не менее почерк своего театра он все-таки сохраняет.

Есть в этом деле еще одна очень важная сторона. В былые времена актер был главной фигурой в театре. Режиссеров практически не было, а если были, то так, разводящие, не игравшие никакой роли. И когда, скажем, меня, актера Александринского театра, приглашали в Малый, то я при переходе оговаривал определенные свои права: мне дают играть такие-то роли и через определенные сроки устраивают полу-бенефис, бенефис и юбилей. Конечно, мои условия могли и не принять. Но если антрепренер или дирекция театра их все-таки принимали, то это было гарантией и моего положения в театре, и моего репертуара, и, наконец, того, что накопленный мною ранее актерский багаж не погибнет втуне.

А вот сейчас, когда Алиса Фрейндлих перешла из театра имени Ленсовета в БДТ к Георгию Александровичу Товстоногову, то в своем горячайшем интервью

она, актриса такого высочайшего класса, сказала, что еще не знает, что будет играть.

И сам Товстоногов вскоре подтвердил, что пока неизвестно, какие роли будут предложены Алисе Фрейндлих, ибо БДТ не собрание звезд, а коллектив.

Все это горько слышать. Но это жизнь. Театральная жизнь.

Переходить сейчас очень опасно. Неизвестно, что обретешь, а шипки гарантированы — это точно. К тому же, сколько я ни наблюдаю, чаще всего переходы актеров из одного театра в другой, за редким исключением, не влекут особых взлетов. В последнее время, пожалуй, только Александр Калягин взметнул ракетоподобно, перейдя во МХАТ. Ну еще, может быть, Юрий Богатырев в какой-то мере. Зато я знаю ряд артистов, для которых смена театра кончалась ничем, переезд же из провинции в Москву чаще всего оборачивался полным фиаско. Их имена исчезали со сцены, с афиши. И дело не в интригах и злых кознях — в несовместимости.

Однако я не хотел бы полностью отвергать переходы. Процесс этот болезненный, и если люди на него все-таки идут, значит, они надеются что-то приобрести для своего творческого роста. Видимо, и театрам подобный перелив чужой крови приносит пользу.

Замечательную, на мой взгляд, форму обмена творческими силами придумали в Армении. Это так называемый Театр Дружбы.

Иногда случается, что в труппе театра нет подходящего актера на конкретную роль. Положим, у своих нет ампулы или нет тот опыт. А пьеса интересная, поставить ее всем хочется. Вот тут и приглашают гастролера. Естественно, всегда стараются привлечь актера крупного, известного, чтобы и зрителю было интересно да и самим можно было поучиться мастерству. Это привносит свежую струю в театр, способствует взаимному творческому обогащению.

Так вот в Ереване сумели придать такому способу обмена лучшими спектаклями и актерами организационную форму под названием Театра Дружбы. Собственно театра как такового не существует. Есть дирекция, администратор — всего несколько человек, которые организуют гастроли приезжих артистов на сцене местного театра. Через два-три дня гости уезжают, и ереванский театр продолжает работать в своем обычном режиме.

К сожалению, этот способ подчас не находит поддержки соответствующих инстанций. А ведь в России гастролеры всегда приносили свежее дыхание.

Постепенно наш разговор вернулся к прежней теме.

— Вы сказали, что хотели бы сыграть Достоевского и Шекспира. А какого из героев конкретно?

— Пусть они будут пока без имени.

— Еще сами не знаете?

— Знать-то я знаю, но не стану утверждать, будто загнал себя только вот на этот конкретный персонаж. Я вообще не люблю отвечать на вопросы о моих творческих планах. Профессия актера, как я уже говорил, зависит от множества не зависящих от него обстоятельств. Вот если они как-то счастливо все сойдутся в одну точку, сфокусируются, и я окажусь в этой точке, вот только тогда что-то и получается. Но чаще всего эти условия не соединяются. Так что у меня, как и у тысяч других актеров, ничего из большинства затей не удастся.

— Но вам все-таки легче?

— Чем легче? Я предлагаю театру какую-то пьесу, а мне говорят: нельзя, потому что еще раньше были предложены другие, подошла их очередь.

— Но все-таки нынешнему Ульянову легче предлагать, чем Ульянову тридцатилетней давности...

— Это-то верно. Тогда мои инициативы такого рода вообще выглядели бы смешно. Сейчас они смешными уже не кажутся, но и не становятся от этого более успешными. Представьте, в нашем театре ставится всего четыре новых спектакля в год. То есть имеется всего четыре выстрела и десятки стрелков.

— А нельзя поставить что-нибудь самому?

— Можно, конечно, но опять-таки должны сойтись все те же условия: нужно иметь пьесу, время и место для репетиций, актеров. Подобные эксперименты мне уже доводилось проводить и лично и в содружестве с другими режиссерами. Но все это не так просто, как кажется.

— А то, что у вас звание народного артиста СССР, — разве это в известной степени не помогает работе?

— Нет, абсолютно. Оттого, что ты становишься более известным, только прибавляется ответственности. И если ты хоть мало-мало уважаешь свою профессию, тебе не хочется появляться в каком-нибудь барахле, лишь бы сняться, лишь бы сыграть, неважно как, можно и тля-ляп. Чем больше тебе уделяют внимания, тем больше ты должен быть требовательным к себе и своей работе. Ибо девальви-

ровать, потерять имя можно в мгновение ока: сыграл пару-тройку плохих ролей — и тебя спишут. Зрители жестоки, как дети: интересно — смотрят, неинтересно — уходят. Такая жестокость справедлива, но не приведи себя испытать ее на себе.

Так что высокое звание не индульгенция, грехов не отпускает, напротив, требует все большего и большего напряжения.

Когда наш разговор вернулся к теме новых спектаклей и новых ролей, Михаил Александрович признался, что есть несколько режиссеров, с которыми ему хотелось бы поработать, но, по всей видимости, так и не удастся. Мне показалось, что это обстоятельство его огорчает, поэтому я спросил:

— Неужели даже такому опытному актеру, как вы, требуется чья-то подсказка со стороны? В своей профессии вы, на мой взгляд, и так все знаете...

— Видите ли, — возразил он, — сегодняшний театр — театр концепций, театр решений. И чем крупнее, маститее режиссер, тем глубже и многостороннее концепция и решение пьесы. С таким постановщиком и я, актер, могу в этом спектакле полнее выразиться и глубже раскрыться.

— А своего опыта для этого разве не хватит?

— Хватит до какой-то степени. Но актер и режиссер — все-таки разные профессии. Игра актера — это, если можно так выразиться, сердцевина, содержание спектакля, а режиссура — форма выражения этой сердцевины. Одно зависит от другого и требует известного соответствия.

Почему актеры часто берутся за режиссуру? От самонадеянности? Не без этого, конечно. Но главным образом потому, что настоящих-то режиссеров очень мало. И когда какой-нибудь полупрофессиональный юноша в должности режиссера начинает командовать мне: «повернитесь налево», «направо», «стойте», «идите», «тише», «громче» и так далее, — я со своим опытом послушно-послушаю его и решаю, что на таком-то уровне я и сам все могу спокойно сделать, и становлюсь постановщиком.

Когда же я встречаюсь с Режиссером, то я надеюсь не только на то, что он интересно меня преподнесет зрителю, но и даст мне нечто такое, до чего я сам еще не додумался, что мне пока не дано, чего я не могу. Мне посчастливилось работать со многими известными режиссерами театра и кино — Пырьевым, Симоновым, Эфросом, Аловым и Наумовым, Панфиловым, Райзманом, Михалковым. И при каждой встрече я чувствовал, что нахожусь не просто в хороших, мастеровитых руках, но и общаюсь с людьми, у которых можно многому научиться.

— Даже у тех, кто значительно моложе вас?

— Даже у них. Никита Михалков, например, сын нынешнего времени, и у него другой, более современный глаз, чем у меня. Я несусь с собой груз своего опыта, своих лет, что-то уже не могу изменить в себе, что-то не могу понять в нынешнем поколении. А у Никиты, кроме таланта, есть еще и принадлежность к этому времени и понимание его.

— Уже под конец нашего разговора я спросил: — Есть актеры, которым вы завидуете?

— Зависти типа «Ах, почему это у него, а не у меня» — такой черной зависти, ей-богу, у меня нет, хотя человек я далеко не безгрешный. Глядя на работы коллег, я либо восхищаюсь, либо злюсь. Злюсь, когда люди плохо играют, играют явную чепуху, но преподносят это на блюдечке с голубой каемочкой, как некий шедевр, при этом цедят глубокомысленно: «Вам не понять, а мне не высказать». Если не можешь высказать — не берись.

Я очень болезненно воспринимаю любые театральные неудачи, особенно если они происходят по нашей вине, когда к нашему делу относятся как к полупочтенному времяпрепровождению. Меня это злит, оскорбляет и унижает.

Но когда театром одержана победа, когда он становится диктатором, повелителем зрительного зала, пусть только на несколько часов, пусть всего на этот вечер — для меня это наслаждение. Я радуюсь удаче товарищей, которые высоко несут звание актера, потому что это и моя удача, ибо являюсь частью нашего актерского цеха. Радуюсь и немного завидую, что сам не могу сыграть эту роль, ибо такой пьесы нет в репертуаре моего театра. Но это добрая зависть.

Мы распрощались около полуночи. Михаил Александрович сказал, что нужно кое-что почистить к завтрашнему утру. Рабочий день его еще не окончился, хотя сутки практически уже завершили свой бег, и он должен был заимствовать время у следующего дня. Этого требовала работа, его профессия.

Беседу вел
Леонид ПЛЕШАКОВ.

ТУРНИР ЛЮБИТЕЛЕЙ СПОРТА

Напоминаем участникам нашего конкурса, что победители будут определяться как по итогам каждого из двух туров, так и по сумме очков, набранных в обоих турах. За каждый правильный ответ присуждается очко, значит, чем подробнее вы ответите на вопрос, тем больше очков получите. Таким образом, можно набрать много очков, даже не ответив на все вопросы, при условии, конечно, что вы подробно и точно ответили на другие вопросы.

Второй тур

1. Назовите международную спортивную федерацию, которая была основана раньше всех остальных. Когда она создана? Кто сейчас является ее президентом?
2. Гуштингири, чиздаба, халсагай. В каких союзных республиках проводятся соревнования по этим видам национальной борьбы?
3. Какие команды и когда выигрывали Кубок СССР по футболу?
4. Что такое уния? В каких видах спорта она применяется?
5. Назовите всех чемпионов мира по шахматам.
6. Когда были учреждены добровольные спортивные общества «Динамо», «Спартак», «Локомотив», «Буревестник», «Водник», «Трудовые резервы»?
7. «Бегущий олень», «Бегущий кабан», «Бегущая косуля». Какая из этих мишеней применяется ныне в соревнованиях по пулевой стрельбе?
8. Когда и где состоялись первые чемпионаты мира, Европы и СССР по скоростному бегу на коньках среди мужчин и женщин?
9. Назовите советских спортсменов, которые были рекордсменами мира по прыжкам в высоту.
10. «Особый привкус есть в осенних матчах. Где в первом тайме, как и во втором, Проектора, включенные на матчах. Как бы дымятся в воздухе сыром». Из какого произведения взяты эти строки? Кто его автор?

Письма с ответами на вопросы второго тура «Турнира любителей спорта» присылайте не позже 1 августа (по почтовому штемпелю). В левом углу письма не забудьте сделать пометку: «Турнир любителей спорта. 2-й тур».

ТРАВА У ДОМА

Музыка Владимира МИГУЛИ

Стихи Анатолия ПОПЕРЕЧНОГО

СПОКОЙНО.

Земля в иллиуминаторе,
земля в иллиуминаторе,
Земля в иллиуминаторе видна...
Как сын грустит о матери,
как сын грустит о матери,
Грустим мы о земле — она одна.
А звезды тем не менее,
а звезды тем не менее
Чуть ближе,
но все так же холодны.
И как в часы затмения,
и как в часы затмения.
Ждем света и земные видим сны.

ПРИПЕВ:
И снится нам не рокот космодрома,
Не эта ледяная синева.
А снится нам трава,
трава у дома,
Зеленая, зеленая трава.
А мы летим орбитами,
путями неизбитыми,
Прошит метеоритами простор.
Оправдан риск и мужество,
космическая музыка
Вплывает в деловой наш разговор.
В какой-то дымке матовой
земля в иллиуминаторе,
Вечерняя и ранняя заря.
А сын грустит о матери,
а сын грустит о матери,
Ждет сына мать, а сыновей земля.

ПРИПЕВ.

Земля в иллиуминаторе,
земля в иллиуминаторе,
Земля в иллиуминаторе видна...
Как сын грустит о матери,
как сын грустит о матери,
Грустим мы о земле — она одна.
А звезды тем не менее,
а звезды тем не менее
Чуть ближе,
но все так же холодны.
И как в часы затмения,
и как в часы затмения.
Ждем света и земные видим сны.

ПРИПЕВ:
И снится нам не рокот космодрома,
Не эта ледяная синева.
А снится нам трава,
трава у дома,
Зеленая, зеленая трава.
А мы летим орбитами,
путями неизбитыми,
Прошит метеоритами простор.
Оправдан риск и мужество,
космическая музыка
Вплывает в деловой наш разговор.
В какой-то дымке матовой
земля в иллиуминаторе,
Вечерняя и ранняя заря.
А сын грустит о матери,
а сын грустит о матери,
Ждет сына мать, а сыновей земля.

ПРИПЕВ.

ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

26 шахматная ОЛИМПИАДА

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

Умейте побеждать

В предпоследнем туре шахматной олимпиады «Смены» участникам заочного соревнования предлагается решить три этюда. Все позиции носят явно эндшпильный характер, они легко могли получиться в практической партии, тем полезнее их внимательно проанализировать. Решение этих этюдов в основном имеет практический характер, хотя и не лишено тонкостей, а материальный перевес белых в двух позициях не гарантирует их легкой разгадки.

В ответах необходимо подчеркнуть главные варианты решения. Ответ на каждое задание просим прислать на отдельной открытке.

Тринадцатый тур

Белые: Kph8, Ла2 (2)
Черные: Kpg1, пп. g7, h5 (3)
Белые начинают и выигрывают (3 балла)

Белые: Kpr2, Cg4, п. a5 (3)
Черные: Kp17, Cb3, п. e6 (3)
Белые начинают и выигрывают (4 балла)

Белые: Kpb2, Kh5, п. f5 (3)
Черные: Kph8, пп. c5, g7 (3)
Белые начинают и выигрывают (5 баллов)

Ответы на задания присылайте на отдельных открытках (без конвертов) с пометкой «26-я шахматная олимпиада. 13-й тур. I (II, III) задание». Последний срок присылки ответов (по почтовому штемпелю) — 1 сентября.

2 шашечная ОЛИМПИАДА

Под редакцией мастера Виктора КРАМАРЕНКО

Контрудар

Вы уже знаете, насколько опасен может быть «роздых». Опасность эта заключается в том, что при нападении на шашку следующий ход нападающего уже известен противнику: вынужденное взятие атакованной шашки.

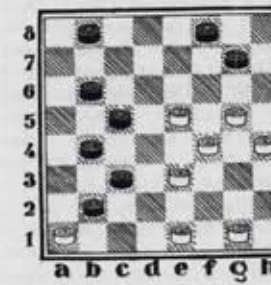
При наличии слабостей в лагере нападающего противник может не уводить или не защищать атакованную шашку. Наоборот, предоставляемый ему темп он может использовать для контрнападения. Поэтому, нападая на ту или иную шашку противника, необходимо тщательно следить за возможными контрударами. Контрудар — один из наиболее распространенных тактических приемов. Предлагаем рассмотреть пример контрудара на другом фланге, в стороне от нападения.

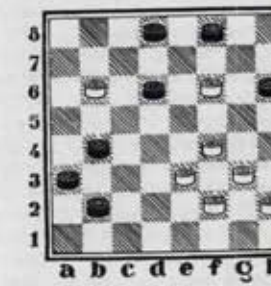
1... c7-b6?
Нападая на шашку c5, черные предполагали, что случится следующее: 2. f2-g3 b6:f2 3. g3:e5 f6:d4 4. h4:d8 d4-c3 5. e1:g3 c3:h4 с материальным и позиционным перевесом. В действительности же последовал контрудар.

Тринадцатый тур

- I. Найдите этот контрудар (1 балл).
- II. В. Ленченко (г. Белово, Кемеровской области) Публикуется впервые.

III. А. Ботяновский (г. Глубокое, Витебской области) Публикуется впервые.

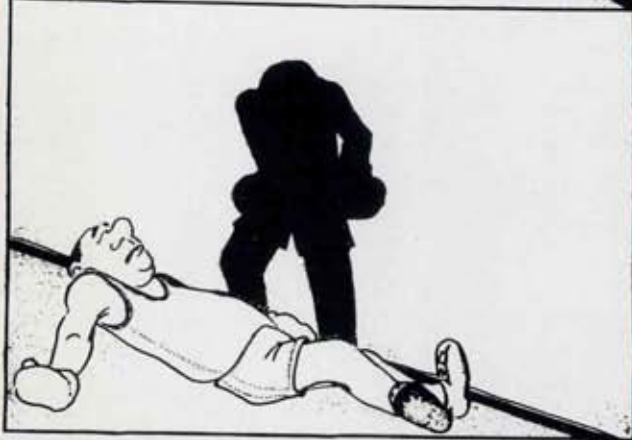
В обеих позициях белые начинают и выигрывают (по 2 балла). Ответы на задания тринадцатого тура присылайте с пометкой: «2-я шашечная олимпиада. 13-й тур». Последний срок присылки ответов 1 сентября (по почтовому штемпелю).

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 18.05.84. Подписано к печати 31.05.84. А 09592. Формат 70×108¹/₂. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 10,23. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1350000 экз. Изд. № 1710. Заказ № 2809. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Рисунок
Василия ПАНЬЧА,
Днепропетровск

КОНКУРС ЮМОРИСТИЧЕСКИХ РИСУНКОВ

Рисунок
Олега ПОМОЧИЛИНА,
Москва

Рисунки Владимира СТЕПАНОВА,
Новосибирск

КОНКУРС КРОССВОРДИСТОВ ИТОГИ ПЕРВОГО ЗАДАНИЯ «БЫТ И ОБЫЧАИ НАРОДОВ МИРА»

«Правильно делаете, что не даете уснуть нашей любознательности» — таков лейтмотив многих писем, присланных читателями, участниками первого задания конкурса кроссвордистов. Мы процитируем только одно письмо — А. Арутюняна. Оно заслуживает особого внимания, так как его автор по профессии врач-психиатр. Вот что он, в частности, пишет: «Считаю кроссворды очень полезной «гимнастикой ума». По моим наблюдениям, у них веские преимущества в этом плане перед различными настольными играми, включая шахматы. Во-первых, тут нет информативной монотонности, присущей этим играм. Ведь обычные кроссворды, нетематические, с каждым определением переключают деятельность нашего мозга из одной сферы познания в другую. Во-вторых, момент разгадки зачастую сопровождается реакциями типа «эврика!», поэтому память очень стойко фиксирует новую информацию, что немаловажно. Не менее полезно и сроставлять кроссворды. Несмотря на то, что при этом приходится просматривать массу литературы, мозг, как это ни парадоксально, **отдыхает**, пополняя и обогащая свой «отдел информации».

Первое задание конкурса попытались выполнить многие наши читатели, но, к сожалению, чаще всего безуспешно. Причем в большинстве случаев это можно объяснить только невнимательностью. Основные недочеты: заглядывание слов, не соответствующих тематике кроссворда; ошибки в загаданных словах; неточное толкование слов либо просто заимствование из словаря. Более чем в половине

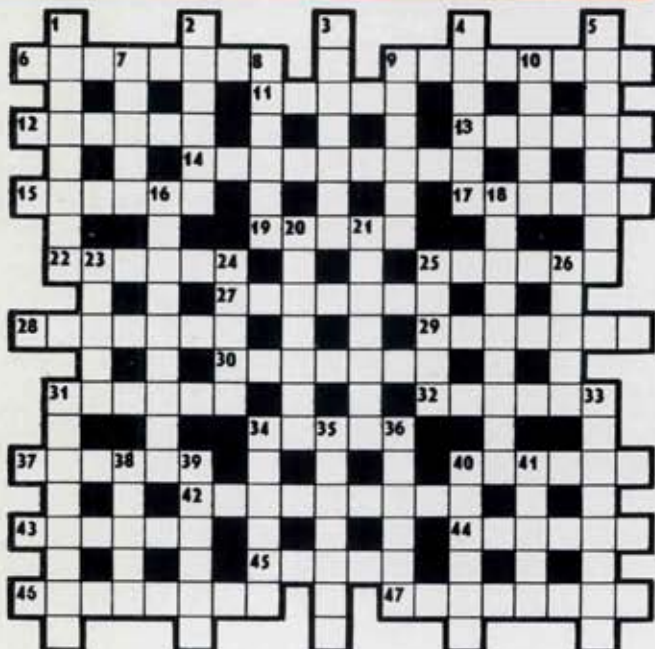
присланных на конкурс кроссвордов нет ссылок на источники толкования слов. Это грубейшая ошибка. Ссылки на источники не только облегчают работу над кроссвордом в редакции, но и экономят время самому автору при контрольной проверке задания перед его отсылкой.

Жюри, предварительно отобрав все кроссворды, соответствующие условиям первого задания, внимательно изучило их и выделило одиннадцать лучших. Самой интересной работой признан опубликованный в этом номере кроссворд; его составила инженер-автомобилист из г. Тореза Донецкой области Ольга Кошкер. Эта работа отмечена почетным дипломом «Смены». Дипломами «Смены», кроме того, награждены А. Арутюнян из Еревана, А. Белоречев из г. Усолье-Сибирское Иркутской области, Б. Додатко из Читы, Т. Казишвили из г. Гори Грузинской ССР, Т. Лялькина из Ижевска, И. Манега из деревни Вышемир Гомельской области, И. Мартынов из Астрахани, В. Небогатиков из Тюмени, Ю. Сепханов из г. Кировабада Азербайджанской ССР и П. Сильченко из села Лиски Воронежской области.

Сердечно поздравляем победителей и благодарим всех читателей, участвовавших в первом туре конкурса кроссвордистов.

Напоминаем, что условия второго тура конкурса опубликованы в № 9; а итоги его будут подведены в одном из сентябрьских номеров «Смены». Новых успехов в состязании!

Составила О. Кошкер,
г. Торез Донецкой области

По горизонтали:

6. Литовский музыкальный инструмент. 9. Кондитерское изделие. 11. Общее название беллетристики. 12. Бытовавшая прежде в Средней Азии волосная сетка для лица. 13. Советский писатель, автор приключенческих книг. 14. Английский живописец XVIII века. 15. Походный строй, колонна у казаков. 17. Праздник весны в Узбекистане. 19. Азербайджанский народный танец. 22. Ниша в стене для кровати. 25. Ковер для борьбы дзюдо. 27. Небольшая круглая шапочка. 28. Роман Д. Алдайка. 29. Французский драматург XVIII века. 30. Стиль в европейском искусстве. 31. Пчеловодное хозяйство. 32. Японские шашки. 34. Финская баня. 37. Небольшой ресторан во Франции. 40. Сибирское название забора. 42. Песня венецианских лодочников. 43. Военные брюки. 44. Артистка и педагог, одна из создателей английского балета. 45. Денежная единица нескольких стран Европы. 46. Советская фехтовальщица, неоднократная чемпионка мира и Олимпийских игр. 47. Старинная узорчатая ткань для столового белья и полотенец.

По вертикали:

1. Один из основных видов индийского народного театра. 2. Спортивный снаряд. 3. Старинный шотландский танец. 4. Музыкальный интервал, увеличенная кварта. 5. Грузинская ватрушка с сыром. 7. Азербайджанское национальное блюдо. 8. Популярный персонаж чехословацкого театра кукол. 9. Известный венгерский шахматист начала XX века. 10. Автор сказки «Конек-Горбунок». 16. Самый употребительный размер в античной поэзии. 18. Турецкий диван без спинки. 20. Русский торговый праздник. 21. Духовой музыкальный инструмент. 23. Деталь славянской праздничной одежды. 24. Рассказ А. П. Чехова. 25. Группа кочующих цыган. 26. Стихотворение И. А. Бунина. 31. Герой романа Д. Мамина-Сибиряка. 33. Небольшой рассказ шутиwego содержания. 34. Старинный русский головной убор замужних женщин. 35. Балерина, народная артистка СССР. 36. Тип куртки. 38. Одежда, плотно облегает тело. 39. Опера К. Вебера. 40. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан». 41. Пористый материал, применяемый при мытье рук.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 12

По горизонтали:

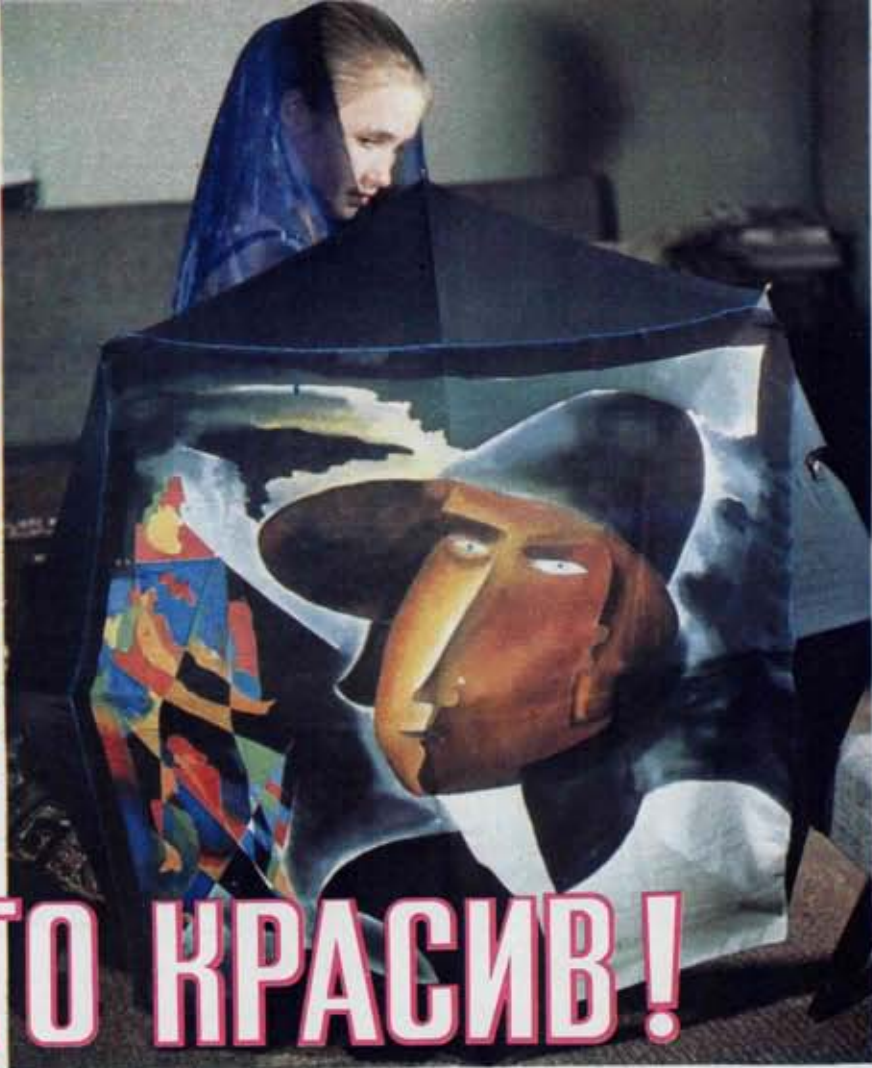
5. Шпингалет. 7. Стенга. 12. Белое. 13. Идеал. 15. Бригада. 17. Гермес. 20. Папаин. 22. Астрофотометр. 23. Днепр. 24. Игрек. 25. Рьюткин. 26. Якутск. 27. Хокку. 29. Лютик. 30. Переадресовка. 33. «Верасы». 34. Андерс. 35. Ризалит. 37. Щурок. 38. Кергли. 39. Маракас. 42. Анаграмма.

По вертикали:

1. Донце. 2. Удаль. 3. Способ. 4. Декада. 6. Керес. 8. Термодинамика. 9. Ногмов. 10. Гидроакустика. 11. Закат. 14. Бересклет. 16. Фигуристка. 18. Маррупа. 19. Стожары. 20. Пестова. 21. Приклад. 28. Юрмала. 31. Есаул. 32. Кнель. 35. Романс. 36. Тесьма. 40. Регби. 41. Кварц.

Платок — вещь обыденная, не правда ли? И в сравнении с другими предметами одежды — вроде неизменная, размер его квадрата разве что варьируется.

В мастерской молодого художника Владислава Соколова я увидела такие платки, которые поначалу не воспринимались как привычный аксессуар женского туалета. Они наполнили всю небольшую комнату мастерской, и каждый создавал в своем уголке особый мир. С подлокотника кресла струилось, переливаясь спелыми красками, ярко-оранжевое яблоко, глубокой ночной синевой мерцал звездный полог, полыхал разноцветным закатным светом город... На шелковых полотнах предстали своеобразные картины. Но вот художник сдернул шелковое полотно, висевшее на стене, оно, брызнув контрастными цветами, поднялось в воздух... и у меня на плече оказался платок, привычно сложенный треугольником. Теперь полотно с изображением города на закате перестало быть картиной. Оно стало интересной и красивой частью одежды, с которой хотелось фантазировать, проигрывать в различных ситуациях — накинуть на плечи, покрыть голову, приколоть к поясу. Но повседневная одежда — подходящий ли фон для такого своеобразного платка?

ткани меланжевой окраски. Можно еще использовать и различную текстуру красителя по различным волокнам. Таких идей к концу обучения в институте накопилось у Владислава немало. Некоторые из них он смог воплотить в жизнь на платочной фабрике в городе Шелково, где работал главным художником. Владислав с благодарностью вспоминает этот период своей жизни: именно тогда после ряда неудач он обрел свой первый успех и первое настоящее признание. Хотя Владислав — художник с разносторонними интересами: пишет картины, расписывает ткани для платьев, несколько его работ было на последней выставке молодых художников в Манеже, — но все равно платки остались одним из его главных увлечений.

ДО ЧЕГО КРАСИВ!

**ОЖИВЯТ И УКРАСЯТ
ОДЕЖДУ
ЭТИ НАРЯДНЫЕ ПЛАТКИ!**

**В МАСТЕРСКОЙ
ХУДОЖНИКА.**

— Вы мечтатель. Как и когда носить такой платок? Для него нужна особая жизнь.

— Я это знаю, — был ответ. — И хочу, чтобы мои платки помогали человеку выразить в своей внешности характер, настроение, мысли. Чтобы они создавали определенный образ. Поэтому я чаще пишу платки к какому-то конкретному туалету...

Действительно — «пишу», а не делаю или расписываю.

Каждый платок создается художником как экспромт. Конечно, общий его образ обдумывается Владиславом заранее, и затем, как бы на одном дыхании, на одном порыве рисунок наносится на полотно. Работа должна длиться не более двух-трех часов: краски, предназначенные для такой росписи, сохнут почти моментально. Что можно изобразить на платке? Художник считает: все, что угодно. Вопрос только — как. Сейчас Владислава занимает проблема создания многоструктурной росписи. Она позволит платку в любом состоянии: сложенном, сдрапированном, растянутом — иметь вполне законченную композицию. Структура росписи не будет казаться нарушенной, какие бы формы ни принимал платок, а сам он станет многолик.

Для своих изделий Владислав берет

в основном только шелковые ткани. Они пластичны, хорошо «впитывают» краски, приятны на ощупь. У каждого вида шелка — свои особенности: крепдешин дает глубокий цвет, шифон воздушен, туюль хороша для пастельных красок.

За свою трудовую жизнь Владислав хорошо изучил секреты взаимоотношений ткани и красок. Работал на 1-й ситценабивной фабрике. Проблемы росписи тканей заинтересовали Владислава, и он поступил в текстильный институт на художественно-графическое отделение. С тех пор текстиль стал той областью, где неутомимый в своих поисках художник прокладывает собственный путь. Еще в институте Владислав работал над различными способами окраски тканей. Одним из направлений его поисков было «недо-

статок превратить в достоинство». К примеру, трудно красить смешанные ткани, ведь каждая нить имеет свою химию крашения. Но зачем биться над тем, чтобы делать такие ткани однотонными? Надо воспользоваться этим «неприятным» свойством и делать

— Иногда меня называют мечтателем. Но ведь мечты мои реализуются, открывают новые возможности для поисков. Кунцевскую фабрику, где я работаю художником, преобразуют в Московскую экспериментальную фабрику при Министерстве легкой промышленности СССР...

Изделия этой фабрики будут выпускаться небольшими партиями. Это позволит соединить индивидуальные поиски модельеров с серийным производством. Несомненно, интереснейшие эксперименты художника Владислава Соколова с таким традиционным элементом одежды, как платок, найдут там достойное воплощение. Красочные и образные изделия, изготовленные по его моделям, — это ведь возможность в одежде найти стиль, образ, оттенить характер.

Мария БОГДАНОВА

Фото Альберта ЛЕХМУСА

**Цена номера 35 коп.
Индекс 70820**